Digitized by the Internet Archive
in 2013

http://archive.org/details/liubovmuzykantar028800

ЛЮБОВЬ МУЗЫКАНТА.

Романъ

Андрея Ярославцова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книгопродавца Ѳ. В. Базунова.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ 21 Іюля 1841 г.

Цензоръ С. Куторга.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ІОГАНСОНА.

Я изъ груди моей исторгъ
Въ ней обитавшую богиню,
Разбивъ любви моей святыню
И мой мучительный восторгъ.
Но святотатственное дѣло
Сгубило розы бытія:
Недолго грудью опустѣлой
Безумно радовался я!
Побѣды гибельной трофеи
Колючимъ терномъ обвились;
Шипучимъ роемъ злыя змѣи
Въ пустое сердце ворвались.
Ужъ я мечтѣ не довѣряю,
Цѣню безстрастно черный свѣтъ,
И съ устъ проклятьями срываю
Лобзаній тайныхъ свѣжій слѣдъ.

В. Г. Бенедиктовъ.

III.

ЛЮБОВЬ МУЗЫКАНТА.

I.

Я вянулъ, исчезалъ, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось....

К. Н. Батюшковъ.

Растворяйся, рай мечтаній!
Изъ за темныхъ грусти тучъ
Вновь пробился яркій лучъ
Золотыхъ очарованій....

В. Г. Бенедиктовъ.

Das Schönste sucht er auf den Fluren,
Womit er seine Liebe schmückt.

Ф. Шиллеръ.

Какое великолѣпное утро, послѣ нѣсколькихъ ненастныхъ дней, настало 28 Декабря 18** года! Воздухъ былъ неморозный, освѣжительный; ясная голу-

бая твердь украсилась на небосклонѣ свѣтомъ розовымъ, который, постепенно принимая другіе цвѣта, покрылся наконецъ однимъ яркимъ золотымъ свѣтомъ: и изъ этого въ величавомъ блескѣ поднялось солнце. Зажглись кресты церквей, озолотились зданія, бриліанты разсыпались по снѣжному пушистому покрывалу земли. — Васильевскій - Островъ пробудился: желѣзныя лопатки и топоры звонко стучали на тротуарахъ; двери и форточки булошень безпрестанно отворялись и затворялись; по улицамъ спѣшили люди къ своимъ занятіямъ; подъ полозьями немногихъ еще экипажей скрипѣлъ снѣгъ.

Въ домѣ Крупникова все приняло свой обыкновенный порядокъ: отецъ занялся конторскими дѣлами, Эвфалія стала прилежно готовить заданный урокъ на фортепіано, а прочіе принялись за хозяйство или рукодѣлье.

Но въ домѣ Эдуарда Вольфганга была ужасная суматоха. Она началась еще въ осьмомъ часу.

— «Не сердись на меня, маменька!» говорилъ слабымъ голосомъ Эдуардъ, лежа на диванѣ въ объятіяхъ сидѣвшей матери.

— «Ну, ну, Богъ съ тобой!.... Не безпокой себя только....»

— «Ахъ! что-жъ мнѣ дѣлать, когда я ее такъ люблю!....»

— «Охъ! вы, молодые люди!.... Увидите хорошенькое личико, такъ и души въ себѣ не слышите!.... Говорила я, что изъ этого ничего не выдетъ: она живетъ въ богатствѣ; а насъ, видишь, судьба не очень-то ласкаетъ.... Конечно, и у богатыхъ есть душа, да ужъ все както!.... То-ли-бы — Эмилія Гиммельтраумъ!.... Нѣтъ богатства; зато въ цѣломъ мірѣ не сыщешь такой достойной дѣвушки....»

При этихъ словахъ служанка принесла изъ аптеки спиртъ.

— «Подай, подай сюда!» сказала г-жа Вольфгангъ.

— «А деньги сдачи куда дѣвать?....» спросила служанка.

—«Положи гдѣ-нибудь; положи на коммодъ;» сказала г-жа Вольфгангъ и принялась теретъ сыну виски, лобъ; подносить стклянку къ носу его. Это материнское леченіе и слова ея подкрѣпили нѣсколько молодаго человѣка, сильно ослабѣвшаго отъ обморока.

Обморокъ случился съ Эдуардомъ первый разъ въ его жизни, послѣ мучительной ночи, извѣстной читателю изъ первой главы нашего разсказа. Послѣ этой ночи онъ, повидимому, совершенно здоровый пришелъ въ комнату къ матери пить кофе, хотѣлъ что-то говорить и— вдругъ упалъ безъ чувства на полъ. Его отнесли въ залъ па диванъ. Покуда мать

послала за докторомъ, въ аптеку за спиртомъ, Эдуардъ пришелъ немного въ себя. Для успокоенія матери, онъ разсказалъ ей въ немногихъ словахъ свое двухдневное страданіе и все, произшедшее въ минувшую ночь. — Наконецъ силы его, при пособіяхъ, стали возвращаться; призраки безъ образовъ, дотолѣ мелькавшіе въ его воображеніи, стали исчезать и дневный свѣтъ и предмѣты явились глазамъ его въ своемъ настоящемъ видѣ. Онъ поднялся изъ объятій матери.

Съ тайнымъ, безпокойнымъ любопытствомъ и съ желаніемъ развлечь какъ-нибудь выздоравливающаго, спросила мать: «Но странно, какъ-же ты видѣлъ нашего добраго Бека?....»

— «Право, ужъ мнѣ кажется, не во снѣли?.... Только я его видѣлъ точно какъ живаго!.... Онъ на меня посмотрѣлъ!....» Тутъ страшно поблѣднѣло лице Эдуарда

и онъ угрюмо сказалъ: «Не будемъ объ этомъ говорить, маменька!....»

— «Но ты сегодня останься лучше дома, Эдуардъ....»

— «Нѣтъ; теперь я опять совсѣмъ здоровъ!.... Я сегодня пойду къ нимъ на урокъ!» сказалъ Эдуардъ рѣшительно.

— «Ахъ, мой Богъ!» сказала съ негодованіемъ мать: «Ты готовъ идти въ борьбу съ судьбою!....»

— «Какая судьба!.... Я знать не хочу никакой судьбы!....»

— «Ну, сынъ мой, съ судьбою ужъ не ссорься!.... Ты видишь, что я имѣю противъ нея, кромѣ терпѣнія и тебя...»

Эдуардъ обнялъ мать и сказалъ: «Но, маменька, развѣ я не терплю, развѣ я не тружусь?.... Зачто-жъ она возстаетъ на меня такъ нестѣрпимо; вѣдь я человѣкъ!.... Нѣтъ, я.... я непремѣнно сегодня вынужу!.... Нѣтъ, я вымолю рѣшительно ея согласіе — быть моею женою!...»

— «Ну, Богъ съ тобой! Дѣлай какъ знаешь!» сказала мать, уступая сыну; а сердце ея разрывалось отъ боли. Съ обыкновеннымъ своимъ терпѣливымъ раздумьемъ пошла она заниматься хозяйствомъ.

— «А если Эвфалія не согласится?...» думалъ Эдуардъ, ходя по комнатѣ. «Не можетъ быть! Мы уже неразъ говорили съ нею о будущемъ взаимномъ нашемъ блаженствѣ!.... А если?.... Тогда — смерть ей и мнѣ!.... А если отецъ?.... Вздоръ! Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ препятствій для нашего союза!.... Правда, есть много мужчинъ красивѣе меня; но она меня любитъ!.... Приэтомъ вся нѣжность, съ которою обнаруживалась любовь Эвфаліи, представилась воображенію Эдуарда. Онъ ходилъ скоро по комнатѣ. «Правда,» думалъ онъ, «я самъ зажегъ въ ней эту любовь: но съ того только времени она и начала жить полною жиз-

нію; — это она сама говорила!....» Остановясь предъ зеркаломъ, Эдуардъ увидѣлъ свое лице, обезображенное блѣдностію, исхудалостію — слѣдами двухъдневныхъ мученій. «Ничего!» подумалъ онъ, «это въ жертву любви, Эвфалія!....» Вспыхнувшее сердце лишило его, на нѣсколько минутъ, способности мыслить. Онъ сѣлъ на диванъ. Прямо противъ него стоялъ рояль. Въ памяти и воображеніи Эдуарда безпрестанно мелькали тѣ поиски быть близъ Эвфаліи, и тѣ минуты, отданныя любви, которыя отклонили его отъ строгаго, усерднаго занятія музыкою. Онъ вспомнилъ молодаго соученика у Фильда: и почти съ бѣшенствомъ вспомнилъ, что этотъ молодой человѣкъ, въ послѣднее время, далеко превзошелъ его въ игрѣ на фортепіано. «Ты будешь моя!....» сказалъ Эдуардъ, вскочивъ съ дивана, «или — смерть! смерть!....» Холодный потъ началъ выступать на его

тѣлѣ; силы ослабли, онъ опять опустился на диванъ; казалось, обморокъ повторится....

Чрезъ нѣсколько минутъ Эдуардъ ободрился; взялъ бумагу, перо: хотѣлъ написать письмо къ Эвфаліи на случай, если-бы не удалось ему говорить съ нею; но смущенный духъ принудилъ его бросить перо. Онъ пересмотрѣлъ списокъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ ему сегодня надо было дать уроки, спросилъ бѣлье, платье и сталъ одѣваться. Немного помятая манишка такъ раздражила его, что онъ первый разъ въ жизни ударилъ служанку, которая подала ему бѣлье. Въ десять часовъ вышелъ онъ изъ дома: мать съ раздумьемъ посмотрѣла ему въ слѣдъ изъ окна, со вздохомъ взглянула на небо и опять отправилась къ своимъ домашнимъ обязанностямъ.

На первомъ урокѣ въ тотъ день Эдуардъ пробылъ неболѣе получаса: нетер-

пѣливая ученица сама оставила фортепіано, сказавъ, что у ней страхъ какъ голова вдругъ заболѣла. Но передъ матерью своею она извинилась тѣмъ, что съ Вольфгангомъ невозможно было сидѣть: «онъ сегодня,» говорила она, «былъ такъ золъ, какъ тигръ!»

Съ этого урока Эдуардъ прибылъ прямо въ домъ Крупникова. При его входѣ въ переднюю, Эвфалія прервала игру на фортепіано. «Смерть! или ты моя!» подумалъ Эдуардъ, сбросилъ шубу и мгновенно явился передъ Эвфаліею.... Гдѣ гнѣвъ? гдѣ бѣшенство? гдѣ отчаяніе?... Эдуардъ передъ Эвфаліей — и въ цѣломъ мірѣ для Эдуарда нѣтъ другой Эвфаліи! И всѣ причины его недавняго страданія, козалось ему, были порождены только его воображеніемъ.

Эвфалія, какъ изумленная грація, встрѣтила Эдуарда звучными и быстрыми вопросами: «Что съ вами? Вы нездоро-

вы? Будьте смѣлѣе: никого нѣтъ дома!» И схвативъ Эдуарда за руку, она подвела его къ зеркалу: «Глядите!.... Блѣдный, волосы растрепаны!.... Вы нездоровы?....»

— «Вы не человѣкъ, Эвфалія!.... Вы, ангелъ!....» проговорилъ Эдуардъ въ какомъ-то упоеніи.

— «Поправьте-же хоть ваши волосы прежде, и потомъ хвалите меня, сколько угодно!....»

Схвативъ и прижавъ къ горячимъ губамъ руку Эвфаліи, Эдуардъ воскликнулъ отъ полноты обрадованной души: «Эвфалія! Эвфалія!....»

И могъ-ли онъ сказать что-нибудь болѣе?....»

Эвфалія, не отнимая руки своей, стояла съ поникшими глазками, съ улыбкою, млѣя въ какомъ-то самодовольномъ упоеніи. Блѣдное лице Эдуарда покрылось опять розовымъ цвѣтомъ. Неудивительно:

Эвфалія была въ томъ видѣ, въ которомъ женщина, уподобляясь небожителямъ, имѣетъ власть на жизнь и смерть мечтателя; въ этомъ видѣ она можетъ извлечь грѣшника изъ его бездны грѣховъ и примирить съ небомъ, умилить отступника отъ Вѣры и повергнуть его во прахъ предъ Великимъ Милосердіемъ.

— «Эвфалія,» сказалъ наконецъ Эдуардъ, выходя изъ своего сладкаго самозабвенія, «вы не знаете, съ какимъ чувствомъ, съ какими мыслями шелъ я къ вамъ и какъ вы меня теперь вдругъ измѣнили! Вы бы ужаснулись!....»

Тутъ Эдуардъ разсказалъ всѣ свои двухдневныя мученія. Эвфалія удивилась, что онъ могъ такъ сильно и напрасно потревожиться ея легкимъ обхожденіемъ.

— «Но, Эвфалія, какъ я страдалъ послѣднюю, нынѣшнюю ночь!....» И Эдуардъ ничего не пропустилъ въ повѣсти объ этой ночи. Эвфалію смѣшило вспал-

зываніе его къ окну и бѣгство изъ палисада; но ее испугало и даже заставило поблѣднѣть видѣніе покойнаго Бека. Эдуардъ кончилъ разсказъ — и нѣсколько минутъ продолжалось безмолвіе. Эвфалія молчала — пораженная разсказаннымъ видѣніемъ покойника; Эдуардъ молчалъ — одолѣваемый душевною борьбою и раздумьемъ о томъ, съ чего и какъ начать свое предложеніе Эвфаліи. Онъ не разсказалъ, съ какимъ чувствомъ и мыслями шелъ онъ на этотъ урокъ; Эвфалія забыла спросить о томъ. Оба они были поражены взаимными неожиданностями. Но минута все такъ устроила, что они были теперь такими друзьями, на которыхъ самое небо наложило-бы вѣнцы супружескіе. Наконецъ Эвфалія прервала безмолвіе словами: «Эдуардъ начнемъ-те нашъ урокъ; пора.» Эдуардъ съ душевною борьбою приблизился къ роялю: онъ былъ въ нерѣшимости, проис-

ходившей отъ сомнѣнія въ успѣхѣ его предложенія и оттого, что это предложеніе было теперь болѣе вынужденное, нежели приготовленное временемъ и любовію. — И въ самомъ дѣлѣ онъ благоразумно откладывалъ эту минуту до улучшенія своего состоянія; но она настала гораздо прежде; приступъ обѣщалъ болѣе успѣха, нежели медленіе — и онъ рѣшился.

— «Скоро возвратятся ваши?» спросилъ онъ отрывисто.

— «Да, теперь имъ надо скоро возвратиться. Онѣ поѣхали въ Гостиный-Дворъ.»

— «Послушайте, Эвфалія!» сказалъ Эдуардъ, горя весь огнемъ неизвѣстной будущности. — «Согласны-ли вы?.... Мы уже неразъ говорили о взаимномъ....»

Эвфалія поникла глазками въ клавиши, по которымъ водила рукою; она была въ миломъ недоумѣніи; улыбка играла на лицѣ ея; грудь колыхалась.

— «Вы поняли меня?» продолжалъ Эдуардъ: «я не буду о томъ говорить. Но— я намѣренъ просить руки вашей у Николая Григорьевича!.... Какъ вы думаете — согласится ли онъ?.... Я получаю теперь въ годъ около четырехъ тысячъ.... Конечно этого мало, чтобы окружить васъ всѣмъ тѣмъ, что вы имѣете теперь;.... но все это развѣ такъ необходимо?.... Я не напомню вашему батюшкѣ о приданомъ; хочетъ онъ — дай для васъ; мнѣ ничего ненадо!.... А если онъ не согласится на мое предложеніе?....»

Эвфалія слабымъ голосомъ проговорила: «Я, право, не знаю!»

Сердце Эдуарда билось въ эту минуту еще сильнѣе, нежели сердце Эвфаліи. Онъ опасался упустить случай для окончанія начатаго дѣла. Немного помолчавъ послѣ отвѣта Эвфаліи, онъ вдругъ сказалъ: «Эвфалія! если вашъ папенька не

согласится;.... мы можемъ жить безъ его помощи!.... Мать моя можетъ совершенно замѣнить вамъ папеньку!.... Оставьте его домъ!....»

— «Что вы? Что вы?» быстро возразила Эвфалія. «Онъ мнѣ чужой; но у него въ домѣ я и забыла, что имѣла отцемъ какого-то дикаря!»

Эдуардъ опасмурѣлъ и отступилъ немного отъ Эвфаліи.

— «Нѣтъ! нѣтъ!» продолжала рѣшительно Эвфалія. «Да и откуда пришла вамъ эта странная мысль?....»

Эдуардъ, опираясь рукою на рояль, стоялъ какъ приговоренный къ смерти.

— «Покинуть домъ, гдѣ меня воспитали?.... Покинуть папеньку, — этого добрѣйшаго человѣка?....»

Эдуардъ тяжело вздохнулъ. Его убитый видъ сдѣлалъ отпоръ рѣзкому сопротивленію Эвфаліи: она задумалась и въ

какомъ-то умиленіи сказала: «Развѣ нѣтъ другихъ средствъ, Эдуардъ?....»

— «Я не знаю никакихъ!....» мрачно сказалъ Эдуардъ. «И что могу я сдѣлать, когда вы ни на что не согласны?.... Я много принесъ въ жертву любви! Время, удовольствіе, трудъ! Я это особенно чувствую съ сегодняшней ночи! Мнѣ кажется, я все еще вижу упрекающую тѣнь старика!.... Погибъ я!....»

— «Но бѣжать изъ дома папеньки!» черезъ силу проговорила Эвфалія — и закрыла лице руками.

Эдуардъ мгновенно встревожился. «Ангелъ! Эвфалія!» говорилъ онъ. «Никогда! никогда! Прости меня!.... О, Боже!.... Нѣтъ, я надѣюсь, папенька не будетъ безчеловѣченъ! Я умолю его! Я буду цѣловать его руки, ноги!....»

Увлаженный слезами взоръ Эвфаліи вдругъ прояснѣлъ, какъ лазоревое небо послѣ дождя, и озарился умилительною

улыбкою. «Постойте!» сказала она: мнѣ приходитъ счастливая мысль!.... Въ Воскресенье нашъ концертъ.... Вы знаете, это сюрпризъ папенькѣ въ день его рожденья. Послѣ этого,» продолжала Эвфалія съ усмѣшкою, «папенька, вѣрно, на моей сторонѣ! Вотъ прекрасный случай.... Я сама ему во всемъ открою́сь!....»

Добрый читатель, что бы вы сдѣлали, еслибъ та, которую безнадежно обожаете, вдругъ, неожиданно изъявила вамъ взаимную любовь?.... Подумайте прежде нежели станете продолжать чтеніе; подумайте, что бы вы сдѣлали? Но пламенно-ли вы обожаете?....

Эдуардъ, не дождавшись конца рѣчей Эвфаліи, обхватилъ ея голову и огненно цѣловалъ ея лобъ, какъ хранилище счастливой мысли, которая открывала ему всю прекрасную будущность.

Въ эту минуту у воротъ дома Крупникова явились сани: Софья Васильевна и Архиповна возвратились домой съ покупками. Разговоры послышались въ близкихъ комнатахъ. Учитель и ученица занялись піесою, назначенною для сюрприза Крупникову. Черезъ часъ они расталась, — съ улыбками, которыя выражали сходство чувствованій: страстная нѣга, проблескивавшая въ лицѣ Эвфаліи и упосніе Эдуарда отъ неожиданнаго согласія ея — отдѣляли обоихъ счастливцевъ отъ жизни обыкновенной. Перечувствовавъ въ немногія минуты такъ много, они конечно не могли явиться передъ людьми въ своемъ привычномъ состояніи: Эвфалія была разсѣяна, не отвѣчала на замѣчанія и шутки Софьи Васильевны на счетъ Эдуарда и, безъ участія, разглядывала купленныя матеріи; Эдуардъ имѣлъ въ мысляхъ только сюрпризъ въ день рожденія Крупникова:

голова его была слишкомъ разгорячена, чтобы что-нибудь думать.

Дорогою разговоръ двухъ женщинъ разсмѣшилъ Эдуарда:

Первая. Вотъ, какъ я прошлаго года, передъ Рождествомъ Христовымъ, поработала то-тамъ, то-сямъ, такъ, посмотришь, въ недѣльку десять рубликовъ и собрала!.... На праздникахъ-то и похозяйничали! Хи, хи, хи!....

Вторая. (сквозь зубы). Вѣстимо такъ. А то на мѣстѣ—трудно....

Первая. Куда тебѣ! Кромѣ неугодства, въ людяхъ ничего не наживешь!....

Этотъ отрывокъ изъ разговора напомнилъ Эдуарду утренній его поступокъ съ служанкою: и все удовольствіе его огорчилось этимъ припоминаніемъ. «Извощикъ!» закричалъ онъ — и поѣхалъ въ Гостиный-Дворъ. Дорогою всѣ его думы, едва начавшись, оканчивались словомъ «*Воскресенье!*» послѣ чего онъ ста-

новился на нѣсколько минутъ распаленнымъ чувствомъ: мимо него мелькали: домы, люди, улицы; въ воображеніи его являлись: Эвфалія, рояль, комната, изъ которой онъ только-что вышелъ совершенно обновленный; — и все это смѣнялось вдругъ однимъ, но много заключавшимъ въ себѣ словомъ, «*Воскресенье!*»

Въ ту лавку Гостинаго-Двора, гдѣ Эдуарду отмѣривали уже двѣнадцать аршинъ ситцу, вошло семейство Винцевичь: мать — пожилая женщина, двѣ ея дочери — одна полуотцвѣтшая, другая еще цвѣтущая, и, моложе ихъ всѣхъ, сынъ — изъ породы маменькиныхъ сынковъ. Упреки посыпались на Эдуарда зато, что онъ вовсе забываетъ тѣхъ, которые его такъ любятъ. Дѣвицы, увидѣвъ его покупку, тотчасъ-же, съ граціознымъ лукавствомъ, спросили: «Ахъ! для кого-это? для кого-это? мосьё Вольфгангъ!» «Для нашей прислужницы,»

отвѣчалъ нехотя Эдуардъ. Одна изъ любопытныхъ улыбнулась; другая продолжала: «Такой ситецъ для служанки?....» И, между-тѣмъ какъ мать заговорила съ Эдуардомъ о его успѣхахъ по урокамъ, дѣвицы тихо спрашивали у брата, какая у Вольфганга служанка?....

Такъ какъ эти покупательницы не нашли желаемаго въ лавкѣ, то и вышли оттуда вмѣстѣ съ Эдуардомъ. Раставаясь, онѣ взяли съ него обѣщаніе — посѣтить ихъ непремѣнно сегодня вечеромъ. Эдуардъ, послѣ нѣсколькихъ шаговъ, обратился и душевно хохоталъ, глядя на бархатную сѣраго цвѣта шапку, бывшую на головѣ молодаго Винцевича. Отороченная чернымъ барашкомъ, она, въ родѣ колпака, оканчивалась небольшимъ чернобархатнымъ кружкомъ; къ этому кружку была прицѣплена большая серебряная кисть, которая тянула всю шапку съ головы. Изъ подъ шапки торча-

ли по вискамъ огромные локоны. Эдуардъ смѣялся; но, вспомнивъ «о *Воскресенье*,» полетѣлъ во вторую линію на Васильевскій-Островъ.

Съ тоскующимъ взоромъ и съ нетерпѣніемъ увидѣть поскорѣе сына, г-жа Вольфгангъ неразъ уже взглядывала въ окно. Вдругъ къ воротамъ подъѣхалъ сынъ. Его живой прыжокъ изъ саней и веселый взглядъ на окна своей квартиры оживили сердце матери: и для нея явилось солнце, и день сдѣлался свѣтлѣе.

— «Акулина, на, вотъ тебѣ! — Я тебя давеча обидѣлъ!» сказалъ Эдуардъ, отдавая въ кухнѣ служанкѣ ситецъ.

— «И, батюшка, Эдуардъ Богдановичъ, я ужъ и забыла про то!» И развернувъ подарокъ, изумленная Акулина бросилась въ ноги Эдуарду; но онъ, поспѣшно сказавъ ей: «Ну, ну, ну, поди! поди!» ушелъ въ комнату. Для матери

онъ привезъ десятокъ лимоновъ, до которыхъ она была охотница.

За обѣдомъ мать, видя добрую перемѣну въ здоровьѣ сына, мало-по-малу дошла до вопроса, котораго онъ неочень любилъ: «Какъ ты себя чувствуешь теперь?»

— «Ничего, мама: я совсѣмъ выздоровѣлъ! Всему виновато мое воображеніе!... Богъ знаетъ, чего я ни думалъ!... А вышло совсѣмъ иное!... Правда, этого я не ожидалъ!.... Знаешь, маменька, она сама хочетъ въ Воскресенье.... или нѣтъ, послѣ Воскресенья просить согласія отца на нашъ бракъ!....»

Мать не сказала на это ничего: радость сына была грустію для ея души.

— «Ну, что-же, маменька, тебя это совсѣмъ, кажется, не радуетъ?!...»

— «Я тебѣ желаю счастія!» сказала она со вздохомъ; «но радоваться, другъ мой, трудно, когда твое счастіе еще да-

леко; и когда я уже опытомъ разучилась вѣрить улыбкамъ счастія.»

Эти истины, сказанныя отъ полноты грустнаго чувства, едва коснулись слуха радостнаго Эдуарда. Послѣ недолгаго молчанія мать начала разговоръ о цѣнѣ купленнаго ситца и т. п. А между-тѣмъ Эдуардъ, представляя свою напрасную ревность, поэтизировалъ ее и хотѣлъ выразить въ звукахъ. Онъ воображеніемъ создавалъ уже оперу; ставилъ на сцену: лица, декораціи; располагалъ музыку. Но сколько онъ ни принимался послѣ обѣда осуществить свою мысль на фортепіано въ фантазіи, — все напрасно.

Сильное удовольствіе, воспламеняя душу поэта, побуждаетъ ее къ творчеству и въ то-же время препятствуетъ ей творить: оттого въ грудь ложится какое-то тяжелое чувство, которое такъ ослабляетъ душевныя и тѣлесныя силы поэта, что заставляетъ его искать ободренія въ ка-

комъ-бы ни было обществѣ. Подобное испытываетъ каждый человѣкъ. Нашъ молодой поэтъ недолго боролся съ этимъ чувствомъ: и еще охотнѣе, нежели-бы въ другое время, отправился онъ въ седьмомъ часу вечера въ семейство Винцевичь.

Это семейство жило въ Фурштадской улицѣ; занимало большую квартиру. Домашній бытъ его не могъ нравиться строгому вкусу: часто какая-нибудь шкатулка или коробка стояла не на своемъ мѣстѣ; порядочная мебель была почти вся оцарапана; иногда на стулѣ оставлены были пыль или пепелъ сигары; собаченка и двѣ кошки безпрестанно возились въ комнатахъ или располагались по стульямъ. Если кто видалъ въ расплохъ прислугу господъ Винцевичь, состоявшую изъ кухарки, двухъ горничныхъ и лакея, видалъ ее всегда въ изорванной или неопрятной одеждѣ.

Эдуардъ познакомился съ этимъ семействомъ чрезъ уроки, которые съ годъ брали у него обѣ дочери. Его талантъ и привлекательныя ласки Винцевичей сблизили молодаго поэта съ ними, какъ съ людьми, которые любятъ прекрасное до упоенія. Но для такихъ людей прекрасное бываетъ прекраснымъ недолго, — пока оно имъ ново: потому-то, когда Винцевичи менѣе стали изъявлять свои восторги и даже вниманіе къ игрѣ Эдуарда, то онъ рѣже сталъ посѣщать ихъ домъ. Причина сегодняшняго его посѣщенія намъ извѣстна.

Онъ вошелъ черезъ залу прямо въ гостиную. Здѣсь, у одного окна, сидѣлъ молодой Винцевичь, Аркадій, развалясь въ креслахъ, и, по какой-то странности, въ той-же шапкѣ, которая смѣшила Эдуарда утромъ; онъ курилъ изъ богатой трубки, украшенной бисеромъ, цѣпочками и т. п. У противоположной ему стѣны си-

дѣла на диванѣ мать, погруженная въ Турецкую созерцательность; а за круглымъ столикомъ у того-же дивана сидѣли ея дочери: одна изъ нихъ вышивала по канвѣ, а другая вязала бисерный кошелекъ.

— «А, гутъ набендъ, герръ Вольфгангъ!» сказалъ Аркадій, встрѣчая Эдуарда.

— «Здравствуйте, мой добрый Эдуардъ Богдановичъ!» сказала г-жа Винцевичь. «Милый виртуозъ! Не стыдно-ли, совсѣмъ насъ забыли!.... Садитесь къ намъ, сюда, поближе!...»

— «Волленъ зи....» началъ было Аркадій и, не зная какъ продолжать, хохоча, убѣжалъ изъ комнаты и возвратился съ трубкой табаку, которую съ улыбками и изгибами подалъ Эдуарду.

Г-жа Винцевичь приказала подать и для себя трубку табаку.

— «Что, вашъ концертъ? Эдуардъ

Богдановичъ!» спросила старшая изъ дѣвицъ.

— «Скоро будетъ данъ. Извините, этотъ концертъ не я даю; я только участвую въ немъ.»

— «Но съ того времени,» сказала г-жа Винцевичь, «какъ мы васъ не видали, вы очень перемѣнились! Вы очень похудѣли!....»

Эдуардъ не успѣлъ еще сказать на это ни слова, какъ уже другая дѣвица спросила: «Вы не влюблены-ли?!...»

Этотъ вопросъ, легко и шутливо сдѣланный, смѣшалъ Эдуарда: онъ опустилъ глаза. Вдругъ кто-то хикнулъ: Эдуардъ взглянулъ; — Мефистофельская улыбка замерзла на лицѣ всѣхъ. Эдуардъ нахмурился.

— «Вотъ, молодые люди!» сказала г-жа Винцевичь. «Нѣтъ, въ наше время не смѣялись надъ любовью;.... да и не стыдились ея,» прибавила она лукаво.

«Какъ я помню, сынъ нашего сосѣда, помѣщика, былъ влюбленъ!.... Умный, любезный молодой человѣкъ!.... Какой поэтъ былъ! Какіе стихи сочинялъ!....»

Приэтомъ въ гостиную вошла гостья, женщина Геркулесовскаго стана, съ роскошнымъ розовымъ лицемъ и молнійными глазами. Послѣ громкихъ веселыхъ привѣтовъ, начала она говорить, что сегодня въ Гражданской Палатѣ она рѣшительно окончила дѣла о продажѣ своего дома.

Вслѣдъ за нею пришелъ вертлявинькій прапорщикъ корпуса Путей Сообщенія съ пожавшимъ па свѣтѣ ротмистромъ Уланскаго полка, дальнимъ родственникомъ Винцевичь. Ротмистръ съ восторгомъ разсказалъ о своемъ открытіи: онъ недавно сличалъ табакъ всѣхъ Петербургскихъ табачныхъ фабрикъ и нашелъ, что лучше Жукова нѣтъ, рѣшительно нѣтъ! А прапорщикъ принесъ обращикъ

своего искуства. какую-то каррикатурку, которая очень заняла дамъ, особенно гостью изъ Гражданской Палаты: она очень любовалась каррикатуркою и художникомъ, и даже нечаянно наступила ему на ногу. Это общество скоро раздѣлилось: мать осталась бесѣдовать съ гостьею, а молодые люди перешли въ залу. Эдуардъ, по общему желанію, сѣлъ за рояль.

Черезъ полчаса прибылъ еще гость, Книгинъ, вице-директоръ того департамента, въ которомъ служилъ Аркадій. Не одна зависимость сына скрѣпляла знакомство дома Винцевичь съ этимъ сановникомъ: онъ былъ старикъ скромный — отъ недальнаго ума, и искалъ общества себѣ по-плечу. Вистикъ съ г-жею Винцевичь и двумя ея дочками, воспоминаніе прежняго времени, веселыхъ и особенно дешевыхъ временъ Екатерининскихъ; городскія новости о свадьбахъ,

убійствѣ и воровствѣ, составляли его удовольствіе и бесѣду въ этомъ домѣ; онъ часто замѣнялъ нынѣшнія Полицейскія Вѣдомости. Кромѣ того, однозвѣздный фракъ и многокрестная шея *сего* сановника необходимы были для честолюбивой г-жи Винцевичь, какъ диванъ, на которомъ она любила величаться. Этимъ новымъ гостемъ въ тотъ вечеръ увеличилось и украсилось общество г-жи Винцевичь, и ея сынокъ неотлучно вертѣлся около стула, къ которому приросъ почтенный его покровитель.

Между-тѣмъ музыкальное наслажденіе молодыхъ людей у рояля начало слабѣть. Послѣ нѣкоторыхъ скромныхъ вольностей, дѣвицы сѣли съ офицерами поодаль отъ Эдуарда, и скоро ихъ разговоры подъ музыку сдѣлались пріятными дотого, что глаза ихъ увлажнивались. Эдуардъ кончилъ піесу; отвѣчалъ на нѣсколько вопросовъ, вынужденныхъ приличіемъ, и

недолго принуждалъ себя быть лишнимъ между гостями: взялъ шляпу и извинился тѣмъ, что сегодня въ девять часовъ назначена репетиція нѣкоторыхъ піесъ для концерта.

— «Вы, вѣрно, сочинять идете?» спросила громко старшая сестра Винцевичь, какъ будто думая, что общество ихъ было такъ вдохновительно.

— «Да-съ!» съ усмѣшкой отвѣчалъ Эдуардъ и ушелъ. «Чортъ ихъ побери! Вѣдь какъ просили давеча! Совѣстно было отказаться! А какъ обошлись!....» думалъ онъ дорогою. «Какъ вольны сдѣлались дочери, и какой сталъ низкій человѣкъ этотъ сынъ!....» Серебряныя облака быстро неслись по темноголубому небу, съ котораго глядѣли на землю полный мѣсяцъ и яркія звѣзды. Эдуардъ посмотрѣлъ на нихъ; потомъ что-то запѣлъ; опять вспомнилъ «Воскресенье:»— и пламя радости, немного ослабѣвшее

въ непріятномъ обществѣ, опять вспыхнуло въ груди его. Звѣзда поэзіи зажглась надъ нимъ: опера, которую онъ обдумывалъ за обѣдомъ, заняла его. Онъ нанялъ извощика на Пески.

Къ деревянному одноэтажному дому подъѣхалъ Эдуардъ. Здѣсь жилъ знакомый ему и родный по мечтамъ, молодой Русскій поэтъ, Платонъ Павловичъ Е*. Онъ недавно кончилъ курсъ въ Санктпетербургскомъ университетѣ и совершенно отдался своимъ прекраснымъ планамъ и мечтамъ. Эдуардъ учился у него когда-то Русскому языку и пріобрѣлъ его любовь, какъ музыкантъ и поэтъ. Войдя въ калитку на дворъ, онъ тихо постучался у дверей. Прислужница, со свѣчею въ рукѣ, отворила дверь и отвѣчала: «Дома-съ;» потомъ приняла шубу Эдуарда, посвѣтила ему войти въ комнату и опять ушла на кухню. Изъ сосѣдняго покоя Эдуарду слышался голосъ Пла-

тона: «Нѣтъ, Веневитиновъ правъ!» сказалъ Платонъ и началъ декламировать:

Люби питомца вдохновенья
И гордый умъ предъ нимъ склоняй;
Но въ чистой жаждѣ наслажденья
Не каждой арфѣ слухъ ввѣряй.
Немного истинныхъ пророковъ
Съ печатью тайны на челѣ,
Съ дарами высшренныхъ уроковъ,
Съ глаголомъ неба на землѣ.

Эдуардъ, уважая полноту чувства, съ которымъ Платонъ читалъ стихи, остановился у дверей и вошелъ въ комнату, по окончаніи чтенія. Комната была бѣдно убранная и небольшая; на диванѣ, за круглымъ столомъ, сидѣлъ поэтъ съ своимъ пріятелемъ, молодымъ художникомъ. На столѣ у простѣнка между оконъ, и на нѣкоторыхъ стульяхъ лежали въ безпорядкѣ книги, тетради, листы и лоскутки бумаги; на окнахъ стояли цвѣт-

ники: съ геранью, миртою, лимоннымъ и алоевымъ деревами.

— «А, вотъ и *питомецъ вдохновенья!*» сказалъ Платонъ и подалъ руку Эдуарду. Ихъ взаимная улыбка и пожатье рукъ были привѣтомъ. «Но *арфѣ его можно слухъ вѣрять:* прелестная!» прибавилъ Платонъ, рекомендуя Эдуарда своему пріятелю.

— «Не сочинили-ль чего новенькаго?» спросилъ его художникъ.

— «Да, я сочинилъ.»

— «Да вы, господа, ужъ знакомы?» спросилъ Платонъ.

— «Видѣлись однажды!» отвѣчалъ художникъ.

— «Какую онъ фантазію сочинилъ!.... такъ, просто, заслушаешься!» сказалъ Платонъ.

Эдуардъ, улыбаясь, поникъ глазами. Поэтъ принесъ табакъ — и закурились трубки.

— «Вчера я былъ въ оперѣ у Нѣмцевъ....» сказалъ художникъ; хорошо! — Да только комизмъ въ оперѣ мнѣ не нравится!....»

— «Вотъ, видите,» сказалъ Эдуардъ, «есть разные роды оперы: opera heroica, opera comica, opera buffa....»

Художникъ почелъ это объясненіе Эдуарда педантствомъ — и сошелъ съ мѣста. Платонъ понялъ дѣло; но не заботился уничтожать невѣрнаго заключенія художника: онъ предоставлялъ каждому свободу мыслей въ обществѣ и умствовалъ только въ кругу своихъ короткихъ пріятелей. Онъ былъ еще молодой и благоразумный наблюдатель. Чтобы занять Эдуарда, онъ поспѣшно спросилъ его: «Каковы успѣхи въ генералъ-басѣ?....»

— «Приближаюсь къ концу.»

—«О, такъ теперь писать оперу?!...»

— «Видно, мое желаніе пришло къ

вамъ прежде меня,» сказалъ, улыбаясь, Эдуардъ.

— «Вотъ доброе дѣло!» говорилъ Платонъ; и огненная радость трепетно пробѣгала по немъ: глаза блистали веселіемъ. «А вотъ и художникъ поможетъ намъ своимъ искусствомъ!....»

— «Я готовъ! И, надѣюсь, постоимъ за себя!...»

— «Что-жъ бы вы хотѣли изобразить; или, лучше, для какой-бы музыки хотѣли вы слова?... Бѣда, какъ не знаешь вашего генеральскаго-то баса: не знаешь, какъ и объясниться музыкальными манерами!...»

— «Извините! я вамъ послѣ скажу» скромно отвѣчалъ Эдуардъ; а глаза его играли, какъ бриліанты.

Платонъ вышелъ въ комнату къ матери и черезъ минуту возвратился: за нимъ служанка принесла подносъ съ чашками чаю.

— «Вы читаете, Платонъ Павловичъ, по-Англійски?» спросилъ художникъ, разсматривая одну изъ книгъ.

— «Нѣтъ; эти книгки я купилъ только для гравюръ.... Неправда-ли: прелестныя?!...»

— «Да; особенно вотъ эта! Какой тонкій рѣзецъ! — Кажется, это вотъ-шелкъ, это — питинетъ, это — бархатное тѣло! — А какая нѣга! нѣга!.... Зато у Англичанъ невсегда соблюдены единство и точность выраженія, какъ у Нѣмцевъ, у которыхъ вездѣ — мысль, идея цѣлаго; хотя искусство иногда грубо....»

— «Ну, а у насъ?....» спросилъ Платонъ.

— «Что у насъ? У насъ, какъ и вы давеча сказали, во всемъ только начатки!.... Конечно, гравировка Уткина удивительна!....»

Поэтъ выбилъ пепелъ изъ трубки и

съ тяжелымъ вздохомъ сказалъ: «Эхъ! у насъ, у насъ!.... Будемъ-те пить чай, господа, хоть и онъ — не нашъ!....»

— «Зато тутъ вода наша!....» сказалъ художникъ, набивая свой ротъ булкою.

— «Га! хорошо!» вскричалъ весело Платонъ. «А воды у насъ такъ много, что и чужое добро разбавляемъ водою!....

— «Но теперь въ Академіи нашей есть люди съ большими талантами!» сказалъ художникъ.

— «А кто?....»

Художникъ наименовалъ нѣкоторыхъ. Потомъ они оба острили по-временамъ. Эдуардъ только улыбался; и хотя подъчасъ остроумный, но на ту пору не такъ былъ расположенъ: его занимала своя мысль — и даже «Воскресенье.» Скоро послѣ чаю художникъ ушелъ. Поэтъ разстался съ нимъ въ надеждѣ на скорое свиданіе.

— «Но что вы такъ худы и блѣдны сегодня, Эдуардъ Богдановичъ?» спросилъ Платонъ.

Съ движеніемъ, которое произошло отъ мгновенно разлившагося пламени прямо изъ сердца по всѣмъ членамъ, Эдуардъ схватилъ руку Платона и сказалъ почти со слезящимъ, умоляющимъ взоромъ: «Платонъ Павловичъ, напишите слова для оперы! Представьте безумную ревность!.... Мы назовемъ эту оперу — *Безумная ревность!*.... Съ этимъ названіемъ я посвящу оперу *ей!*....»

Поэтъ, встрѣтивъ знакомый восторгъ, родное чувство въ груди собрата изъ міра мечтаній, исполнился и самъ благодатнаго чувства поэзіи. Крѣпко-крѣпко пожалъ онъ руку питомцу музъ и обнялъ его съ жаромъ. Эдуардъ безъ сопротивленія уютился въ объятіяхъ Платона. Поэтъ и музыкантъ нѣсколько минутъ безмолвно пребыли въ этомъ поло-

женіи, какъ достойный другъ съ своею прекрасною подругою. Сердца ихъ бились одинаково; души слились въ одно желаніе творчества; глаза были неподвижны: но не внѣшніе предметы занимали ихъ.

Вышедъ изъ священнотаинственнаго состоянія, Платонъ сказалъ: «Я обѣщаю вамъ написать оперу: только откровенно объясните — въ чемъ дѣло?.... »

— «Я уже вамъ говорилъ немного о моей любви,» началъ Эдуардъ и хотя отрывочно, но въ главныхъ очеркахъ разсказалъ свои первые восторги любви, свои сомнѣнія, ревность, недавнее страданіе, видѣніе въ послѣднюю ночь и неожиданную радость сегодня утромъ.

Поэтъ былъ довѣрчиво-внимателенъ; его глаза быстро передвигались; въ немногихъ словахъ Эдуарда явилась для него вся идея оперы; въ воображеніи его рисовались сцены. Черезъ нѣсколь-

ко минутъ молчанія Платонъ сказалъ съ нѣжностію: «Извините, сегодня мы растанемся! Послѣ нѣсколько дней я вамъ дамъ знать объ успѣхахъ моего сочиненія;.... или вы зайдете ко мнѣ?....»

— «Лучше я вамъ не буду мѣшать; а вы пришлете за мною?....»

— «Хорошо!»

Эдуардъ взялъ шляпу; Платонъ, со свѣчею въ рукѣ, проводилъ его до дверей и даже въ сѣни. Молодой музыкантъ спѣшилъ домой съ необыкновенною радостію, которая теперь какъ-то освятилась; а молодой поэтъ, возвратясь въ свое убѣжище, схватилъ бумагу, чернило, перо — и тутъ-же составилъ планъ оперы.

Творчество поэта завѣшано непроницаемою тайною для глазъ человѣческихъ! Пусть онъ, ревностный служитель музъ, приноситъ жертвы прекраснымъ богинямъ! Минуемъ съ благоговѣ-

ніемъ алтарь и храмъ, гдѣ происходитъ это служеніе!!!....

* *
*

Но часто на землѣ радости одного бываютъ причиною горести другаго.

Въ ночь, передъ которой Эдуардъ столько ощутилъ радости, — въ эту ночь, въ своей бѣдной комнатѣ, въ потьмахъ, пробужденная страшными грезами, Эмилія сидѣла на своемъ ложѣ и — заливалась слезами. Она была вечеромъ у г-жи Вольфгангъ; слышала о страданіяхъ и неожиданной радости Эдуарда, и теперь — горько плакала, уже безнадежно плакала!.... Бѣдная! бѣдная Эмилія!....

II.

Mich locket nicht des eiteln Ruhmes Geiz!
Bei ihr nur ist des Lebens Reiz —
Um sie, in ew'gem Freudenchore, schweben
Der Anmuth Götter und der Jugendlust,
Das Glück der Himmel ist an ihrer Brust.....

Ф. Шиллеръ.

Насталъ день рожденія почтеннаго Крупникова. Первыми поздравителями его были — всѣ домашніе. Архиповна и прочіе служители, вмѣстѣ съ многословными отъ сердца желаніями, принесли, по Русскому обычаю, хлѣбъ-соль. Вскорѣ отъ нѣкоторыхъ знакомыхъ Крупникова — родственниковъ онъ уже не

имѣлъ — были присланы слуги съ поздравленіями, съ огромными кренделями и бріошами. Между-тѣмъ въ залѣ, въ переднемъ углу, подъ образомъ, накрыли бѣлою салфеткой столъ, и на немъ поставили большую серебряную чашу съ водою. Это дѣлалось, по распоряженію Эвфаліи, каждый разъ въ день рожденія и имянинъ Крупникова; потомъ она, съ дозволенія отца, посылала за священникомъ — и служили молебенъ: такъ было и въ повѣствуемый день. Крупниковъ хотя и не носилъ бороды, одѣвался по-Европейски, былъ образованъ и живалъ за границею, но свято хранилъ обычаи предковъ: религія — одна изъ стихій Русскаго — была его путеводителемъ въ общественной и поэтической жизни. При началѣ молебна явился съ поздравленіями и Василій Екимычъ Дубинъ. Онъ добровольно помогъ дьячку пѣть во время молебна и, по окончаніи,

приглашенный Крупниковымъ къ обѣду, ушелъ.

Въ половинѣ десятаго часа Крупниковъ, довольный домашнимъ порядкомъ, обезпеченный хорошимъ теченіемъ дѣлъ своихъ, какъ счастливѣйшій изъ смертныхъ, какъ благодарный христіанинъ, пошелъ въ церковь. Эвфалія хотѣла-было спросить у него кое-что для домашнихъ распоряженій, но онъ, поцѣловавъ ее, сказалъ: «Душенька, дѣлайте сегодня все, что вамъ вздумается!» Это ободрило всѣхъ въ домѣ: начались приготовленія къ обѣду и къ вечеру. Многихъ посѣтителей ждали въ тотъ день къ Крупникову. Эвфалія принялась просматривать на фортепіано концертъ, который, тайно отъ отца, готовила уже два мѣсяца. Черезъ нѣсколько минутъ явился Эдуардъ съ четырмя изъ лучшихъ музыкантовъ въ городѣ — пріятелями Крупникова. Они, по желанію Эвфаліи, взя-

лись аккомпанировать ей сегодня вечеромъ: и собрались теперь, въ отсутствіе отца, для репетиціи. Съ часъ продолжалась репетиція, потомъ все исчезло; инструменты, привезенные музыкантами, были убраны.

Только Эдуардъ немного встревожился, когда, при уходѣ съ прочими, не встрѣтилъ на лицѣ Эвфаліи выраженія, которое отвѣчало-бы его пламенной душѣ. Но эта тревога была непродолжительна: мечты поэта всемогущи. Онъ растался съ спутниками, и по бульвару дошелъ до первой линіи. Погода была прекрасная; день — солнечный, неморозный и безвѣтреный. Душа Эдуарда полнилась отраднымъ чувствомъ: ей душно было въ груди, тѣсно на землѣ. Эдуардъ постоялъ на концѣ бульвара, посмотрѣлъ вдаль по улицѣ, посмотрѣлъ на небо — и не зналъ что начать: а до вечера еще долго; а груди отъ удовольствія тяжело.

Онъ посмотрѣлъ безъ вниманія кругомъ себя, взглянулъ на Лютеранскую церковь Св. Екатерины и вошелъ въ нее: на этотъ разъ въ церкви однимъ, искренно молящимся человѣкомъ, было болѣе.

Дома, садясь за обѣдъ, Эдуардъ сказалъ; «Тебѣ, маменька, г-жа Гиммельтраумъ кланяется. Я ее видѣлъ на дорогѣ. Она что-то была грустна.»

— «Одну ты ее видѣлъ, или съ племянницею?» спросила мать, съ намѣреніемъ напоминая объ Эмиліи.

Эдуардъ немного нахмурился, отвѣчалъ: «Одну;» потомъ, послѣ минутнаго молчанія, сказалъ: «Супъ сегодня нехорошъ!....»

— «Эта, глупая Акулина, мало положила соли. Сама я не могла быть на кухнѣ: тамъ чадно, а у меня голова болитъ.»

— «Такъ зачѣмъ-же ты не пошлешь за докторомъ?!....»

— «Ну, что; пройдетъ само собою.»

Мать ничего не ѣла и только, распоряжаясь за столомъ, тоскливо поглядывала на сына. Послѣ нѣкотораго безмолвія, она спросила: «Ты вечеромъ пойдешь куда-нибудь, Эдуардъ?....»

— «Сегодня вѣдь у Крупникова концертъ. А развѣ я тебѣ надобенъ, маменька?....»

— «Нѣтъ; я такъ спросила.»

— «Если тебѣ скучно будетъ, такъ пошли за Гиммельтраумъ: онѣ придутъ; или поѣзжай къ нимъ сама. Немножко хоть разсѣешься. Что ты все дома сидишь? Оттого и голова болитъ!....»

— «Ужъ ты воображаешь, что я, и Богъ знаетъ, какъ больна!» сказала мать съ улыбкою и съ живымъ движеніемъ; потомъ легко спросила: «Гдѣ-же ты былъ утромъ?...

— «Мы дѣлали репетицію той піесы, которую Эвфалія будетъ вечеромъ играть

въ сюрпризъ отцу. Мы нарочно репетировали утромъ, когда отецъ былъ у обѣдни: ей хотѣлось, чтобы онъ объ этомъ не зналъ.»

— «Такъ она его очень любитъ?....»

— «О, да и какъ еще!....»

— «Что-жъ, ты надѣешься получить ея руку?...»

— «Она дала мнѣ слово — просить объ этомъ отца. Я думаю — онъ не будетъ сопротивляться: онъ ее очень любитъ; меня знаетъ хорошо и принимаетъ всегда отлично....»

— «А онъ, можетъ-быть, не знаетъ, что ты не имѣешь состоянія?.... Дастъ-ли онъ за нею какое приданое: вѣдь она ему неродная дочь?....»

— «Что за-приданое!.... Ну, дастъ— хорошо! не дастъ—ненадо! — Я развѣ не могу пріобрѣсть самъ?... Вѣдь она!... Ахъ! маменька, счего ты взяла — говорить мнѣ о приданомъ? Что я

Geizhals * какой?!... Ты посмотри, какъ она мила!.... Право, ты сама въ нее влюбишься!....»

Мать улыбнулась: сынъ еще болѣе одушевился. «Вѣдь она молода,» продолжалъ онъ: «потому и кажется вѣтреною; а погляди — въ домашнемъ распоряженіи она главное лице послѣ отца. Архиповна у нихъ только исполняетъ ея волю. Мнѣ самому случалось слышать ея приказанія: право, я удивлялся, какъ она умно говорила!.... Да и возьми, маменька, хоть то, что она теперь играетъ на фортепіано, какъ немногіе изъ моихъ лучшихъ учениковъ! А вѣдь для этого надо имѣть ангельское терпѣніе! Видишь: я не потому только ею увлекаюсь, что она прелестна.... Конечно, въ ней есть что-то такое чудное, что я безпрестанно думаю о ней!... Видалъ я много красавицъ; а лучше ея, мнѣ кажется, я

* Скряга.

не видалъ!» Приэтомъ добродушная мать усмѣхнулась — и Эдуардъ съ радостію сказалъ: «Вотъ ты увидишь, маменька, какая у тебя будетъ миленькая дочь! Она тебя будетъ любить, какъ твой Эдуардъ любитъ тебя!...»

Г-жа Вольфгангъ сдѣлалась на ту пору, противъ воли, какъ-то снисходительнѣе къ непреодолимой страсти Эдуарда, и, желая напомнить ему, что его ждетъ не одна минута брака, но еще цѣлая брачная будущность, сказала: «Ну, а вотъ ты не подумаешь, что женатому надо обзавестись кое-чѣмъ....»

— «Маменька, ужъ подумай объ этомъ ты! Ты будешь намъ матерью всегда!...» сказалъ Эдуардъ, выходя изъ-за стола. «Ты будешь намъ матерью всегда!» повторилъ онъ—и съ горячимъ чувствомъ обнялъ мать.

— «Пусть не оставитъ васъ Божіе

благословеніе!» говорила тронутая мать. «Я не растанусь съ тобой!....»

— «Съ нами! маменька, съ нами!...»

— «Ну, ну, съ вами, съ вами!» отвѣчала добрая мать.

Когда Эдуардъ черезъ минуту пришелъ опять въ столовую пить кофе, то сказалъ матери: «Жаль, что нѣтъ нашего старика, Бека! Онъ порадовался-бы теперь моему счастію! — Я помню, какъ онъ въ первый разъ увидѣлъ ее....»

— «Развѣ онъ ее видѣлъ?» спросила мать.

— «А помнишь, маменька, — я тебѣ сказывалъ, — въ концертѣ, гдѣ я ее первый разъ встрѣтилъ.... Вѣдь надобно-жъ такъ случиться! Увидѣть разъ; очароваться и потомъ не имѣть никакой надежды, и потомъ — такъ сблизиться!.... Нѣтъ, и я вѣрю въ судьбу!....»

Мать хотя и чувствовала въ себѣ еще сопротивленіе желаемому сыномъ блаженству, но удерживала это чувство вѣрою въ Промыслъ. Да и головная боль мѣшала ей говорить.

Въ пятомъ часу Эдуардъ отправился къ віолончелисту, одному изъ тѣхъ, которые взялись аккомпанировать Эвфаліи. Здѣсь уже находился и альтистъ; а первая и вторая скрипка обѣщали быть прямо въ домъ Крупникова. Солидный и смышленый віолончелистъ успѣлъ уже разсказать насмѣшливому альтисту, что Эдуардъ влюбленъ въ дочь Крупникова. Потому-то, когда между ними явился Эдуардъ, то альтистъ съ большимъ вниманіемъ и улыбкою наблюдалъ всѣ его движенія. Подавъ руку влюбленному, онъ сказалъ: «Гм, вы не замедлили! Видно спѣшите увидѣть кого-нибудь? Гм, гм!...»

— «Кого увидѣть?» сказалъ Эдуардъ.

—«Ужъ не скромничайте, Вольфгангъ:

этотъ господинъ также замѣтилъ ваше неравнодушіе,» сказалъ віолончелистъ.

— «Нѣтъ; да я и не скромничаю...»

— «А! га, га, га! попался, Freund!» закричалъ альтистъ, хлопая въ ладоши; «Браво, victoria!» и запѣлъ:

Wir winden dir den Jungferkranz
Mit Veilchen blauer Seide!....»

— «Ну, это еще нескоро!» сказалъ Эдуардъ. «А вотъ что, господа, не прослушаете-ли мое сочиненіе, фантазію для фортепіано?»

— «А, кстати!» сказалъ віолончелистъ. «Гликъ хвалилъ намъ уже вашу фантазію.»

Веселый альтистъ тотчасъ подалъ стулъ къ фортепіано, напѣвая:

«Wir winden dir den Jungferkranz....»

Эдуардъ, принимая стулъ, запѣлъ: Ich danke für den Stuhl!» и началъ и-

грать. Музыканты слушали съ величайшимъ вниманіемъ: оба стояли съ наклоненною головою и безъ малѣйшаго движенія. Эдуардъ кончилъ: искренніе, неукрашенные похвалы и аплодиссементы обоихъ слушателей были ему наградою. Восхищенные музыканты просили повторить піесу — и опять восхищались.

— «Господа, чтобъ намъ не промедлить слишкомъ!...» сказалъ Эдуардъ.

—«Га! поскорей хочется увидѣть!...» сказалъ альтистъ. «Хорошее-ли приданое онъ вамъ обѣщаетъ?....»

— «Скороли-то мы попируемъ на вашей свадьбѣ? У богатой невѣсты можно выпить лишнюю бутылку шампанскаго....»

— «Господа, клянусь вамъ, не богатство меня манитъ, а она сама!...»

— «Но, но, но! старыя сказки!» закричалъ альтистъ, съ хохотомъ махая руками и закрывая уши.

— «Но вы, кажется, хотите обижать!» сказалъ съ огорченіемъ Эдуардъ.

— «О! нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я не такъ думалъ!» сказалъ встревоженный альтистъ и подалъ руку Эдуарду: миръ былъ заключенъ.

— «Нѣтъ, почему-жъ не допустить любви безкорыстной?» сказалъ для примиренія віолончелистъ, — бѣлокурый, еще молодой и меланхоликъ. «Истинная любовь сама собою уже такое богатство,.... съ которымъ....»

— «Ахъ, господа!...» возразилъ Эдуардъ, «ужъ другой годъ знаю я ее, и никогда любовь моя не ослабѣвала! Да и могла-ли ослабѣть, когда Эвфалія является мнѣ повсюду, Богъ знаетъ! другомъ, ангеломъ!... Только недавно.... Да, впрочемъ, этому было виною мое глупое воображеніе....

— «Ну, ну, что недавно?» спросилъ, мигая глазами, альтистъ.

— «Пустяки! Глупое подозрѣніе!» отвѣчалъ неохотно Эдуардъ и потомъ продолжалъ: «Особенно удивительно въ Эвфаліи то, что она всегда является мнѣ равно-чудною! чудною и чудною!... Наяву, въ воспоминаніи и во снѣ!.... Часто въ музыкѣ слышу ея голосъ!... Такъ и кажется: вотъ она что-то говоритъ!...»

Оба музыканта слушали разсказъ восторженнаго Эдуарда съ тѣмъ-же вниманіемъ, какъ недавно слушали его фантазію. Разсказъ этотъ былъ украшенъ нежнѣйшею страстію, которая выражалась въ лицѣ, въ голосѣ и движеніяхъ молодаго поэта.

— «Нѣтъ, господа, нѣтъ! не богатство влечетъ меня къ ней! — сама судьба!... Я не знаю, согласится-ли отецъ на нашъ бракъ; если не согласится,» продолжалъ Эдуардъ пониженнымъ голосомъ, «я готовъ ее похитить!...»

Много еще Эдуардъ говорилъ о чуд-

ныхъ дѣйствіяхъ любви своей. Но могъ-ли онъ высказать все: какой влюбленный, какая философія объяснили намъ эту чудную силу, которая выше всѣхъ силъ въ чистомъ сердцѣ неземнаго странника на землѣ? Земля виновна, что эти странники дѣлаются мучениками.

Бой семи часовъ заставилъ собесѣдниковъ поспѣшить къ Крупникову. Альтистъ, спускаясь за Эдуардомъ по лѣстницѣ, напѣвалъ ему:

«Wir führen dich zum Spiel und Tanz,
Zum Glück und Liebesfreude!....»

III.

Губителемъ неслышнымъ и незримымъ,
На всѣхъ путяхъ бѣда насъ сторожитъ,...

В. А. Жуковскій.

Много было гостей у Крупникова. Были иностранные и Русскіе купцы, съ которыми Крупниковъ имѣлъ торговыя сношенія; были нѣсколько изъ статскихъ и военныхъ лицъ: изъ коихъ нѣкоторые были хорошіе знатоки музыки, какъ напримѣръ извѣстный уже намъ, офицеръ

Кроткинъ; другіе любили наслаждаться ею сами, или хоть доставлять это удовольствіе дѣтямъ своимъ. Потому-то большая часть гостей довольно часто посѣщали Крупникова съ семействами своими. Были нѣсколько артистовъ и виртуозовъ — всегда дорогіе гости Крупникова. Всѣхъ гостей своихъ Крупниковъ встрѣчалъ одинаково: привѣтливо подавалъ руку каждому и кланялся — но съ сознаніемъ своей самобытности, которую любилъ равно въ каждомъ человѣкѣ. Только артистамъ и виртуозамъ пожималъ онъ руку покрѣпче. — Я повторяю, что хотя Крупниковъ и былъ природный Русскій купецъ, но его образованный умъ, добрая воля и нѣсколько поѣздокъ за границу истребили въ немъ все, что величаваго Русскаго купца дѣлаетъ смѣшнымъ не только въ общежитіи, но даже въ его расчетахъ, при всей удивительной сметливости Русской.

Лице Эвфаліи очень безпокоило Эдуарда: оно не такъ было блѣдно утромъ, какъ теперь; причину этой перемѣны онъ не могъ узнать: Эвфалія безпрестанно была окружена гостями. Пять довольно большихъ комнатъ были заняты посѣтителями. Веселыя бесѣды составлялись между двумя, тремя и болѣе лицами. Вдругъ, по желанію Эвфаліи, одинъ изъ гостей что-то заговорилъ съ Крупниковымъ и увелъ его изъ зала. Тотчасъ въ этомъ залѣ явились віолончель, скрипки, — и, съ аккомпаниментомъ ихъ, Эвфалія начала играть на роялѣ приготовленную піесу. Крупниковъ понялъ уловку гостя и съ веселымъ лицемъ вошелъ въ залъ; за нимъ собрались гости изъ всѣхъ комнатъ. Эдуардъ стоялъ у рояля и перелистывалъ ноты играемой піесы. Блѣдность лица Эвфаліи ежеминутно увеличивалась; она чувствовала даже слабѣніе рукъ своихъ; но перемогла себя и до-

кончила піесу. Раздались рукоплесканія и добродушныя, и откровенныя, и обыкновенныя, и всякія другія. Довольный отецъ дружески благодарилъ музыкантовъ, подошелъ къ Эвфаліи и съ жаромъ поцѣловалъ ее въ лобъ. Эвфалія хотѣла поцѣловать его руку;.... вдругъ ей поперхнулось;.... она закрыла свой маленькій ротикъ платкомъ и, какъ подкошенная лилія, упала въ объятія отца: кровь хлынула изъ ея гортани.

Среди всеобщей суматохи и суеты встревоженный отецъ сохранилъ присутствіе духа. Скоро явился докторъ: его мгновенно отыскалъ и привезъ Кроткинъ, но такъ, что объ этой услугѣ зналъ только Крупниковъ. Пособіями медицины уняли кровь и возстановили нѣсколько здоровье Эвфаліи. Докторъ полагалъ причиною обморока какое-нибудь усиленное принужденіе: и Крупниковъ узналъ отъ домашнихъ, что Эвфалія, готовя сюр-

призъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не отходила отъ рояля въ отсутствіе отца, которое продолжалось иногда часовъ по-шести и болѣе. По докторскому совѣту, одобренному нѣкоторыми властительными дамами, Крупниковъ рѣшился прекратить музыкальные уроки Эвфаліи и тутъ-же по-пріятельски объявилъ о томъ Эдуарду.

Эвфалія блѣдная и слабая, выведенная только-что изъ обморока, сидѣла между заботливыми женщинами, какъ дитя: иногда улыбалась на слова желавшихъ ее позабавить; иногда пропускала мимо ушей все говоримое ей; иногда отвѣчала коротко.

А что-жъ было съ Эдуардомъ? То, что онъ еще тверже сталъ надѣяться на полученіе руки Эвфаліи. Сначала онъ и самъ испугался ея обморока, но, по необходимости влюбленнаго — скрывать свои чувства — и по малоопытности,

смотрѣлъ на всѣ хлопоты какими-то дикими глазами; потомъ подкрѣпленная его надежда не дала ему долго думать о неожиданномъ прекращеніи уроковъ: минута счастя, казалось ему, еще болѣе приблизилась

Съ возстановленіемъ здоровья Эвфаліи, спокойствіе и радушіе общества возстановились — и вечеръ продолжался еще нѣсколько часовъ. Эдуардъ едва улучилъ нѣсколько минутъ, чтобы спросить Эвфалію: «Какъ вы себя чувствуете?....»

— «Ничего; все прошло!» отвѣчала съ живою улыбкою Эвфалія.

Ободренный Эдуардъ сказалъ, шутя:

— «Это былъ настоящій сюрпризъ: концертъ вы играли прелестно!.... И для финала — вашъ обморокъ.... Послѣ всего этого мы вполнѣ можемъ надѣяться на добродушіе вашего папеньки!....»

* *
*

Въ этотъ-же вечеръ мать Эдуарда была у г-жи Гиммельтраумъ. Потѣшая сына улыбками и согласіемъ, что его счастіе вѣрно, она душевно скорбѣла о его радостяхъ: потому-то, желая хоть облегчить свою скорбь, она пріѣхала къ своей съ дѣтства любезной подругѣ.

Когда Эмилія ушла изъ той комнаты, гдѣ сидѣла втроемъ съ теткою своею и съ матерью Эдуарда, то г-жа Гиммельтраумъ тихо спросила: «Ну, что, Эдуардъ еще не получилъ согласія на бракъ?»

— «Ахъ! милая, изъ этого.... Право, я не знаю, что изъ этого будетъ?.... Но я ужъ оставила совершенно ему на произволъ!....»

— «Но, послушай, вѣдь ежели она богата, такъ что-жъ тебѣ?....»

— «Какъ, что? — Она жила вѣкъ безъ всякихъ заботъ: какая-жъ она будетъ хозяйка? Эдуардъ, какъ ребенокъ: онъ, кромѣ своего рояля, ничего не знаетъ;

да некогда ему и знать.... Кто-жъ у нихъ будетъ въ домѣ-то?.... Хорошо, я жива; а, Богъ знаетъ, долго-ль мнѣ жить?... Да еще состоится-ль ихъ бракъ?... Этого я еще больше боюсь! потому-что Эдуардъ недавно и отъ ревности одной былъ какъ помѣшанный!.... А что?....» При этомъ вопросѣ г-жа Вольфгангъ указала на комнату, въ которую вошла Эмилія.

Г-жа Гиммельтраумъ шепотомъ отвѣчала: «Я не знаю, что и дѣлать? Она то хвораетъ, то плачетъ; по ночамъ страшно бредитъ!.... И все-же крѣпится на моихъ глазахъ. Я даже иногда, — ужъ ты не сердись на меня, хоть онъ и сынъ твой, — я иногда браню его Эмиліи съ намѣреніемъ; я стараюсь найти въ немъ недостатки, даже пороки, чтобы отклонить ее отъ него — и все напрасно!....»

— «Ахъ, я совершенно разстроена съ той минуты, какъ онъ объявилъ о сво-

емъ намѣреніи! Такъ мнѣ этого не хотѣлось бы! Я не противорѣчу ему сильно: онъ свободный человѣкъ; пусть дѣйствуетъ по разсудку и чувству.... Но, Богъ знаетъ, какъ мнѣ этотъ бракъ не по-сердцу!.... Оттого-то я и больна.»

— «Ну, что дѣлать, любезная! Не все такъ живи, какъ хочется! Можетъ, Богъ устроитъ все хорошо! Вѣдь не всѣмъ же такая участь, какъ тебѣ съ мужемъ!....»

— «Я не ропщу; Эдуардъ мнѣ все замѣнилъ.... Но, конечно, не дай Богъ ему такой участи!....»

Эмилія въ сосѣдней комнатѣ слышала весь этотъ разговоръ. Скорбь и страданія г-жи Вольфгангъ, причиненныя женитьбою сына, подкрѣпили въ ней рѣшимость на поступокъ, давно уже внушенный любовію. Этотъ поступокъ казался ей теперь не только возможнымъ, но даже необходимымъ и святымъ: она въ

ту же ночь написала письмо и рѣшилась — явиться съ нимъ къ Эвфаліи.

IV.

Кому довѣриться душой?
И кто пойметъ, и кто оцѣнитъ
Тоску, питаемую мной?
Кто тайнамъ сердца не измѣнитъ? .....

В. Г. Бенедиктовъ.

..... Was man scheint,
Hat Jedermann zum Richter; was man ist, hat keinen.

Ф. Шиллеръ.

Прошло два дня послѣ сюрприза. Въ двѣнадцатомъ часу утра Эдуардъ пасмурный возвратился домой съ уроковъ. Онъ вынулъ изъ кармана триста рублей ассигнаціями и швырнулъ ихъ на столъ.

«Негодяй!....» думалъ онъ. «Съ какою отвратительной миной подалъ мнѣ этотъ богачъ деньги за уроки! Да еще говоритъ: «*Конечно-съ, вамъ, молодымъ людямъ, надобны деньги! Что дѣлать-то?...*» Глупый скряга!.... За что имъ ордена даютъ?....» Усталый, полураздѣтый, съ трубкою въ рукахъ, сѣлъ Эдуардъ у окна и задумался: сердце его сильно билось. У вошедшей служанки спросилъ онъ: «Акулина, а что маменька?....»

— «Она лежитъ-съ; ей хуже сдѣлалось, Эдуардъ Богданычъ!» отвѣчала унылая Акулина.

Эдуардъ оставилъ трубку и пришелъ къ матери. Она сидѣла на диванѣ, облокотясь на сафьянную подушку; на столѣ, передъ нею, лежало распечатанное письмо.

— «Что ты не ляжешь, маменька?..»

— «Охъ, ужъ я устала лежать. Вотъ письмо изъ Москвы.»

Эдуардъ взялъ равнодушно письмо и

спросилъ опять: «Не перемѣнить-ли доктора, маменька?....»

— «Какое! И этому хоть отказать: что въ нихъ толку-то: началъ лечить, а мнѣ все дѣлается хуже. — Пройдетъ само собою.... Что ты сегодня скученъ?....»

— «Такъ; ничего;» отвѣчалъ Эдуардъ и сталъ читать письмо. Оно состояло изъ трехъ писемъ, помѣщенныхъ на одномъ почтовомъ листѣ, присланныхъ отъ двухъ братьевъ и отца Эдуарда. Всѣ эти родственники свидѣтельствовали о своемъ здоровьѣ и благополучіи; приглашали Эдуарда дать концертъ въ Москвѣ, гдѣ обѣщали ему большія зато выгоды; разсказывали о нѣкоторыхъ знакомствахъ своихъ, покровителяхъ и т. п. Отецъ писалъ даже, что при всемъ своемъ хорошемъ положеніи въ Москвѣ, онъ желалъ-бы повидаться съ женою и Эдуардомъ, и что въ Москвѣ курсъ на монету со-

всѣмъ другой противъ Петербурга. «Наши Москвичи не забываютъ себя, маменька!....» сказалъ Эдуардъ, по прочтеніи письма.

Мать не отвѣчала; она сидѣла съ поникшею головою: боль осиливала ее. Эдуардъ пошелъ медленно къ себѣ въ залъ. Тишина и уныніе царствовали въ комнатахъ; на улицѣ подымалась вьюга; въ груди Эдуарда подымалась тоска — источникъ прекрасныхъ думъ и безумія. Сложивъ руки крестообразно на груди, онъ ходилъ неровными шагами по залу. Бой часовъ грустно напомнилъ ему время, въ которое онъ обыкновенно бывалъ на урокахъ въ домѣ Крупникова; но надежда на близкое блаженство не дала ему думать о потерянномъ часѣ свиданія. Впрочемъ, хотя мысль его бѣжала такой думы, но между причинами его настоящей тоски главная, которой онъ не сознавалъ, — было тайное то-

мленіе сердца, привыкшаго въ срочный часъ биться возлѣ Эвфаліи. Видимымъ поводомъ для его грусти были впечатлѣнія, произведенныя какимъ-то богачемъ, заплатившимъ ему деньги, письмомъ изъ Москвы и страданіемъ матери. Да и много-ли надо поэту, чтобы на землѣ вспомнить о своей небесной отчизнѣ — и плакать по ней?....

— «Акулина,» спросилъ Эдуардъ у служанки, вошедшей за чѣмъ-то въ переднюю, «кушала маменька сегодня?....»

— «Нѣтъ-съ, ни крошки въ ротъ не брала!... Я-было хотѣла супцу немножко, да нѣтъ, не принимаетъ....»

И Эдуардъ продолжалъ опять ходить по залу. «Счастливцы!» съ досадою подумалъ онъ. «Они пишутъ о своемъ благополучіи; — а ихъ мать больна!.... Пріѣзжай къ нимъ — дать концертъ!....» Тутъ Эдуардъ взглянулъ на брошенные триста рублей. «А еслибъ вы могли чув-

ствовать, какъ достаются гадкія деньги?!... Гм, братья! братья! Что съ ними сталось?.... Меня спрашиваютъ иногда о нихъ;.... что мнѣ сказать?.... что мнѣ отвѣчать?... Ахъ, Боже мой! концертъ, концертъ! а я и не думаю просматривать моей піесы для концерта....» Стремительно подошелъ Эдуардъ къ роялю и раскрылъ его; потомъ началъ искать піесу между нотами — и ему попалась тетрадь давнишнихъ, первыхъ его сочиненій. Сколько воспоминаній о невозвратныхъ дняхъ, о мелькнувшемъ дѣтствѣ—золотомъ времени, сколько отрадныхъ и грустныхъ воспоминаній пробудила эта тетрадь въ душѣ опечаленнаго Эдуарда. Поэтическая грусть — эта тоска о безкорыстномъ благѣ, совершенно отдѣлила его отъ міра вещественнаго и перевела въ міръ мечтательный, духовный, въ область призраковъ и видѣній, когда-то такъ радовавшихъ его.

Съ тетрадкою въ рукѣ онъ опять ходилъ по залу. Воображенію его представлялись — то Рижская школа, куда онъ ходилъ съ братьями учиться, то дѣтскія игры и занятія, то первобытный семейный кругъ въ домѣ родителей; онъ вспомнилъ знакомство съ Бекомъ, а чрезъ него и со многими музыкантами; вспомнилъ начальное знакомство въ Петровскомъ училищѣ съ Клингенау, — и все это какъ-то невольно сравнилъ съ настоящимъ своимъ бытомъ. . . . . Но здѣсь — безпечное дѣтство замѣнилось оскорбленною опытностію; семейныя узы расторгнуты слѣпоуміемъ и корыстію; музыкальный міръ разрывается мелочными страстями, какъ и міръ обыкновенныхъ людей; Клингенау не тотъ уже, съ которымъ могъ онъ создавать свои воздушные замки, — Клингенау не мечтатель. Какъ довѣрчивъ, откровененъ былъ Эдуардъ прежде со всѣми, а теперь и съ

самою матерью бываетъ остороженъ: она слишкомъ тревожится тѣмъ, что, по его мнѣнію, не стоитъ вниманія.... Человѣку опечаленному все представляется печальнымъ; что-жъ, если онъ вспомнитъ минуты блаженства въ минуту грусти?!...» «Но все замѣнитъ мнѣ Эвфалія!» подумалъ онъ; — и вдругъ нѣкоторые недостатки Эвфаліи, особенно ея легкость потревожили его отрадное чувство. Но эта мысль о ея слабостяхъ, какъ легонькій вѣтерокъ, едва коснулась его сердца и разсѣялась.

Тоска его опять усилилась. Онъ сѣлъ у окна. Удары тяжелаго сердца потрясали грудь его и отдавались въ горячей головѣ. Прибѣжавшая красивая кошка начала ласкаться около Эдуарда. Поглаживая ее, онъ, какъ будто, забылся. «Киска, киска,» говорилъ онъ; «ну, ну, прыгни сюда, на плечо... О, ты каналья моя, киска.» Потомъ онъ спустилъ

кошку на колѣни свои и задумался: ему пришло на память, какъ отецъ когда-то держалъ его, еще пятилѣтняго ребенка, на колѣняхъ своихъ; какъ добрый Бекъ на ту пору сидѣлъ возлѣ, а малютки братья играли на диванѣ около матери, разливавшей кофе. Миръ и дружелюбіе украшали семейную сцену. Изъ разговоровъ этого общества Эдуардъ помнилъ одно только замѣчаніе проницательнаго Бека: «Всѣ ваши дѣти,» сказалъ тогда Бекъ, «будутъ люди дѣльные, но Эдуардъ будетъ поэтъ!» «Поэтомъ пусть будетъ,» проговорилъ самолюбивый отецъ; а мать только улыбалась съ самодовольствіемъ. Что говорилъ Бекъ далѣе о поэтической жизни человѣка, о его минутахъ блаженства и цѣлыхъ годахъ адской муки, борьбы съ людьми и съ самимъ собою, — того Эдуардъ, какъ дитя, не понялъ тогда. Теперь опытъ научилъ его всему; но воля его не имѣла доста-

точной силы: онъ узналъ, что надобно многаго лишаться; но, не привыкшій къ терпѣнію, не умѣлъ бороться съ страданіями....

Облокотясь на окно, Эдуардъ пробылъ нѣсколько минутъ, въ самозабвеніи; потомъ поднялся со стула, опустилъ кошку на полъ — и вздохнулъ. Съ этимъ вздохомъ облегчилась немного грусть его. «Твое предсказаніе сбудется, добрый человѣкъ!» подумалъ онъ: «какъ скоро получу отъ Платона либретто оперы, начну писать музыку!... Эту оперу — *ей!*» Одушевленный послѣднею мыслію Эдуардъ сѣлъ за рояль.

Черезъ полчаса Акулина пришла къ нему и просила денегъ на какіе-то припасы къ обѣду, сказавъ, что барыня спитъ и безпокоить ее нельзя. Эдуардъ удовлетворилъ ее; но это помѣшало ему играть. Онъ всталъ изъ-за рояля очень недовольный: много ошибокъ и недоста-

точныхъ выполненій замѣтилъ онъ въ своей игрѣ. Онъ досадовалъ; но не искалъ причинъ своихъ ошибокъ: онѣ могутъ быть исправлены — и онъ думалъ только объ Эвфаліи....

Скученъ былъ обѣдъ Эдуарда: одинъ сидѣлъ онъ за столомъ; мать лежала въ постелѣ. Послѣ обѣда отправился онъ на урокъ; къ матери его пришла г-жа Гиммельтраумъ.

* *
*

Эмилія, пользуясь отсутствіемъ тетки своей, положила въ ридикюль письмо и отправилась поспѣшно, съ какою-то боязливою рѣшимостію, въ домъ Крупникова, къ Эвфаліи. Сцена Луизы съ леди Мильфордъ * безпрестанно являлась ея воображенію.

* Изъ трагедіи Шиллера: Коварство и Любовь.

Какъ могущественны творенія поэтическія надъ сердцемъ неокаменѣлымъ въ свѣтѣ — дѣло опытомъ дознанное: повѣсть Гёте: Leiden des jungen Werthers, * неразъ была причиною смерти молодыхъ мечтателей Германіи. Потому-то, добрые читатели, не удивляйтесь поступку, на который рѣшилась теперь молодая дѣвица, руководимая чистѣйшею страстію, какъ святымъ вдохновеніемъ.

— «Скажи, пожалуста,» робко спросила Эмилія у артельщика, отворившаго ей двери, «мадемоазель Эвфалія Крупниковъ дома?»

— «У себя-съ,» отвѣчалъ артельщикъ, посматривая на незнакомую особу съ недоумѣніемъ.

— «Потрудись доложить ей, что одна дѣвица очень желаетъ съ нею говорить!.... Я очень прошу ее о томъ!....»

* Страданія молодаго Вертера.

Ловкій молодой артельщикъ попросилъ Эмилію войти въ залъ, сказалъ: «Вотъ я сей часъ!....» и скрылся. Эмилія съ какою-то боязнію остановилась у дверей. Двѣ восковыя свѣчи, стоявшія на раскрытомъ роялѣ, освѣщали большой, со вкусомъ меблированный залъ. Сердце несчастной облилось кровью, когда она увидѣла рояль;.... но ей должно было крѣпиться. Черезъ минуту явилась Архиповна. Крупникова не было дома.

— «Что вамъ угодно, сударыня?» спросила няня Эмилію, осматривая ее съ ногъ до головы, особенно вглядываясь въ ея заплаканные глаза.

Эмилія, скрывая замѣшательство, объявила свое желаніе.

— «Но барышня, кажется, васъ совсѣмъ не знаетъ?....» говорила, съ сомнѣніемъ няня.

— «Это правда; но я имѣю до нея очень большую надобность!....»

Архиповна нерѣшительно вышла изъ зала. Скоро явилась Эвфалія, а за нею опять няня. Эмилія на Французскомъ языкѣ просила Эвфалію говорить съ нею безъ свидѣтелей, tête-á-tête.

По уходѣ няни, Эвфалія пригласила посѣтительницу сѣсть на диванъ. Эвфалія была въ бѣломъ платьѣ, съ розовымъ легонькимъ платкомъ на шеѣ; черные, какъ смоль, волосы буклями впивались въ полненькія щеки. Розолилейной цвѣтъ ея Черкесскаго лица, которое украшалось безпечностію дитяти и довольствомъ жизни, поражалъ Эмилію. Мечтательная Нѣмка была въ черномъ платьѣ и бѣлой пелеринкѣ. Темнорусые, полуразвитые волосы ея, бѣжали по блѣдному, меланхолическому лицу; глаза были красны отъ слезъ.

Нѣсколько мгновеній продолжалось молчаніе.

Эвфалія хотѣла посмотрѣть въ глаза

Эмиліи, но, встрѣтивъ ея проницательный взглядъ, стала поправлять свои букли.

— «Прежде всего я прошу васъ,» начала скромно Эмилія, «дайте слово, что вы выслушаете меня; выслушаете все, что я должна вамъ сказать.»

— «Если вы для того и пришли, и это такъ необходимо, то я готова выслушать все, что вамъ угодно,» сказала съ живостію Эвфалія.

Логика возмущеннаго состоянія души извѣстна: тутъ нѣтъ видимой связи въ словахъ и мысляхъ, нѣтъ порядка въ понятіяхъ и выводахъ; начинаютъ иногда тѣмъ, чѣмъ надо-бы кончить; тутъ рѣчь подобна разорваннымъ облакамъ, которыя то громадою, то легонькимъ дымомъ несутся и летятъ въ атмосферѣ.

— «Любите-ли вы Эдуарда?....» спросила съ безумными глазами Эмилія.

Эвфалія смутилась. «Что это значитъ?... Какъ вы это знаете?....»

— «Я коротко знакома съ этимъ семействомъ.... »

— «Но это, кажется, не касается знакомыхъ его!.... И я....» Приэтомъ Эвфалія хотѣла удалиться.

— «Извините; вы дали слово — выслушать все!» быстро сказала Эмилія. «Ваши тайны для меня святы!.... Но, умоляю васъ, скажите: любите-ли вы Эдуарда всею жизнію?.... »

— «Но, мнѣ странно....» начала-было Эвфалія, и, замѣтивъ, какъ вдругъ въ Эмиліи жаръ сердца прилился къ глазамъ и трепеталъ въ запылавшемъ лицѣ, уступила высказаться сильному чувству. Ктому-же Эвфалію болѣе и болѣе поражала неожиданная новость, которая даже начала оскорблять ея женское самолюбіе и подстрекать мстительное любопытство.

Эмилія быстро, въ порывахъ самаго бурнаго волненія, продолжала: «Хорошо,

положимъ-те, что вы его обожаете; но согласенъ-ли вашъ папенька на этотъ бракъ? въ состояніи-ли вы будете переносить нѣкоторыя неудобства въ замужствѣ съ Эдуардомъ, если вы не получите приданаго?....»

Изъ этихъ словъ Эвфалія заключила, что для Эмиліи нѣтъ ничего тайнаго, что соединяло ее съ Эдуардомъ: и духъ оскорбленнаго самолюбія, духъ подозрѣнія, сомнѣнія, досады истреблялъ чары ея уже давно ослабѣвшей любви и леденилъ ея сердце. Между-тѣмъ Эмилія продолжала:

— «Онъ человѣкъ небогатый.... Что онъ достойный, прекрасный человѣкъ— это знаетъ небо, которое надѣлило его прекрасными качествами!.... Если-же вы любите его потому только, что онъ первый мужчина, который вамъ понравился — то оставьте это!...»

Послѣднія слова кольнули гордость

Эвфаліи, — но она рѣшилась выслушать все; Эмилія продолжала:

— «Его бѣдная, добродѣтельная мать будетъ за васъ Бога молить: я вамъ откровенно скажу, что ей очень не хочется этого брака!... Ахъ! оставьте эту любовь,» говорила въ слезахъ Эмилія, «оставьте для дѣвицы, которая съ самой первой минуты свиданія полюбила Эдуарда и готова до своей послѣдней минуты пожертвовать ему всѣмъ!.... Я не за себя прошу васъ; эта дѣвица моя добрая подруга.... Вамъ много явится еще жениховъ, достойныхъ васъ. Оставьте Эдуарда дѣвушкѣ, у которой только и есть одинъ другъ: братъ, и отецъ, и мать — всѣ въ немъ!... И.... Но вы не любите его такъ, какъ.... какъ эта дѣвица! Она готова трудами своими пріобрѣтать хлѣбъ и пріобрѣтать его только для Эдуарда; это было-бы для васъ очень трудно!... Судьба связала жизнь

той дѣвушки съ жизнію Эдуарда; случай, можетъ быть, свелъ васъ съ нимъ.... Скажите, ужели вы можете отнять душу у несчастной дѣвушки?... О, если вы это можете, то вы никогда не любили Эдуарда!...»

Эмилія заливалась слезами; Эвфалія по временамъ отирала глаза свои и сидѣла въ большой задумчивости. Растревоженная Нѣмка не ждала отвѣтовъ соперницы: она слабо надѣялась на свои убѣжденія; но горесть побуждала ее высказаться — и она продолжала:

—«Лице ваше показываетъ, что вамъ жизнь — веселье: несчастіе другихъ отравитъ все ваше веселье. Вы не перенесете этого — вы умрете! Что станется тогда съ Эдуардомъ?!... Онъ лишится васъ и друга, который бы замѣнилъ ему всѣхъ друзей на свѣтѣ..... Тогда онъ будетъ одинъ! Это для него ужасно: я знаю его характеръ!... Если

вы имѣете дочернее чувство, то знайте: мать Эдуарда захворала отъ вѣсти, что сынъ ея скоро женится на васъ!.... Ужели и смерть матери.... Но вы въ какомъ-то недоумѣніи?... Ахъ! если вы никогда не представляли себѣ будущности такъ, какъ я ее вамъ изобразила, и если уже это, самое слабое изображеніе приводитъ васъ къ раздумью, — то оставьте вашу любовь, которая навлечетъ вамъ одну гибель!... Можетъ быть васъ смущаетъ другая мысль — не измѣнилъ-ли вамъ Эдуардъ? не предпочелъ-ли ту дѣвицу вамъ?... Успокойтесь: этого онъ не можетъ сдѣлать! Я вамъ скажу, что онъ меня.... что онъ даже не любитъ той дѣвицы: и это потому-что онъ любитъ только васъ. Онъ не чуждается и той дѣвицы,.... но я.... но она всегда отличала его отъ прочихъ! Я немогу.... она не можетъ не любить его!...

Эвфалія безмолвствовала; грудь ея сильно колыхалась; она отерла выбѣжавшія на глазахъ слезы досады и стыда. Чувствительной Нѣмкѣ стало жаль Эвфалію: ей казалось, что она и дѣлитъ ея скорбь, и страдаетъ оттого, что не можетъ разстаться съ Эдуардомъ. Наконецъ Эмилія съ жаромъ схватила руку Эвфаліи и въ слезахъ говорила скоро, очень скоро:

— «Милая, добрая мадемоазель Крупниковъ, если всѣ мои убѣжденія напрасны,... о! такъ любите Эдуарда!... Но любите его моею любовію!... Богъ и слезы помогутъ мнѣ перенесть мое несчастіе!... Простите, что я обезпокоила васъ!...» Потóмъ Эмилія поднялась съ мѣста, оправилась — и вдругъ съ воплями, обхвативъ соперницу, говорила: «Эвфалія! любите Эдуарда, пожертвуйте для него всѣмъ! Рѣшитесь для него на все! Онъ достоинъ всего лучшаго! Онъ

— ангелъ во плоти человѣка!... Любите его!...» Или» тутъ выпустила она Эвфалію изъ объятій и грознымъ голосомъ, съ властительнымъ величіемъ произнесла: «Богъ накажетъ васъ!...» Потóмъ она замолкла; — закрыла лице руками; — горько-горько зарыдала и скрылась изъ дома....

Софья Васильевна и Архиповна подслушали у дверей весь этотъ разговоръ. При появленіи между ними Эвфаліи, первая сидѣла уже за шитьемъ; вторая что-то перебирала въ коммодѣ. Эвфалія безмолвно сѣла на диванъ и стала глядѣть въ книгу. Лице и движенія ея выражали негодованіе.

— «Я говорила, матушка,» начала няня, «что этотъ мусье вамъ не пара! Ну, вотъ теперь и сама видишь!...»

— «Да и какая смѣлость,» сказала съ притворнымъ равнодушіемъ Софья Васильевна, «даже дерзость со стороны

этой дѣвицы: притти въ незнакомый ей домъ съ такими вещами, и говорить въ лице, что она гораздо достойнѣе всѣхъ дѣвицъ!...»

— «Этого она совсѣмъ не говорила, Сонинька! Пожалуста оставьте!» сказала отрывисто Эвфалія.

Няня и Софья Васильевна на нѣсколько минутъ угомонились. Потомъ опять, по-временамъ, первая старалась сказать что-нибудь для своего оправданія въ связяхъ Эвфаліи съ Эдуардомъ; а вторая рвалась излить всю желчь на Эдуарда за насмѣшки подруги.

Но негодованіе Эвфаліи было сильнѣе словъ обѣихъ мстительницъ; оно питалось различными мыслями, порожденными сомнѣніемъ и подозрѣніемъ сердца несильнаго. Эвфаліи ясно представилось, что честь ея оскорблена; что ея любовь была предмѣтомъ разговоровъ повсюду; что бракъ съ Эдуардомъ готовитъ ей

какое-то рабство; что мать Эдуарда знаетъ ее и презираетъ, какъ недостойную.... Все это и множество подобныхъ мыслей, какъ фуріи, мучили, дотолѣ счастливаго ребенка, неопытную, безпечную Эвфалію....

Растерзанная горемъ Эмилія, возвратясь домой, обвязала свою голову отъ сильной боли, и должна была еще посмотрѣть кое-зачѣмъ по домашеству. Извѣстно, каковъ этотъ присмотръ въ такія минуты. Огонь на очагѣ истребилъ письмо, въ которомъ Эмилія заключила все то, что мы слышали въ разговорѣ ея съ Эвфаліею; съ тою только разницею, что оно оканчивалось мольбами къ Эвфаліи — забыть Эдуарда и угрозами самоубійства въ случаѣ ея сопротивленія.

*
* *

А между тѣмъ мимо дома Крупникова, когда тамъ рѣшалась участь нѣсколькихъ лицъ, Эдуардъ, проходя не разъ, думалъ: «Теперь, можетъ быть, Эвфалія умоляетъ отца о нашемъ бракѣ....» Онъ надѣялся встрѣтить горничную, Аннушку, и узнать отъ нея объ Эвфаліи; но его ожиданіе обманулось и онъ, опять грустный, возвратился домой.

— «Какъ здѣсь натопили,» сказалъ онъ Акулинѣ, принесшей въ залу свѣчу.

— «Кажется, Федоръ немного положилъ дровъ....»

— «Немного; а у меня уши такъ и горятъ!»

— «Да это кто-нибудь поминаетъ васъ, Эдуардъ Богданычъ....»

— «Кто у маменьки?....»

— «Мадамъ Химитранъ.» *

Черезъ минуту пришелъ Клингенау и приглашалъ Эдуарда въ ложу.

* Гиммельтраумъ.

— «Ну вотъ,» говорилъ онъ, «ты любишь веселиться, а нейдешь въ театръ. Ты взгляни только на публику, на хорошенькихъ, такъ ужъ развеселишься!... А можетъ, и Эвфалію тамъ увидишь!...» Но напрасно Клингенау манилъ своего друга къ развлеченію; Эдуардъ сидѣлъ задумчиво и пускалъ табачный дымъ; короткими отвѣтами нарушалъ онъ свое безмолвіе. Его задумчивость безпрерывно усиливалась отъ непріятныхъ представленій и мыслей. То онъ видѣлъ своего сегоднишняго оскорбителя съ тремя стами рублей; то — письмо изъ Москвы; то думалъ о сочиненіи оперы и досадовалъ, что еще она не создается въ немъ; то холодный потъ выступалъ на всемъ тѣлѣ его, при мысли объ ошибкахъ, сдѣланныхъ сегодня на фортепіано; и много другихъ мыслей мучили его. А сколько еще неясныхъ, но грустныхъ воспоминаній тѣснились

въ груди его; сколько еще непріятныхъ впечатлѣній, произведенныхъ словомъ или дѣломъ, волею или неволею отъ знакомыхъ и незнакомыхъ, осаждали его; сколько этихъ впечатлѣній, которыя въ минуту грусти, если не облекутся въ мысль, то ранами раскроются на сердцѣ тоскующаго — и оно болитъ, очень болитъ!... И кому-жъ Эдуардъ могъ сказать объ этой боли? Передъ кѣмъ — простонать? — Другу давно было все открыто; но онъ, ознакомленный съ жизнію ежедневною и находясь почти въ ея власти, невсегда понималъ Эдуарда: и часто мечты его почиталъ залетными пташками, которыя прилетаютъ и улетаютъ, не оставляя никакихъ слѣдовъ. Онъ судилъ о поэтѣ по-себѣ: и поэтъ, въ эту минуту невзгоды, увидѣлъ себя и близъ друга — одинокимъ. Даже надежда его на бракъ — поколебалась.

Клингенау, не успѣвъ въ своихъ убѣ-

жденіяхъ, поспѣшилъ въ театръ; Эдуардъ какъ-то невольно вошелъ въ спальню къ матери.

— «Вы сегодня невеселы!» между прочимъ замѣтила ему г-жа Гиммельтраумъ.

— «А жениху надо-бы веселиться!» прибавила мать слабымъ голосомъ и съ неискреннею улыбкою.

Эдуардъ горько усмѣхнулся и извинился усталостію; потóмъ остановилъ недолгій взглядъ на матери — и медленно пошелъ въ залъ. «Мать моя добра;» думалъ онъ, «но какъ ее убѣдишь, что я не могу быть счастливъ съ Эмиліею. Ей все хотѣлось бы истребить мою любовь къ Эвфаліи... Ахъ, еслибъ ее теперь увидать!... узнать!... И тоски-бъ моей какъ не бывало!... И откуда эта тоска сегодня?...» Эдуардъ быстро сѣлъ за рояль, ударилъ по клавишамъ — и звуки поняли поэта. Грустныя мысли

оставили его; только сердце еще болѣло; — сонъ уврачуетъ....

Но въ ту минуту когда Эдуардъ на своемъ ложѣ гасилъ уже свѣчу, припомнилось ему недавнее сновидѣніе: и стонъ порвавшихся струнъ, и отказъ отъ уроковъ, и обрученіе Эвфаліи съ офицеромъ Кроткинымъ, и пистолетъ.... Онъ нашелъ сходство въ этомъ сновидѣніи съ настоящимъ своимъ положеніемъ, особенно послѣ приключенія въ день рожденія Крупникова.... Но страхъ и надежда тотчасъ отогнали отъ него грустную думу, а утомленныя трудами и тоскою, тѣло и душа, погрузились въ сонъ.

И что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, была эта тоска Эдуарда? Она свойственна душѣ поэта, она и прежде посѣщала молодаго музыканта; но, знакомая гостья душѣ его, она сегодня дѣйствовала какъ-то разрушительно. Что-жъ была она теперь?

Была-ль она предсмертная мука таланта, или голосъ его генія-хранителя, напоминавшаго о чемъ-то; или таланту неизбѣжны такія страданія, чтобы окрѣпляться въ борьбѣ съ ними?... Или.... Но мнѣ припоминается мысль великаго поэта:

«Есть многое въ природѣ, другъ Гораціо,
Что и не снилось нашимъ мудрецамъ.»

Въ часъ глубокой ночи, въ сонномъ безпамятіи, Эдуардъ вдругъ открылъ глаза. Передъ нимъ стояло какое-то свѣтлое видѣніе: оно съ сожалѣніемъ покачало головою; потомъ отошло къ роялю, взяло піесу, назначенную для концерта, придвинулось опять къ Эдуарду и сказало: «Твои жертвы, принесенныя для любви, оскорбляютъ небо! Оно послало тебѣ дары свои для блага твоего и ближнихъ, а ты истребляешь ихъ для жен-

щины и думаешь, что все совершенство небеснаго явилось тебѣ въ ней!... Я хранилъ тебя!... Но ты существо свободное!... Я радуюсь, я плачу съ тобою!... Доля твоя!...» Тутъ видѣніе исчезло; Эдуарду открылось голубое небо. Отъ багрянаго утренняго небосклона летѣли прямо къ нему два генія съ лирою въ рукахъ; радость выше всѣхъ радостей сіяла на лицѣ ихъ. Люди смотрѣли на нихъ съ благоговѣніемъ; толпы собирались около Эдуарда. Ужъ геніи были близко; ужъ подавали Эдуарду лиру... и вдругъ, въ одно мгновеніе все исчезло и замѣнилось густымъ-густымъ мракомъ. Глаза Эдуарда опять смежились.

Поутру только сильно билось его сердце: онъ припоминалъ что-то видѣнное во снѣ, — и ничего не могъ припомнить: какъ это случается послѣ крѣпкаго усыпленія; или какъ мы за-

бываемъ дружескій совѣтъ, данный намъ въ минуту невниманія нашего.

V.

Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:
Люби одно, не измѣнись?

Старикъ въ поэмѣ *А. С. Пушкина: Цыганы.*

Черезъ недѣлю послѣ непонятной тоски, мучившей Эдуарда цѣлый день, однимъ утромъ, слуга вошелъ въ кабинетъ къ Крупникову и доложилъ, что Александръ Петровичъ Кроткинъ желаетъ съ нимъ видѣться. Крупниковъ, не измѣняя своего лица, на которомъ какія-то

соображенія навели думу и неудовольствіе, встрѣтилъ Кроткина въ залѣ.

— «Извините, Николай Григорьевичъ, если моимъ безвременнымъ приходомъ я обезпокоилъ васъ.... Но.... я имѣю надобность собственно до васъ....» сказалъ Кроткинъ тихо и оглядываясь.

— «А, такъ вотъ пожалуйте въ мой кабинетъ,» сказалъ спокойно Крупниковъ.

— «Я только-что получилъ пріятное для меня извѣстіе изъ Харькова, отъ моихъ родителей — и поспѣшилъ къ вамъ. Вы, Николай Григорьевичъ, знаете мое состояніе, мой образъ мыслей;.... и надѣюсь, что я заслужилъ ваше вниманіе?....»

Крупниковъ привѣтливо поклонился и сказалъ: «Вы всегда были мой дорогой знакомый.»

— «Мнѣ бы хотѣлось, Николай Григорьевичъ, быть вамъ болѣе, нежели зна-

комымъ. Я уже давно имѣлъ намѣреніе— избрать себѣ подругою вашу дочь.... Что вы на это скажете, Николай Григорьевичъ?.... Родители мои благословляютъ меня на этотъ бракъ.... Я не говорилъ о томъ ни вамъ, ни Эвфаліи Николаевнѣ, потому-что дожидался согласія отъ моихъ родителей: и вотъ въ письмѣ они прислали мнѣ свое благословеніе....»

— «Вы поступили какъ прекрасный, рѣдкій молодой человѣкъ. Но, извините,» приэтомъ Крупниковъ взялъ Кроткина дружелюбно за руку, «я не могу и не хочу располагать произвольно рукою моей дочери: это противно моимъ правиламъ. Согласны-ли вы, чтобъ она теперь-же и при васъ объявила свое *да* или *нѣтъ*?....

— «Видите, одно изъ этихъ словъ меня ободряетъ, а другое—пугаетъ.... Но, такъ и быть, я согласенъ на все, что вамъ угодно!...»

Крупниковъ позвонилъ и вошедшему слугѣ велѣлъ позвать Эвфалію. «Вы знаете, Александръ Петровичъ,» продолжалъ Крупниковъ, «Эвфалія не дочь мнѣ; но она замѣнила дѣтей, которыми судьба не надѣлила меня. Покойная жена моя очень любила Эвфалію: все свое время она посвящала почти только ея образованію.... И только небо воздастъ ей за этотъ трудъ!» Крупниковъ замолчалъ; грустное облако прошло по его лицу; потóмъ онъ опять продолжалъ: «Для меня Эвфалія была всегда отрадою, милымъ ребенкомъ!.... Потому-то уступая вамъ ее, я уступаю, Александръ Петровичъ, большую часть и самаго себя. Одного желалъ-бы я зато: полюбите ее, какъ я ее любилъ!....»

— «Это мой священный долгъ! И тѣмъ болѣе, что собственное мое сердце избрало ее мнѣ въ подруги!....»

— «Видите,» продолжалъ Крупниковъ;

«Эвфалія имѣетъ такой характеръ, изъ котораго можно сдѣлать все: прекрасное и злое! Когда она въ зависимости отъ твердаго разсудка и добраго сердца — она ангелъ! Объясните ей неумѣренность, неосновательность какого поступка или желанія, снизойдите къ маленькимъ ея капризамъ — и она предастся вамъ всею душою: и вы имѣете въ ней самое милое дитя. А начните поступать сурово, — и вѣчное недружелюбіе сдѣлаетъ ее угрюмою и отдалитъ отъ васъ. Коротко, имѣйте всегда постоянный характеръ, въ которомъ-бы являлись умъ и доброе чувство, — и Эвфалія будетъ постоянно вамъ предана!....»

Кроткинъ хорошо понималъ такой характеръ женщины; но готовъ былъ даже на нѣкоторыя уступки женскимъ слабостямъ: онъ рѣшился жениться. Къ женитьбѣ побуждали его требованія жизни общественной, которой онъ не чуждался, и осо-

бенно совѣты, убѣжденія и происки женщинъ, которыхъ онъ, надобно сказать, слишкомъ уважалъ по слабости своей.

Женщина, хорошо постигающая себя и жизнь, конечно согласится со мною, что мужчина въ зрѣломъ возрастѣ долженъ имѣть свою волю, свой разсудокъ: и что благоразумная женщина не одобритъ мужчину, который-бы хотѣлъ руководиться умомъ ея въ главнѣйшихъ обстоятельствахъ жизни.

Впрочемъ Кроткинъ не искалъ женщины необыкновенной для своего новаго житья. Эвфалія нравилась ему своимъ образованіемъ, некокетствомъ и откровенностію, а еще болѣе привлекательною граціею: потому-то слова Крупникова совершенно согласовались съ духомъ его.

*
* *

Посланный Крупниковымъ человѣкъ прервалъ тяжелыя думы Эвфаліи. Надобно сказать, что въ это утро она, отъ самаго пробужденія, тревожилась различными мыслями и представленіями. Душа и сердце ея были въ томъ мучительномъ состояніи, которое происходитъ отъ какого-нибудь произвольнаго проступка и вмѣстѣ отъ усилій разума оправдаться неизбѣжностію проступка. Въ это утро Эвфалію осаждали приступомъ, когда-то милыя ей, мечты начальной любви ея, и золотыя минуты прошедшаго, и восторги Эдуарда, и ея упоенія, ея нѣжные залоги любви —и среди всего этого возникала, какъ чудовище, — ея измѣна.... Но все это Эвфалія старалась отдалить отъ себя припоминаніемъ недавней сцены съ Эмиліею: «Я могла заблуждаться,» думала она, «но, ксчастію, мнѣ указали мое заблужденіе. Пусть онъ любитъ всѣхъ женщинъ на свѣтѣ!.... Странная лю-

бовь!.... Я неизмѣнница!.... Я могла заблуждаться!....» Эвфалія была очень смущена: за что ни принималась, все покидала. Напрасно внутреннее чувство говорило ей, что она и теперь заблуждается; она повторяла-себѣ одно, что такъ, какъ поступила съ нею Эмилія, могла поступить только дѣвица, которая вполнѣ раздѣляла любовь Эдуарда. Много подобныхъ сужденій дѣлала Эвфалія по внушенію оскорбленнаго сердца женщины. Ей даже казалось страннымъ, какъ могла она рѣшиться просить отцева согласія на союзъ съ Эдуардомъ, за любовь къ которому она боялась отца. «Что, если-бъ я вымолила у папеньки согласіе — и онъ узналъ-бы за нимъ такіе поступки!... Ужасно!...» И только Эвфалія сказала, для успокоенія своей встревоженной совѣсти: «Можетъ быть самъ Богъ устроилъ такой конецъ моей любви, или, лучше, моему заблужденію!»

вошедшій слуга объявилъ ей приказаніе Крупникова. Какъ обрадованный заключенный, къ которому пришли повидаться родные, побѣжала Эвфалія къ отцу: мучительные образы и мысли оставили ее.

*
* *

Войдя въ кабинетъ, Эвфалія поклонилась Кроткину, который млѣлъ передъ избранною сердцемъ. Отъ его устремленнаго взгляда Эвфалія поникла глазками и подошла къ отцу. Кроткинъ не садился.

— «Вотъ, милая,» сказалъ съ радостнымъ лицемъ старикъ....» Да, постой: ты знаешь, что въ дѣлахъ до меня касающихся, я не принимаю въ участники никого: дѣла мои мнѣ принадлежатъ; но въ дѣлахъ, особенно важныхъ, касающихся другихъ лицъ, я дѣйствую открыто и откровенно. Но поскорѣе къ

дѣлу. Вотъ видишь, знакомый нашъ, Александръ Петровичъ, — скажу коротко, — проситъ у меня руки твоей.... Что вы другъ друга достойны—я знаю.... Но рука твоя, дитя мое, принадлежитъ тебѣ.... Я согласенъ на вашъ союзъ; даже желаю его.... Но пусть не мое желаніе, а твоя воля и Провидѣніе рѣшатъ участь твою!....»

Эвфалія покраснѣла; грудь ея колыхалась; слезы выступили на глазахъ ея.

— «Мой другъ!» сказалъ ей Крупниковъ и, обнявъ, посадилъ ее возлѣ себя на диванѣ, попросивъ Кроткина также занять мѣсто. «Мой другъ, ты была со мною всегда откровенна; зачѣмъ-же теперь такъ застѣнчива?.... Александръ Петровичъ и самъ желаетъ узнать отъ тебя самой твое *да* или *нѣтъ*....

— «Не смѣю сказать; но желалъ-бы лучше.... услышать.... не убійствен-

ное *нѣтъ!....»* проговорилъ трепетнымъ голосомъ Кроткинъ.

— «Мой другъ,» продолжалъ Крупниковъ, «ты не была къ этому приготовлена; но того-то мы оба и желаемъ, чтобы ты добровольно приняла или отказала предложеніе Александра Петровича....»

— «Но, папенька,» горячими губками пролепетала Эвфалія, «я никогда не противилась вашимъ желаніямъ....»

— «Такъ что-жъ тебѣ мѣшаетъ теперь исполнить?...»

Эвфалія въ жару и слезахъ прижалась къ груди отца.

— «Тебѣ трудно сказать это?.... Хорошо, если ты согласна, такъ дай мнѣ руку....»

Эвфалія подала руку.

— «Видите, Александръ Петровичъ, я ничего не прибавилъ въ изображеніи ея характера!.... Она покорное дитя:

будьте только ей добрымъ другомъ!.... И — пусть Богъ благословитъ васъ, дѣти!....» Почтенный старикъ соединилъ руки молодыхъ людей и, крѣпко поцѣловавъ обоихъ, сказалъ, улыбаясь сквозь слезы: «Нечего дѣлать, надобно-жъ было когда-нибудь разстаться мнѣ съ тобою, Эвфалія!.... Нечего дѣлать!.... Будьте счастливы!....» Послѣ изліяній нѣкоторыхъ взаимныхъ нѣжностей, которыя перомъ трудно изобразить, Крупниковъ сказалъ: «Но, друзья, мнѣ пора опять заняться кое-чѣмъ: у меня сегодня хлопотъ полонъ ротъ!.... Вы у насъ обѣдаете сегодня, Александръ Петровичъ?...»

— «Покорно благодарю! Если Эвфалія Николаевна позволитъ....»

— «Такъ похлопочите объ этомъ,» сказалъ Крупниковъ, улыбаясь и раскрывая огромную счетную книгу.

Счастливый Кроткинъ съ своею нарѣ-

ченною оставили кабинетъ старика. И минуты благословеннаго землею и небомъ счастія для двухъ супруговъ — начались!... Завидую! завидую! но не рѣшаюсь святотатственно проникнуть въ тайны двухъ сердецъ, заключившихъ союзъ на великое дѣло семейной жизни! И что узналъ-бы я? Можетъ быть — откровенности, для меня, какъ для посторонняго лица, даже смѣшныя, а для знакомства этимъ двумъ характерамъ — необходимыя. Ктому-же нерѣдко смѣемся мы надъ такими проявленіями сердца другихъ людей, которыя впослѣдствіи и въ насъ обнаруживаются. Окружающая насъ Природа не имѣетъ нашего языка, а то она спросила-бы: «Да точно-ли эти проявленія были смѣшны?»

И-такъ Эвфалія принадлежитъ Кроткину!....

И такъ сбылось!... Сбылось мучительное предчувствіе Эдуарда, съ кото-

рымъ встрѣтили мы его первый разъ на Большомъ Проспектѣ Васильевскаго-Острова въ разговорѣ съ Аннушкою; то предчувствіе, съ которымъ видѣли мы его на вечерѣ у Луизы и во время его страдальческой ночи.... Правда, буря, произведенная этимъ предчувствіемъ въ груди Эдуарда, улеглась, при яркихъ лучахъ надежды, на самой глубинѣ души. Что, если она опять подымется изъ этой души, прекрасной, но неокрѣпленной силою воли? А мудрено-ли хлынуть бурею той душѣ, для которой любовь была выше всѣхъ потребностей, выше всѣхъ желаній, выше всѣхъ надеждъ?....

И-такъ, могла измѣнить Эвфалія!.... Это милое, такое преданное, покорное дитя даже и неродному отцу своему!... Измѣнила Эвфалія — цвѣтокъ, взлелѣянный добродѣтельною Вѣрою Александровною, которая заботливо согрѣвала въ

сердцѣ питомицы своей каждое прекрасное движеніе.... Измѣнила Эвфалія, видѣвшая болѣе одиннадцати лѣтъ строжайшій примѣръ нравственности въ достойномъ Крупниковѣ; окружаемая постоянно лицами, если невсегда благоразумными, то всегда готовыми бѣжать отъ порока и спасти ее также... Измѣнила образованная дѣвушка, умѣвшая такъ прекрасно обнаруживать чувство благодарности, нетерпѣвшая притворства, кокетства и всего, что такъ тяготитъ многихъ дѣвицъ.... Наконецъ, измѣнила та, которая любила впервые; которая не слушала стращаній старой няни за любовь свою; смѣялась надъ насмѣшками Софьи Васильевны; и съ недѣлю назадъ, по внушенію любви, обѣщала — просить отца благословить ее на союзъ съ другомъ сердца. Она измѣнила!.... Какъ ни ищу побудительныхъ причинъ къ такому поступку — всѣ слабы, кро-

мѣ одной, и это — воля непостижимой судьбы Эдуарда. Но вдругъ, и почти безъ всякой борьбы, покинуть друга сердца — все-таки измѣна!... Ахъ, Эвфалія! какъ ни ищу оправдать тебя, — все тщетно; только припоминаніе твоей миловидности, твоего дѣтски-чуднаго права и еще одной минуты на смертномъ одрѣ— защищаетъ тебя!... Я неразъ еще приду на могилу твою: мнѣ тамъ сладко помечтать!.... Ты часто, въ памяти о моемъ золотомъ времени, воскресаешь милымъ видѣніемъ!... Всегда вспоминаю тебя съ сладкимъ удовольствіемъ;... но сердцу тяжело, когда вспомню и твой разрывъ съ Эдуардомъ!

Конечно нельзя любить вѣчно съ жаромъ юношескаго сердца, потому-что сердце не можетъ быть вѣчно юнымъ. Но этотъ жаръ въ сердцѣ Эвфаліи, не успѣвъ еще перейти въ любовь тихую, постоянную, ослабѣлъ уже, и не столь-

ко отъ времени, сколько отъ дыханія на него злыхъ людей и отъ недостаточнаго бодрствованія надъ собою.... Такъ — зависимость отъ людей, слабость собственной воли, недостатокъ силы чувствованія, недальновидность, довѣріе людямъ пристрастнымъ, а болѣе всего легкомысліе — истребляютъ любовь въ сердцѣ женщины, хотя иногда и оставляютъ его еще добрымъ, нѣжнымъ, благопріязненнымъ для супружнихъ и материнскихъ отношеній. Жаль! А Эвфалія и Эдуардъ такъ искренно любили другъ друга вначалѣ! А въ соединеніи двухъ, неразрывно любящихся сердецъ можетъ существовать истинная любовь — истинное счастіе!

Но тщетно страдаетъ сердце мое: предчувствіе Эдуарда сбылось; Эвфалія отдалась другому — и не покинетъ его: она еще имѣетъ женскій стыдъ, совѣсть; она воспитана въ обществѣ, гдѣ нару-

шеніе брачной вѣрности преслѣдуется гражданскими законами и общественнымъ мнѣніемъ. А эти законы и мнѣніе сильнѣе правъ сердца — для сердца несильнаго.... Бѣдный человѣкъ! ему легче всю жизнь быть рабомъ, нежели претерпѣніемъ нѣкоторыхъ, неизбѣжныхъ неудовольствій, бѣдствій, пріобрѣсть достойную властительность, благородную самобытность!....

Эвфалія тотчасъ, послѣ того какъ разсталась съ женихомъ своимъ, которому надобно было явиться на нѣсколько часовъ къ разводу, пришла къ своей подругѣ и говорила съ трепетною улыбкою: «Вотъ, Соничька, теперь я поступила совершенно по твоему вкусу: я помолвлена за Кроткина; поздравь меня!...»

— «Сумасшедшая!» сказала изумленная Софья Васильевна; «Да какъ-же ты такъ вдругъ рѣшилась?...»

— «Что-жъ мнѣ было дѣлать? Па-

пенька пристаетъ: — скажи, да скажи: согласна-ли выдти за Александра Петровича или нѣтъ?... Объ Эдуардѣ я и думать не могу!... Я подала папенькѣ руку; а онъ ее отдалъ Кроткину!.... Вотъ и дѣло кончено!....»

— «И ты любишь Кроткина?»

— «Ну, что тебѣ все любовь! — Да и что такое любовь?...»

*
* *

Но, добрый читатель, отъ такихъ ежедневныхъ разговоровъ возвратимьтесь лучше къ нашему герою — Эдуарду. Надобно сказать, что съ самаго Воскресенья, въ которое Эвфалія сдѣлала такой странный сюрпризъ отцу, Эдуардъ, колеблемый страхомъ и надеждою, не имѣлъ случая видѣться ни съ кѣмъ изъ дома Крупникова. Въ Среду, на другой

день послѣ своей тоски, встрѣтилъ онъ горничную Аннушку; она торопливо и съ какимъ-то испугомъ отвѣчала, что ничего неслыхала отъ своей барышни; что она здорова и весела по-прежнему; что если онъ будетъ завтра у нихъ на музыкальномъ вечерѣ, такъ «все узнаете лучше сами-съ!» прибавила горничная съ коварною улыбкою. Эдуардъ едва успѣлъ ей сказать, чтобы она напомнила Эвфаліи о обѣщаніи; — и Аннушка, засмѣясь, исчезла.

На другой день, вечеромъ, Эдуардъ стоялъ у зеркала и уже съ четверть часа прилаживалъ съ досадою свой галстухъ, торопясь на музыкальное собраніе къ Крупникову. Вдругъ Акулина вошла въ залъ и въ страхѣ сказала, что маменькѣ сдѣлалось очень худо.

Въ самомъ дѣлѣ мать лежала на спинѣ, металась, сбрасывала съ себя всѣ покрышки, стонала и брѣдила: ужасный

жаръ жегъ ея члены; ротъ былъ раскрытъ и глаза закатились. Эдуардъ тотчасъ-же бросился за докторомъ. Всѣ пособія больной были сдѣланы: хлопотали цѣлый вечеръ. Хотя и непріятно было Эдуарду, что онъ лишился желанной минуты видѣться съ Эвфаліею, но совѣсть, сыновній долгъ, а болѣе всего любовь къ достойнѣйшей матери и безпечная надежда на неизвѣстное будущее успокоили его.

Чрезъ четыре дня г-жа Вольфгангъ начала поправляться здоровьемъ; тогда изобрѣтательная любовь внушила Эдуарду мысль, спросить въ домѣ Крупникова о жительствѣ того доктора, который помогъ Эвфаліи отъ обморока, въ день рожденія ея отца. Хотя для матери уже ненадобенъ былъ лучшій докторъ, но, видно, что онъ былъ надобенъ только Эдуарду.

Былъ двѣнадцатый часъ дня. Въ это

время Крупниковъ не бываетъ дома: и этотъ часъ Эдуардъ избралъ для свиданія съ Эвфаліею; вопросъ о докторѣ приготовилъ онъ на случай встрѣчи съ отцемъ. Въ ту минуту, какъ онъ съ бульвара хотѣлъ итти уже къ воротамъ дома Крупникова, — изъ этихъ воротъ выѣхалъ офицеръ Кроткинъ. «Здравствуйте, Эдуардъ Богдановичъ!» сказалъ онъ весело.

Эдуардъ дрогнулъ.

— «Вы, вѣрно, къ Николаю Григорьевичу?» спросилъ Кроткинъ.

— «Да-съ. Мнѣ надобно....»

— «Что-жъ вы совсѣмъ забыли вашу ученицу?....»

— «Моя матушка была очень больна!... Я теперь иду узнать, гдѣ живетъ тотъ докторъ, который въ запрошлое Воскресенье такъ скоро помогъ Эвфаліи Николаевнѣ.»

Кроткинъ съ самодовольствіемъ улыб-

нулся и сказалъ: «Этимъ могу и я вамъ служить. Этотъ докторъ мнѣ коротко знакомъ...»

Кровь въ Эдуардѣ бросилась въ голову; но онъ старался сохранить равнодушіе.

— «Онъ живетъ здѣсь, на островѣ» продолжалъ Кроткинъ, и подробно объяснивъ мѣсто жительства, чинъ и фамилію доктора, присовокупилъ: «Теперь едва-ли можно его застать дома; онъ объ эту пору посѣщаетъ больныхъ.»

Эдуардъ видѣлъ, что предлогъ — увидѣться съ Эвфаліею — уничтоженъ; другаго онъ не могъ придумать наскоро; мысли и чувства его мутились. Онъ взялъ руку Кроткина, благодарилъ его, извинялся, что обезпокоилъ его, — хотя и самъ не зналъ чѣмъ.

Кроткинъ зналъ въ Эдуардѣ неловкость объясненія въ минуту какого-нибудь смущенія душевнаго: теперь, казалось ему, эта неловкость произошла отъ

участія въ болѣзни матери и отъ неожиданной вѣсти о докторѣ. Чтобы оставить этотъ разговоръ и успокоить нѣсколько Эдуарда новостію, Кроткинъ вдругъ сказалъ: «Эдуардъ Богдановичъ, позвольте васъ и съ моей стороны поблагодарить за ученицу вашу....»

Эдуардъ кланялся съ улыбкою — и ни слова не могъ проговорить.

— «Я имѣю это право теперь потому,» продолжалъ Кроткинъ, «что Эвфалія Николаевна черезъ недѣлю будетъ моя учительница: вчера было наше обрученіе....»

Эдуардъ съ улыбкою кланялся Кроткину.

— «Прощайте, Эдуардъ Богдановичъ; мнѣ надобно ѣхать къ разводу.» Лошади тронулись. «Надѣюсь скоро увидѣться!» закричалъ Кроткинъ и исчезъ.

Эдуардъ еще нѣсколько времени съ улыбкою кланялся; потомъ—пошатнулся

и едва-едва успѣлъ удержаться о палисадъ. Закутавшись въ шубу, онъ стоялъ, какъ испуганный громовымъ ударомъ или какъ оледенѣлый у рѣшетки сада, сосѣдняго съ домомъ Крупникова.

Двѣ женщины, спѣшившія на Андреевскій рынокъ мимо Эдуарда, замѣтили вслухъ, что у него глаза какъ у сумасшедшаго. Сѣдой, краснолицый Нѣмецъ-конторщикъ, въ богатомъ бекешѣ, отмѣривая математически шаги и неся носъ по направленію горизонтальной линіи, посмотрѣлъ скоса на Эдуарда и подумалъ: «Какой лѣнивый народъ, эти Русскіе!.... Все имъ какъ-бы позевать!... А въ департаментѣ вѣрно дѣло ждетъ его.» Трое молодыхъ людей, съ громкимъ разговоромъ о литературѣ, прошли мимо Эдуарда. Одинъ изъ нихъ, съ огромными бакенбардами и серебряными очками, сказалъ: «Этотъ синьоръ, вѣрно, грѣется у палисада!» «Нѣтъ,» ска-

залъ другой, «онъ, вѣрно, компонируетъ фантазію для послѣзавтрашняго концерта!.... Это прелестный фортепіанистъ, Вольфгангъ.»

Но Эдуардъ ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ: онъ былъ разрушенъ духовно и тѣлесно. Въ душѣ его была ужасная пустыня безъ предѣловъ, безъ убѣжищей; и надъ этою пустыней, какъ всегубящая зараза, носилась одна мысль: «Моя Эвфалія выходитъ за-мужъ за Кроткина!...» Нѣсколько минутъ прошло, а Эдуардъ пребылъ неподвиженъ.

Клингенау, шедшій на ту пору по противуположному бульвару, увидѣвъ Эдуарда въ такомъ положеніи, подошелъ къ нему. Эдуардъ опомнился или, лучше сказать, перешелъ въ такое состояніе, которое подобно усталости, истомленію силъ тѣлесныхъ и душевныхъ.

— «На улицѣ тебя только и встрѣтишь у этого домика,» сказалъ Клингенау.

Эдуардъ, не измѣняясь въ лицѣ, подалъ руку другу.

—«Но, что ты?... Нездоровъ что-ли?.... Что съ тобою?....» спросилъ смущенный Клингенау.

—«Такъ; голова что-то закружилась,» слабымъ голосомъ и неохотно проговорилъ Эдуардъ.

Они оба пошли по бульвару къ первой линіи.

—«Вѣрно, съ тобою случилось что-нибудь по-болѣе?» сказалъ Клингенау. «И ты не повѣришь этого твоему другу?....»

—«Нѣтъ, право ничего болѣе.... А какъ ты такъ рано вышелъ изъ конторы?....»

—«Я иду съ порученіемъ.»

—«Послушай, сядемъ тутъ,» сказалъ Эдуардъ, когда они подошли къ скамейкѣ, стоящей на концѣ бульвара.

—«Нѣтъ; тутъ холодно; зайдемъ луч-

ше въ кандитерскую,» сказалъ Клингенау.

—«Пожалуй.»

Эдуардъ дѣйствовалъ какъ-то покорно, машинально, по произволу друга. Они выпили по-рюмкѣ ликеру. Это немного окрѣпило Эдуарда. «Нѣтъ, чего-нибудь по-лучше!» сказалъ онъ и велѣлъ принесть бутылку шампанскаго.

—«Это ужъ будетъ слишкомъ много;» сказалъ Клингенау, «теперь рано: нельзя....»

Эдуардъ сидѣлъ облокотясь на столъ и слабо проговорилъ: «Помилуй, чего нельзя на свѣтѣ!... Все можно!...» Потомъ, поднявъ рюмку, живо сказалъ: «Вотъ, хочешь, этой рюмкой я тебя убью?....»

— «Нѣтъ, не хочу,» сказалъ шутя Клингенау.

—«Да, хорошо, что не хочешь; а то иной и не хочетъ да умираетъ....»

Пѣнистое Клико закипѣло въ рюмкахъ. Эдуардъ, наливая, любовался игрою влаги. Клингенау смотрѣлъ на него съ удивленіемъ: никогда не видалъ онъ друга въ такомъ странномъ положеніи. Эдуардъ, быстро осушивъ бокалъ, поднялъ бутылку: игривая влага опять полилась въ бокалъ.

— «Нѣтъ, ты долженъ непремѣнно сказать, что съ тобою случилось? Иначе я не буду пить!» сказалъ Клингенау.

— «Послушай, — любишь ты меня?»

— «Люблю.»

— «Другъ ты мнѣ?»

— «Странный вопросъ! Ты знаешь, что во все пятилѣтіе нашей дружбы у меня не было тайны, которой бы я тебѣ не открылъ!...»

— «Такъ если ты меня любишь и мнѣ другъ, то не спрашивай меня болѣе о причинѣ моего разстройства!... Но

помни, что ты меня любишь и что ты мнѣ другъ!....»

—«Уступаю тебѣ, чтобъ доказать тебѣ мою любовь и дружбу.»

Эдуардъ не допилъ другаго бокала и, отодвинувъ его, молчаливо облокотился на столъ. Клингенау докончилъ бутылку: такая побѣда была ему новая. По выходѣ изъ кандитерской они разстались. Эдуардъ отправился домой. Дорóгою онъ шелъ какъ-то странно: то-подпрыгивалъ, то-бѣжалъ, то-останавливался, оглядывалъ самого себя — и опять спѣшилъ домой.... Ему встрѣчались знакомые и говорили: «Guten Tag!» онъ отвѣчалъ имъ: «Gute Nacht!...» Въ нѣсколько минутъ душа его отстрадала всю скорбь потери; любовь въ ней испарилась; чувство замерло — и язвительныя мысли начали впиваться въ нее. Эдуардъ вглядывался въ проходящихъ, не находятъ-ли въ немъ чего страннаго — и опять пускался по-

чти бѣгомъ домой. «Ахъ, Боже мой! Боже мой! да чтожъ будутъ теперь обо мнѣ всѣ говорить?!» думалъ онъ. «Всѣ знали мою любовь!.... А теперь.... ха, ха, ха! да хи, хи, хи!... Ухъ! какъ они всѣ на меня шипятъ!... Всѣ показываютъ на меня пальцемъ!.... Куда-бы уйти?....» И Эдуардъ остановился-было за угломъ одного палисада; но вдругъ опомнился и пошелъ опять домой. «Да любила-ли она меня? Вѣдь я этого никогда не спрашивалъ ни у себя, ни у нея.... Нѣтъ, она любила, точно любила! Любила, какъ ангелъ!.... Ангелъ.... гм, давно-ли я ее такъ назвалъ, а она только разсмѣялась!.... Нѣтъ, она меня никогда не любила; она только вѣтреница, обманщица!.... А какъ она сказала: — *папенька! папенька!*.... Ахъ, Богъ знаетъ! много было залоговъ любви, а гдѣ-жъ любовь?....» И молодой несчастный человѣкъ страшно скреже-

талъ зубами, будто силясь удержать кровь въ предѣлахъ ея; глаза его налились звѣрскою дикостію. Въ такомъ состояніи подошелъ онъ къ своему жилищу: и тутъ только вспомнилъ о матери. Онъ остановился на минуту, оправился, старался нѣсколько успокоиться — и потомъ пришелъ домой.

Г-жа Вольфгангъ уже выздоравливала; ходила уже по комнатамъ.

Эдуардъ, отдавая шубу слугѣ, приказалъ: «Скажи маменькѣ, что я не буду обѣдать; и подай мнѣ трубку.» Слуга поглядѣлъ на него въ недоумѣніи, потому-что доэтого онъ, по возвращеніи домой, тотчасъ шелъ повидаться съ матерью, особенно въ ея болѣзни. Обезпокоенная мать ту-жъ минуту пришла къ сыну. Онъ стоялъ у окна и не слыхалъ шаговъ тихо вошедшей матери.

—«Неужели ты обѣдалъ?» спросила она.

Эдуардъ вздрогнулъ.

— «Что ты?.... Что съ тобою?.... Чего ты испугался?....»

— «Нѣтъ, ничего; я не испугался;» отвѣчалъ Эдуардъ, скрывая свое смущеніе.

—«Развѣ мой голосъ такъ страшенъ сдѣлался послѣ болѣзни?....» сказала мать, улыбаясь.

— «Нѣтъ, совсѣмъ ничего; да я и не испугался вовсе; нѣтъ.... у меня голова болитъ....»

— «Но ты такъ блѣденъ; и глаза такіе мутные!....»

— «Да, у меня очень голова болитъ; я не знаю отчего..... Я хочу лечь спать....»

— «Не хочешь-ли хоть кофе? Ты не озябъ-ли?....»

— «О нѣтъ; я весь какъ въ огнѣ.»

Мать приложила ладонь къ лбу его и

сказала: «Да; лучше лягъ спать, и не ходи сегодня на уроки.»

— «Я не пойду сегодня ни-куда, маменька; я лягу спать: оставь меня, маменька.»

Мать вышла; а сынъ, посмотрѣвъ ей вслѣдъ, приложилъ обѣ руки къ глазамъ своимъ: горячія слезы крупными каплями полились съ лица его. «О, Боже мой!» думалъ онъ, «моя любовь, мои пожертвованія для любви, мои прекрасныя мечты о бракѣ!.... Жизнь!.... Отецъ, братья, люди!.... Смерть!.... Умереть! — А мать?.... Мать моя — безъ защиты, безъ опоры, безъ помощи! — Нищая! — Мѣшекъ и костыль ей!.... Ей?! — А она мучается за меня!....» Эдуардъ кинулся на диванъ и въ какомъ-то забытіи пролежалъ до сумерекъ.

Часу въ пятомъ сѣлъ онъ у окна. Трубка дымилась въ устахъ его; мысли

его приняли нѣкоторый порядокъ. Черезъ улицу въ противоположномъ большомъ домѣ блистательно былъ освѣщенъ цѣлый этажъ: богачъ давалъ обѣдъ. «Нѣтъ, все напрасно!» думалъ Эдуардъ. «Я не могу найти причины этой измѣны!.... Пусть, отецъ приказалъ.... Но, кажется, онъ не такой человѣкъ; да и если ужъ рѣшилась она исполнить это приказаніе — такъ она никогда меня не любила; никогда и понятія не имѣла о любви; только демонская чувственность могла въ ней такъ прелестно выражаться!... А я думалъ, что это была ангельская душа въ ней!.... Демонъ!....»

— «Конечно, добрый отецъ желалъ ей счастія;.... онъ ничего не зналъ;... онъ предложилъ ей мужа, а она.... она и не постыдилась отдать ему руку, — пожалуй и сердце, — которыя были уже отданы мнѣ!.... Это ужасъ!.... Хоть бы слово прислала мнѣ о томъ

сказать!.... Да какъ? — Ей стыдно теперь и подумать обо мнѣ....»

— «Да что, впрочемъ, она не стóитъ никакого вниманія!....» Этой мыслію Эдуардъ хотѣлъ заключить свою думу хотѣлъ успокоиться; но его кровь, какъ огонь приливалась къ сердцу, бросалась въ голову. Больно разставаться и съ мечтою; что-жъ если лишаемся блаженства, котораго домогались и которое было такъ близко?..... Эдуардъ уставилъ глаза свои въ окна освѣщеннаго дома и думалъ:

— «Можетъ быть, тамъ уже говорятъ, что она меня бросила..... Ужъ смѣются надо мной!.... Демонъ!....»

— «Тамъ ее похвалятъ!.... Надъ нею не будутъ смѣяться: она выдетъ замужъ за военнаго; а это у Русскихъ такъ много значитъ!.... Онъ богатъ;— вотъ они и заживутъ!....»

— «А я-то — что?— Музыкантъ, ко-

торому иногда съ презрѣніемъ платятъ деньги за труды!...»

— «А вѣдь есть-же люди, которые мнѣ завидуютъ!.... Завидуютъ моему таланту; называютъ меня поэтомъ!.... Да что-жъ мнѣ изъ того? Явился человѣкъ съ золотыми эполетами, съ деревнею... Вѣдь ужъ конечно его не зато полюбили, что онъ прелестно играетъ на флейтѣ....»

Такъ, прекрасная, но не привыкшая къ несчастіямъ, душа, въ своемъ паденіи, можетъ презирать и дары неба!— Послѣ нѣкотораго безмыслія, въ груди Эдуарда пробудились звуки, сдѣлались яснѣе, сочетались — онъ мысленно запѣлъ:

«Wir winden dir den Jungferkranz....»

и тотчасъ вспомнилъ, что эту пѣсню недавно напѣвалъ ему молодой альтистъ.

«Га, всѣ знаютъ!... всѣ станутъ насмѣхаться надо мною!...» закричалъ онъ громко и вскочилъ со стула.

Въ эту минуту г-жа Вольфгангъ шла посмотрѣть, каково спитъ Эдуардъ; тихо приблизясь къ двери, она испугалась его вскрика и быстро вошла съ словами: «Что съ тобою?.... Что ты дѣлаешь, Эдуардъ?!....»

— «Нѣтъ;.... ничего, матушка!.... отвѣчалъ онъ и въ замѣшательствѣ сталъ ходить по комнатѣ.

— «Ничего?.... Видно, твоя мать уже не стóитъ болѣе никакого довѣрія съ нѣкотораго времени!... Ахъ! Эдуардъ, желаю тебѣ лучшаго друга!....» И, заплакавъ, мать пошла вонъ изъ комнаты.

Сынъ бросился ей на шею — и съ рыданіями, съ воплями отчаяннаго, почти кричалъ: «Матушка! любезная матушка! у меня нѣтъ друга! — въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ни одного друга!...»

Такъ, заблуждаясь, Эдуардъ рыдалъ на груди своего истиннаго друга.

VI.

O Mutter, Mutter! hin ist hin!
Verloren ist verloren!
Der Tod, der Tod ist mein Gewinn;
O wär' ich nie geboren!
Lisch aus, mein Licht, auf ewig aus!
Stirb hin, stirb hin in Nacht und Graus!....

Бюргеръ.

Читатели, вѣроятно, помнятъ еще, что не добровольно, не самъ-собою дошелъ Эдуардъ до рѣшительной минуты— просить руки Эвфаліи, но что обстоятельства: змѣя-ревность и пламенная страсть принудили его къ тому. Эту ми-

нуту онъ охотно отлагалъ до улучшенія своего состоянія. Въ часы сладкихъ думъ о будущемъ порядкѣ во всемъ своемъ домашествѣ, который устроится доброю матерью и украсится милою Эвфаліею, Эдуардъ представлялъ себя поэтомъ-творцемъ. «Какъ чудно польются тогда звуки! Какъ легко будетъ мнѣ сочетать ихъ! Гармонія во всемъ внѣшнемъ такъ будетъ отвѣчать гармоніи души моей!....» Но эта дума огорчалась припоминаніемъ, что положеніе его вовсе необезпечено; уроковъ недовольно. Такое припоминаніе для него было такъ несносно, что онъ старался истребить его надеждами всякаго рода, даже иногда самыми мелочными, свойственными малодушію: хотя за нихъ черезъ минуту стыдился самаго-себя. Не благоразумно-ли, послѣ этого, отлагалъ онъ бракъ до умноженія своихъ уроковъ? — Къ мысли о недостаткахъ присоедини-

лась другая, тревожная для самолюбія, мысль о малоизвѣстности; по предпринятою оперою онъ обѣщалъ себѣ славу и почетность въ обществѣ — и потому-то называлъ себя достойнымъ другомъ Эвфаліи.

Бѣдный молодой мечтатель, онъ не зналъ, что любовь къ женщинѣ не должна овладѣть всѣмъ существомъ нашимъ; онъ не зналъ, что наше существо такъ мудро соединено съ предмѣтами земли и неба, что, посвятивъ себя совершенно одному предмѣту, мы должны оставить, до-возможности, всѣ прочіе.... Но какъ-же, для обладанія прекрасною, оставить святое вдохновеніе, котораго созданія напоминаютъ людямъ рай?.... Бѣдный мечтатель не думалъ о томъ; а руководителя — не было. Ему представлялись въ ясныхъ сновидѣніяхъ какіе-то геніи хранители; но, едва онъ пробуж-

дался, страсть овладѣвала его воображеніемъ и памятью.

Мысль о бѣдности и неизвѣстности очень угнетала его: скромный по природѣ, онъ отъ этой мысли дѣлался несмѣлымъ и робкимъ. Потому-то, имѣя, по его собственнымъ словамъ, *въ карманѣ только воздухъ, а на груди только ея цѣпочку*, онъ не смѣлъ и подумать — просить у Крупникова руки Эвфаліи. Какъ жаль, что Эдуардъ въ этомъ періодѣ своей жизни не встрѣтился съ человѣкомъ, подобнымъ Беку, который бы, объяснивъ ему высокость таланта, научилъ его не уважать людей, которые уважаютъ только богатство и званіе? Тогда-бы ему легче было снести свое несчастіе: самосознаніе — эта благородная гордость — спасла бы его талантъ и святые звуки. Но теперь, когда понятіе его о бѣдности такъ сковалось съ понятіемъ о ничтожествѣ; когда бракъ

съ Эвфаліею сдѣлался необходимымъ для совершеннаго благополучія его; и когда этимъ благополучіемъ онъ уже гордился мысленно передъ людьми,... быть оставлену теперь вдругъ: — не значило-ли это, для его не глубокаго ума и не сильнаго духа, но для его нѣжнаго сердца, что ему предпочли Кроткина за богатство и званіе, что уже послѣ Эвфаліи, въ которой онъ видѣлъ свой идеалъ, въ цѣломъ мірѣ нѣтъ человѣка, который бы лелѣялъ такъ его мечту и питалъ вдохновеніе, и наконецъ, что міръ, передъ которымъ онъ хотѣлъ гордиться своимъ счастіемъ, — посмѣется теперь надъ нимъ? Эта послѣдняя мысль, въ первыя минуты безумія, особенно мучила его.

Въ продолженіе двухъ недѣль онъ непрестанно изнурялся мыслями о своей бѣдности, ничтожествѣ и насмѣшкахъ людей; онъ былъ угрюмъ, молчаливъ, разсѣянъ; то-вспыльчивъ до дерзости,

то-скроменъ до робости; непріятныя сцены съ матерью повторились раза два; но сердечныя раны не дали ему довѣрить ужаснаго происшествія и самой матери: онъ утаилъ его отъ всѣхъ и не зналъ еще, что начать, на что рѣшиться. Онъ то-презиралъ Эвфалію, то-лилъ слезы и мысленно умолялъ ее возвратить ему любовь и блаженство. Всѣ средства, которыя онъ придумывалъ для свиданія съ нею, для того, чтобъ хоть напомнить ей прошедшее, хоть взглянуть на нее, исчезали передъ мыслію: «Но, что-же я? — Презрѣнный ею нищій; недавно богъ ея; недавно молившійся ей!....» При этой мысли умъ его темнѣлъ и обуревался: и онъ опять съ неистовствомъ изгонялъ образъ ея изъ воображенія, слова — изъ памяти, голосъ — изъ слуха, — и радовался легкости, которая происходила въ опустѣлой груди его; радовался, что онъ теперь сво-

бодно можетъ отдаться желаніямъ чувственности, которой долго отказывалъ во всемъ, потому-что обожаемый ликъ Эвфаліи сопутствовалъ ему вездѣ. Такъ обуревался молодой поэтъ. Но и океановы бури стихаютъ.

Однимъ вечеромъ Эдуардъ возвратился домой очень угрюмъ: въ двухъ мѣстахъ на урокахъ ему замѣтили, что онъ былъ слишкомъ дерзокъ; а въ третьемъ учтиво отказали вовсе отъ уроковъ, посовѣтовавъ ему сдѣлать маленькое путешествіе, для возстановленія здоровья, которое подвергается опасности. — Закуривъ сигару, сѣлъ онъ у окна и приказалъ унести свѣчу. Грустная мать перестала уже безпокоить его своими бесѣдами: она молила только Провидѣніе возвратить ей сына. Эдуардъ старался убѣгать ея совѣтовъ: уединеніе стало ему другомъ. — Въ этотъ вечеръ душа его не терзалась своимъ горемъ: она

была въ какомъ-то тяжеломъ онѣмѣніи, будто успокоивалась послѣ бури. И въ такомъ положеніи его посѣтила вдругъ странная мысль, что если онъ успѣетъ въ скоромъ времени сочинить оперу, то, можетъ быть, слава возвратитъ ему любовь Эвфаліи.... Но вслѣдъ за этою мыслію вошелъ слуга и подалъ ему какой-то билетъ.

— «Отъ кого?» спросилъ Эдуардъ.

— «Какой-то человѣкъ принесъ, и тотчасъ-же ушелъ; онъ сказалъ, что ему еще много надо ходить.»

— «Подай свѣчу.»

Билетъ заключалъ въ себѣ приглашеніе на бракосочетаніе Кроткина съ Эвфаліею; онъ былъ присланъ отъ жениха....

Эдуардъ разорвалъ билетъ и въ нѣсколько минутъ одѣлся. Одна только мысль была опять въ холодной головѣ его, — страшная мысль, которую онъ

почти уже оставлялъ, мысль — убить ее и себя! Не размышленіе породило эту мысль; она возстала изъ сердца, которое такъ широко раздвинулось, что для исцѣленія его Эдуарду оставалось одно средство — разбить свою грудь. Въ теченіе трехъ часовъ купилъ онъ пару пистолетовъ, нѣсколько пуль, дроби и пороху. По дорогѣ за этими вещами онъ, для-бодрости, подкрѣпился въ кандитерской нѣсколькими рюмками вина. При покупкѣ пистолетовъ, говоря, что ѣдитъ въ дальній путь, онъ съ злобною усмѣшкою сказалъ: «Можетъ быть случиться подстрѣлить хорошую лисицу!» Возвратившись домой, онъ спряталъ свою покупку въ роялѣ, надѣясь, что туда никто не заглянетъ.

Въ остальную часть этого вечера и на другой день онъ былъ со всѣми очень кротокъ и ласковъ, стараясь такимъ обхожденіемъ всѣхъ успокоить и удалить

отъ себя всякую съ ихъ стороны заботу. По этой-же причинѣ онъ выполнилъ утромъ свои учительскія обязанности; хотя всѣ замѣчали въ немъ необыкновенную разсѣянность, какую-то дикость.

Въ четвертомъ часу возвратился онъ домой и спросилъ обѣдать....

— «Что-жъ ты мало кушаешь?» спросила его мать.

— «Не хочется что-то.... Не-то что не хочется, а, кажется, голова болитъ,» отвѣчалъ Эдуардъ спокойно и барабаня пальцами по столу.

— «Ну, если только *кажется*, такъ пройдетъ,» сказала мать, приноровляясь къ духу Эдуарда.

— «А вотъ я лягу спать послѣ обѣда, такъ и пройдетъ какъ-разъ!... Гм, странно: у нашей Акулины головная боль проходитъ отъ кофе, а у меня — отъ сна!....»

Мать радовалась, что сынъ началъ опять шутить.

Послѣ обѣда Эдуардъ ушелъ въ залъ и сѣлъ съ трубкою у окна. Его рѣшимость на убійство поколебалась, когда онъ случайно увидѣлъ вырѣзанное изъ слоновой кости распятіе, стоявшее въ переднемъ углу на пьедестали. Онъ вспомнилъ даже, какъ пасторъ, во время своего преподаванія, преимущественно училъ молодыхъ слушателей своихъ терпѣнію....

Тутъ подали Эдуарду записку, которою поэтъ Платонъ приглашалъ его слушать обѣщанныя слова для оперы. «Га, опера?!... Опера!» въ иступленіи проговорилъ Эдуардъ. «Хорошо, я сочиню оперу!»

— «Какой прикажете отвѣтъ?» спросилъ слуга.

— «Скажи, сейчасъ буду!» Съ яростію зарядилъ Эдуардъ пистолеты; потóмъ схватилъ нѣсколько листовъ бумаги и перо. «Давай сочинять оперу!»

подумалъ онъ съ неистовымъ смѣхомъ. «Слова и музыка будутъ мои; финалъ — самый отчаянный! Ха, ха, ха!... Начинается! Дѣйствіе первое!.... Ха, ха, ха! Но кчему-жъ хохотать?.... Ну, это вмѣсто увертюры! Ха, ха, ха!....» И онъ началъ писать:

Прощай, братъ; прощай, другъ; прощай мой Клингенау!....

Тутъ слезы хлынули изъ глазъ Эдуарда; онѣ были слѣдствіемъ на минуту отлетѣвшаго безумія. Онъ стеръ ихъ и — продолжалъ:

Я странно началъ къ тебѣ письмо мое.... Да, съ тѣхъ поръ, какъ міръ существуетъ, не случалось такихъ странностей, какія случились со мною.... Ну; да что впрочемъ!.... Дѣло вотъ въ чемъ: я любилъ дѣвушку; она любила меня; на дняхъ хотѣла просить отцевскаго благословенія на нашъ союзъ и — вышла замужъ за другаго!....

Прежде, нежели ты получишь это письмо, меня уже не станетъ!.... Братъ! вспомни обо мнѣ на молитвѣ твоей!.... Страшно! объ этомъ мнѣ нѣкого попросить, кромѣ тебя! Когда будешь въ церкви, помолись о мнѣ!... О, помолись обо мнѣ!.... Но, пуще всего, любезный другъ, какъ ты хочешь, а помоги моей матери: она безъ пріюта!.... Безъ пріюта, несчастная!.... Нѣтъ, нѣтъ, это не остановитъ меня! Теперь уже все-равно, мертвый-ли я или живой — я никуда не гожусь!.... Не сердись на меня, что послѣднее время я съ тобой рѣдко видѣлся: въ мысляхъ я съ тобой не разставался.... Продай всѣ мои вещи; тысячи четыре за нихъ дадутъ: этимъ помоги моей матери.... О, Боже!... Вспомни, Клингенау, что недавно еще ты увѣрялъ, меня въ своей дружбѣ!... Если за мои ноты будутъ давать слишкомъ мало

такъ отдай ихъ лучше, знаешь, тому бѣдному ученику моему, Анникову . . . . Пиши къ моимъ братьямъ въ Москву: можетъ быть они вспомнятъ, что у нихъ была и есть еще мать . . . . Прощай; ты будешь счастливъ: ты не можешь влюбиться! . . . . Страшный часъ наступаетъ!

Прости!

P. S. Исполни же мою просьбу! Она едва-ли не первая, по крайней мѣрѣ послѣдняя!

Эдуардъ запечаталъ это письмо и положилъ въ карманъ съ тѣмъ, чтобы подорогѣ занести его въ квартиру Клингенау, котораго объ эту пору надѣялся не застать. Потомъ онъ началъ другое письмо:

Дражайшій родитель и любезные братья! . . . .

И вдругъ, бросивъ этотъ листъ, ска-

залъ: «Нѣтъ, мнѣ легче застрѣлиться, нежели писать къ нимъ!.... Пусть Клингенау какъ хочетъ!.... »

Потóмъ взялъ онъ новый листъ бумаги и — трепещущей рукою сталъ писать:

Моя добрая, несчастная маменька!

Приэтомъ онъ всталъ машинально, походилъ въ безпамятіи по комнатѣ, опять сѣлъ и продолжалъ писать:

Если бы у меня вдругъ отнялись руки, которыя доставляли намъ пропитаніе, — вѣдь я былъ-бы тебѣ только въ тягость?....

Эдуардъ оставилъ перо, прочиталъ эти строки, и, подумавъ нѣсколько надъ словами: *руки, которыя доставляли намъ пропитаніе*, стиснулъ свои зубы и удержалъ слезы, готовыя политься изъ опухлыхъ глазъ его; онъ схватилъ опять перо и написалъ:

Вотъ видишь, маменька, я такъ уни-

зился, что небесные дары душѣ и сердцу приписываю моимъ рукамъ!

Приэтомъ онъ облокотился на столъ и задумался. Блѣдное лице его было натянуто; глаза обезсилены, какъ у безумнаго; губы сомкнуты. Онъ-было хотѣлъ не писать матери, разорвать написанное; — но вдругъ мысль и память его какъ-то смѣшались — и въ ту же мунуту часы пробили шесть ударовъ. Звонъ часоваго колокольчика, какъ злой духъ, напомнилъ ему близкую роковую минуту: онъ схватилъ опять перо и продолжалъ писать:

Видишь, маменька, я хотѣлъ бы писать тебѣ понѣжнѣе,.... но сердце мое обратилось въ камень: я ничего не чувствую.... Не жалѣй меня! Я совершенно никуда не гожусь!.... Съ той минуты, какъ Эвфалія вышла замужъ за другаго, я совершенно потерялся.... Правда, она еще не вышла,

и...., ну, да это все-равно!.... Я пойду поздравлю ее!.... Пафъ! — и она мнѣ поклонится; а потомъ — и я ей поклонюсь!.... Маменька, полюби Клингенау: онъ гораздо лучше меня!.....

Въ торопяхъ и въ замѣшательствѣ Эдуардъ сложилъ письмо, склѣилъ его облаткою и вмѣсто печатки натиснулъ пистолетомъ, который тутъ-же и забылъ. Взявъ съ собою другой пистолетъ, онъ отправился.

Дорогою начала его одолѣвать какая-то несмѣлость. Полбутылки рейнвейну истребили эту несмѣлость.

Между-тѣмъ слуга, по уходѣ Эдуарда, прибирая въ залѣ, увидѣлъ пистолетъ и письмо — и сказалъ о томъ г-жѣ Вольфгангъ.

Несчастная мать прочла письмо — и содрогнулась. Но чувство материнское было въ ней сильнѣе ужаса: мысль, порожденная отчаяніемъ и надеждою, по-

будила ее схватить пистолетъ и бѣжать къ дому Крупникова. Ноги ея подкашивались, когда она завидѣла экипажи у воротъ того дома. Наконецъ она приблизилась вся въ страхѣ.

Въ окнахъ видно было яркое освѣщеніе комнатъ. Говорливыя толпы любопытныхъ входили и выходили чрезъ растворенныя ворота. Она замѣтила въ свѣтлыхъ стекольчатыхъ сѣняхъ какого-то мужчину — и опрометью бросилась къ крыльцу. Нѣсколько голосовъ захохотали надъ ея усерднымъ любопытствомъ. Она разсмотрѣла, что то былъ не Эдуардъ и что женщина, выпроваживая его, говорила, сердясь: «Ужъ довольно-бы на дворѣ, а то и въ залу такъ рады! А Богъ вѣсть, можетъ и мошенники!...»

— «Скажите, милая,» спросила у ней г-жа Вольфгангъ, «не здѣсь-ли Эдуардъ Богдановичъ Вольфгангъ? Если здѣсь, такъ....»

— «Теперь, сударыня, не до Эдуарда Богдановича! У насъ свадьба, а не уроки: и здѣсь никакого Эдуарда Богдановича нѣтъ!.... И Эдуардъ Богдановичъ давно ужъ здѣсь, слава Богу, не учитъ!....»

Такой, грубо произнесенный отвѣтъ заставилъ г-жу Вольфгангъ тотчасъ-же сойти съ крыльца. Спускаясь съ послѣдней ступеньки, она увидѣла сына, который стоялъ, притаившись въ темномъ углу, у подъѣзда. Смѣло подошла она къ нему.

— «Какъ ты здѣсь?» спросилъ ее дико Эдуардъ.

— «Такъ-же, какъ и ты!» отвѣчала мать удушливымъ голосомъ и вглядываясь прямо ему въ глаза.

— «Тебѣ здѣсь нечего дѣлать!» продолжалъ Эдуардъ въ безуміи.

— «У меня здѣсь такое-же дѣло, какое и у тебя!» отвѣчала мать, удер-

живая свой голосъ, вырывавшійся изъ груди. «Это будетъ мое послѣднее дѣло; больше мнѣ уже нечего и не для кого дѣлать!....»

Эдуардъ стоялъ, какъ окаменѣлый: появленіе матери, ея слова и дрожащій голосъ, казалось, отняли у него всѣ силы. Мать продолжала тихо: «У меня никого нѣтъ на свѣтѣ: мнѣ не о комъ заботиться болѣе: мужъ и дѣти меня покинули!.... А ты, для кого я жила и кѣмъ я жила....» Тутъ слезы прервали ее на мгновеніе. «Но, смотри, когда ты убьешь себя, — моя кровь смѣшается съ твоею!....» При этихъ словахъ она, осторожно отъ мелькавшихъ въ сторонѣ людей, показала ему забытый имъ пистолетъ.

Эдуардъ какъ будто очнулся отъ своего оцѣпенѣнія; смущенно поглядѣлъ онъ на мать, вынулъ пистолетъ изъ своего кармана и—тихо подалъ его матери.

Обрадованная мать схватила оружіе, обняла сына и долгимъ поцѣлуемъ впилась въ него. Мракъ и укрытое мѣсто защитили ихъ отъ глазъ любопытныхъ. «О, небо! о, Спаситель! о, Дѣва Марія!» шептала мать въ безумномъ восторгѣ. «Ты опять со мною, сынъ мой! Мой Эдуардъ! Пойдемъ отсюда!.... Пойдемъ скорѣе!....» Она взяла его за руку и потащила за собою. Эдуардъ пошелъ безъ сопротивленія, какъ послушное дитя; но слезы, горькія слезы лились изъ глазъ несчастнаго.

Дома онъ также безпрекословно повиновался матери. Замѣтивъ въ немъ сильный жаръ, она постаралась уложить его въ постель; а когда онъ заснулъ, то она, сказавъ прислугѣ, что идетъ на-минуту къ доктору, дошла, или, лучше сказать, добѣжала до Малой-Невы — и опустила оба пистолета въ прорубь.

Минутъ черезъ десять возвратилась

она домой; а черезъ часъ прибылъ въ попыхахъ и Клингенау. Онъ не хотѣлъ пугать г-жу Вольфгангъ вѣстію объ Эдуардѣ; но когда она сама начала о томъ говорить, то онъ показалъ ей свое письмо отъ Эдуарда: мать со слезами читала великую приверженность къ ней сына.

На другой день въ Эдуардѣ открылась сильная горячька.

IV.

VII.

Осталась въ сердцѣ пустота,
И я сказалъ: «любовь мечта!»

Изъ Экклезіаста, *Н. М. Карамзинъ.*

На другой день, послѣ свадьбы и послѣ визита молодыхъ, Крупниковъ одарилъ всю свою прислугу; няню, Архиповну, онъ хотѣлъ отблагодарить особенно. Призвавъ ее къ себѣ въ кабинетъ, онъ предложилъ ей разные подарки. Но Архиповна, поднявъ руки, съ полубезумными глазами, почти закричала:

«Нѣтъ, батюшка, нѣтъ, Николай Григорьевичъ, не приму, не приму, не приму!....» И зарыдала, отирая слезы своимъ передникомъ.

— «Что ты, что ты?! Архиповна!...»

— «Охъ, батюшка! Охъ! Ты отецъ нашъ!.... Ты сущій Ангелъ во плоти; а я, окаянная, недостойная раба твоя....»

— «Ну, полно, Архиповна; вотъ возьми себѣ эти куски матерій и даю тебѣ еще по сту рублей въ годъ по смерть твою....»

— «Нѣтъ, батюшка, не приму, покуль не выскажу всего, что.... И страхъ и совѣсть мучатъ меня!....»

— «Ну, ну, выскажи, Архиповна тяжкіе грѣхи твои,» сказалъ съ улыбкою Крупниковъ.

— «Охъ, не погнѣвись; ты — сама добродѣтель во плоти! А я, окаянная, долго тебя обманывала; да что дѣлать-то было мнѣ? Дитятко-то наше, Эвфа-

лія-то Николаевна, также мнѣ мила и дорога̀.... Теперь ужъ все минуло, слава Богу! Теперь-то могу облегчить душеньку мою!....»

—«Да что такое, Архиповна: поскорѣе къ дѣлу и смѣлѣе....»

— «Охъ, отецъ родной, ни какія богатства не выпытали-бы изъ меня того, что я тебѣ разскажу за великія твои добродѣтели. Вѣдь Эвфалія-то Николаевна любила вотъ этого мусье-то Вольфганга!.... Ахъ, ты мой родной, ужъ у нихъ было дѣло-то сладилось; да онъ долго не смѣлъ тебя безпокоить; знаешь, не надѣялся получить твоего согласія: ну, вѣстимо дѣло — не богатъ.... Вотъ наконецъ красивица-то моя, Эвфалія Николаевна, сама рѣшилась просить тебя. На то, кажись, и въ суприз тебѣ готовила такую мучительную штуку на руяли. Да какая-то дѣвица однажды, этакъ съ мѣсяцъ тому назадъ, пришла; кажись,

Нѣмка, только ужъ не Русская: и по лицу и по разговору видно.... Богъ вѣсть, что онѣ говорили съ Эвфаліей Николаевной: и просила-то она ее — оставить Эдуарда Богдановича; и опять просила, чтобъ она его любила больше всего на свѣтѣ.... И многое другое таково́ мудрено говорила она.... Могла я только разслушать, что и она ужъ давно любитъ этого мусье — и онъ ее, ужъ вѣстимо, любитъ. Только ужъ съ тѣхъ поръ, какъ рукой сняло съ нашей-то красавицы: ни гу-гу про этого Нѣмца; и слышать о немъ ничего не хотѣла.... А ужъ я-то мучилась — мучилась; сердце все изныло, что не могла тебѣ ничего разсказать; да жаль было дитятки-то.... И то сказать: Эдуардъ Богдановичъ добръ; и ты любилъ его; да ужъ все-таки не то, что Александръ Петровичъ.... »

Крупниковъ то-хмурился, то-улыбался во время разсказа няни; онъ думалъ:

«Поди, уберегись!.... Я-ль не глядѣлъ? Въ моемъ-ли домѣ возможны такія приключенія?!... *Да будетъ воля Твоя!....*» Выслушавъ няню, онъ сказалъ: «Я хвалю, Архиповна, твою любовь къ Эвфаліи, но не одобрю, что ты скрывала отъ отца сношенія дочери съ посторонним человѣкомъ. Хорошо, что Богу не угодно было искусить меня несчастіемъ и позоромъ!....»

— «Съ нами небесныя силы!» сказала няня въ священномъ ужасѣ. «Нѣтъ! до этого-бы ужъ я не допустила!....»

— «Ну, теперь все благополучно миновало: такъ ужъ и я прошу хранить все это въ-тайнѣ; и чтобъ отнюдь никому объ этомъ не говорить!»

Новое состояніе Эвфаліи, доброе ея согласіе съ мужемъ, порядокъ въ хозяйствѣ, устроиваемый взаимно супругами, часто по совѣту отца — сдѣлались предметомъ разговоровъ въ домѣ Крупникова. Софья Васильевна переселилась опять въ

домъ отца своего. Крупниковъ не измѣнилъ своего образа жизни, и хотя утаенная связь Эвфаліи съ Эдуардомъ и охладила его нѣсколько къ дочери, зато ея строгое выполненіе новыхъ обязанностей и прежняя покорность волѣ отца возвратили ей отцевское чувство.

* *
*

Такъ въ нравственномъ мірѣ обыкновенныхъ людей есть важный законъ: «Уступай тому, кто надъ тобою преимуществуетъ: и между вами будетъ согласіе и благосостояніе!» Но не этотъ законъ начертанъ для души возвышенной, для генія и таланта: «Умѣй лишаться того, что такъ дорого твоей человѣческой природѣ, или ты погубишь въ себѣ дары неба!» Вотъ его единый, непреложный законъ! Вотъ какому закону былъ подверженъ и Эдуардъ.

Но онъ теперь боленъ; сильная горячка мучаетъ его. Разстроенное воображеніе представляетъ ему разные образы, — и онъ говоритъ съ ними. Иногда онъ вдругъ вскакиваетъ съ ложа, бѣжитъ къ роялю, ищетъ тамъ чего-то; потомъ плачетъ, проситъ мать о прощеніи; клянетъ отца и братьевъ; злобствуетъ на всѣхъ женщинъ; хочетъ бить каждую ученицу, которая, слышится ему, невѣрно беретъ ноты; онъ кричитъ: «фальшъ! фальшъ! пафъ! — Ага! поклонилась мнѣ!» и хохочетъ, бѣшено хохочетъ....

Учительскую обязанность Эдуарда приняли, на время его болѣзни, двое фортепіанистовъ: одинъ — по просьбѣ матери, другой — по старанію Эмиліи.

Теперь непостижимое влеченіе Эмиліи къ Эдуарду усилилось еще и оттого, что она почитала себя единственною виновницею его несчастной любви, и еще отъ

тайной, но сильной надежды на соединеніе съ нимъ. «Ахъ, Луиза! я виновна;» говорила она однажды двоюродной сестрѣ Эдуарда, «я виновна въ томъ, что не могу превозмочь себя, не могу разстаться съ мыслію о немъ!...»

— «Ты счастлива!» говорила ей Луиза. «Я бы не могла любить и не быть любимою: я бы сейчасъ отплатила ему насмѣшкой или презрѣніемъ.»

— «Ты только такъ говоришь; а еслибъ ты его лучше цѣнила!.... Ты знаешь, что онъ только для матери и живъ остался!.... Посмотри на него: день цѣлый онъ учитъ, вечеромъ самъ учится. Хочетъ писать оперу!.... Если ему мать скажетъ о какомъ бѣдномъ,— онъ сейчасъ даетъ ей денегъ для пособія. У него есть бѣдные ученики, которыхъ онъ учитъ даромъ или за небольшую плату — и только зато, что они со способностями.... Ну, коротко:

онъ добръ, дѣятеленъ, трудолюбивъ; а еще короче, что и самая ненависть его ко мнѣ не можетъ меня отдалить отъ него; даже порокъ.... Да нѣтъ, онъ порочнымъ не можетъ быть!...»

— «Что ты съ ума сходишь, Эмилія?» сказала Луиза.

Въ самомъ дѣлѣ Эмилія была въ любовно-счастливомъ забытіи; слова Луизы вывели ее изъ этого состоянія — и она сказала со вздохомъ: «Да, это сумасшествіе!» и съ прискорбіемъ подумала: «Только ужъ вовсе не завидую вашему уму, который такъ уязвляетъ!....»

Когда, послѣ шести недѣлъ, Эдуардъ почувствовалъ облегченіе, то первое, что его поразило — была изнурительность матери, происшедшая отъ частыхъ бодрствованій надъ больнымъ, отъ печали и боязни за жизнь сына. Этотъ видъ матери пробудилъ въ Эдуардѣ негодованіе на Эвфалію и на самаго себя. «Какъ ма-

менька ужасно перемѣнилась!» сказалъ онъ однажды Клингенау.

— «Я удивляюсь ея крѣпости! Еслибъ ты зналъ, сколько ночей провела она безъ сна все около тебя!....»

— «Да, нехорошо я поступилъ; да дурно и со мною поступили!....»

— «Такъ зачѣмъ-же такъ отдавался дѣвушкѣ? Вѣдь ужъ слыхалъ, что любовь — вздоръ!....»

— «Ахъ, я тебѣ очень обязанъ, братъ, за то, что ссудилъ мою маменьку деньгами!.... Я постараюсь ихъ скоро возвратить....»

— «Оставь это!....»

— «Вотъ опять надо будетъ уроки отыскивать....»

— «Найдешь. Но нетяжело-ль тебѣ разговаривать?....»

— «Ты видишь, я свободно сижу: сегодня мнѣ легче.... А что, не слыхалъ ты ничего-этакъ, что поговариваютъ о моей болѣзни, о моемъ приключеніи?....»

— «Вотъ прекрасно! Приключенія твоего никто не знаетъ; а болѣзнь, разумѣется, хоть ты умри отъ испуга, да только зимой, всѣ скажутъ — *простудился!....*»

— «Что, любезный, какъ вы себя чувствуете? Легче или тяжелѣ, веселѣе или скучнѣе?» спросилъ Эдуарда вошедшій пожилой мужчина, докторъ Штейнъ.

— «Теперь гораздо лучше; только слабъ еще.»

— «Ничего, подкрѣпимъ; только не ослабѣвайте впередъ. Надобно только разъ окрѣпнуть и дѣло пойдетъ хорошо: вотъ какъ я, — давайте мнѣ первую красавицу въ мірѣ, — ни-за-что не влюблюсь....»

Молодые люди улыбнулись.

— «Зато,» продолжалъ веселый докторъ, «бывало, студентомъ, каждую недѣлю влюблялся по десяти разъ, и дрался на дуэляхъ по-стольку-же за каждую

избранную сердцемъ, которая ужъ давнымъ-давно принадлежала другому.... За одну только красавицу никогда не дрался; да и она была мнѣ всегда вѣрною — за мою медицину....»

— «Охъ, какая горькая красавица!» сказалъ Эдуардъ.

— «Однако-жъ вы продолжайте принимать эти порошки; а тамъ посмотримъ, что будетъ надо. До свиданія!»

— «Славный малый, этотъ докторъ!» сказалъ Клингенау. «Онъ и самъ смѣется надъ своею любовью.»

— «Да,» съ улыбкою сказалъ Эдуардъ и опустился въ подушки.

— «Но ты, кажется, хочешь уснуть: я уйду; мнѣ еще надо кое-куда....»

Неразъ съ грустію, во время болѣзни, Эдуардъ заговаривалъ матери: «Я тебѣ много страданій нанесъ маменька!....» «Впередъ будешь благоразумнѣе,» отвѣчала ему мать и тотчасъ-же начинала

о чемъ-нибудь другомъ. Она и всегда старалась отклонять этотъ разговоръ, какъ непріятный для ея воспоминаній.

Страданія матери, равнодушныя замѣчанія Клингенау и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, и собственное негодованіе много уврачевали рану любви въ молодомъ сердцѣ Эдуарда. Надобно было еще нѣсколько свѣтлыхъ истинъ, чтобы разрѣшить нѣкоторыя его сомнѣнія и заблужденія; надобно было еще всесоздающее и всесокрушающее время, чтобы душа разсталась надолго или навсегда съ тѣмъ, чему вѣрила, какъ своему бытію. Счастливъ талантъ, который, теряя въ бездонномъ морѣ жизни лучшія блага земли, не бросается за ними въ пучину; но, страдая о нихъ, все смотритъ на свое чудное небо, все ищетъ тамъ замѣну всѣхъ утратъ своихъ!

Еще слабость несовсѣмъ оставила Эдуарда, когда его навѣстилъ пасторъ Шёне, дальній родственникъ г-жи Вольфгангъ.

Онъ принадлежалъ къ тѣмъ ученымъ, которыхъ одинъ знаменитый поэтъ называетъ *блаженными*, потому-что *за свои познанія не заплатили они сердцемъ.* *

Послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ о здоровьѣ, пасторъ Шёне сказалъ: «Матушка ваша разсказала мнѣ причину вашей болѣзни, молодой человѣкъ....»

— «Я думаю, эта причина не подвергаетъ меня осмѣянію!» съ оскорбленіемъ сказалъ Эдуардъ.

— «Вы не поняли меня, когда такъ горячо возражаете,» сказалъ спокойно пасторъ. «Нельзя смѣяться ни надъ какимъ заблужденіемъ сердца, тѣмъ болѣе надъ заблужденіемъ такимъ, какъ ваше. И если я заговорилъ объ этомъ, такъ потому только, чтобы побудить васъ бодрствовать болѣе надъ собою: ваше страданіе изнуряетъ вашу матушку....»

* Wohl denen, die des Wissens Gut
Nicht mit dem Herzen zahlen.

Шиллеръ.

— «О, да будетъ проклята моя любовь и каждая женщина, которая вздумаетъ меня очаровать!»

— «Зачѣмъ-же переходить изъ крайности въ крайность? Мужайтесь, Эдуардъ; пора оставить горячность: она можетъ только повредить вамъ и вашей родительницѣ, которую, кажется, можно любить; — да и цѣлому обществу, для котораго вы и полезный и пріятный членъ. Зачѣмъ клянете вы любовь? Она есть нить, соединяющая всѣ нравственныя существа цѣлаго міра: слѣдовательно истинная любовь не можетъ быть обращена исключительно на одно существо. Каждый изъ насъ связанъ со многими другими и съ Самимъ Богомъ — источникомъ любви; и только любовію человѣкъ и можетъ споспѣшествовать назначенію человѣчества, т. е. совершенствованію. *Люби Бога и ближняго!* — вотъ между кѣмъ можемъ мы раздѣ-

лять любовь нашу. Но ближній нашъ— каждый человѣкъ; а не та только дѣвушка, которая, можетъ быть, одною наружностію ослѣпляетъ насъ до страсти. Да, ваша любовь была — страсть, и она осудительна: христіанину страстямъ предаваться не должно.... Вникните въ слова мои; если я не справедливъ, — охотно приму ваши доказательства....»

— «Но, господинъ Шёне, я вѣдь не искалъ встрѣчи съ этою дѣвицею; она мнѣ явилась — и, Богъ знаетъ, почему я не могъ владѣть собою.»

— «И дѣвица не искала васъ,» сказалъ съ улыбкою пасторъ. «Но,» продолжалъ онъ со вздохомъ, «*нельзя грѣху не притти въ міръ!*.... Только надобно-было умѣть разстаться съ тѣмъ, что не могло быть вашимъ.»

— «Да какъ-же это возможно?....»

— «Да вотъ, теперь вы разстались....»

— «О, да такъ, какъ-будто никогда *ея* и не зналъ!»

— «Повѣрьте, что со всѣмъ на землѣ можно разстаться. Изберите только что-нибудь для себя, что вамъ никогда не измѣнитъ: а для этого надобно, чтобъ избранное было выше всего обыкновеннаго. Вотъ у васъ есть занятіе — музыка и даръ отъ неба, слава Богу, — вы поэтъ. Видите-ль, вы клянете любовь и слабую женщину, что онѣ вамъ измѣнили, а сами измѣняете музамъ!» съ улыбкою сказалъ пасторъ.

— «Нѣтъ, я не измѣняю поэзіи!....»

— «А вотъ, на вашемъ белѣзненномъ одрѣ, вы не можете играть на фортепіано или сочинять.... А кто причиной тому?....»

Эдуардъ улыбнулся, какъ побѣжденное упрямство.

— «Ваша страсть, или, какъ вы называете, ваша любовь.... Нѣтъ, мой

любезный Эдуардъ, мужайтесь, мужайтесь! Побѣдите страсть вашу!»

— «Да, теперь ужъ я и не люблю и никогда не полюблю болѣе! Теперь ужъ я знаю, что такое страсть!....»

— «А какъ вы думаете,» спросилъ пасторъ, удерживаясь отъ улыбки, «что такое любовь?....»

— «Прихоть дѣвушки поиграть! Когда эта прихоть пройдетъ, то мужчина наскучитъ дѣвушкѣ — и она его бросаетъ!....»

— «Ну, не каждая любовь этимъ оканчивается; а тѣмъ менѣе можно думать такъ о всѣхъ женщинахъ.... Но я всегда скажу, что лучшая любовь существуетъ только тамъ, гдѣ она освящена законами гражданскими и Божескими — и это есть бракъ.»

— «Который для меня едва-ли будетъ когда!....»

— «А я бы совѣтовалъ: Премудрость

Божія видѣла какъ-бы необходимость— создать человѣку помощницу.... Да, любезный молодой человѣкъ, истребляя въ сердцѣ своемъ страсть, которой дурныя слѣдствія вы испытали, не истребите вмѣстѣ и любви, которая есть даръ неба. Горе тому, кто святотатственно, безумно истребитъ въ своемъ сердцѣ это животворное чувство! Тогда въ опустошенную грудь его могутъ ворваться страсти злѣйшія, которыя унижаютъ человѣка — до скота!....»

Слова благонамѣреннаго пастора падали немимо души Эдуарда; но довольно-ли ихъ было, всѣ-ли они перешли въ душу молодаго человѣка такими, какими вышли изъ опытной и твердой души совѣтодавца, — пусть о томъ судятъ читатели по послѣдующей жизни Эдуарда.

Вскорѣ здоровье его начало чувствительно возстановляться, а съ тѣмъ вмѣстѣ

и разсудокъ его свѣтлѣлъ. Однажды утромъ, послѣ маленькой прогулки, сѣлъ онъ съ трубкою у окна. Утро и душа его были въ прекрасномъ состояніи; мысли его легко смѣнялись и исчезали, какъ серебряныя облака въ голубомъ эѳирѣ. Надъ одной мыслію онъ остановился: «Странно, однако-жъ,» думалъ онъ, «какъ могъ я дойти до такого безумія?.... Непостижимая встрѣча; минутныя свиданія; почти ни слова о бракѣ; почти безнадежное ожиданіе;..... а я — готовъ былъ на страшное убійство!..... Безумство, да и только!» И онъ выбилъ пепелъ изъ трубки и сталъ заниматься музыкою. Надобно отнести также къ легкости характера молодаго Эдуарда, что онъ какъ-будто и забылъ главную причину своего безумства — тотъ ложный стыдъ, который, казалось ему, остановитъ на немъ палецъ всѣхъ людей.

VIII.

Мнѣ мигъ покоя моего
Пріятнѣй, чѣмъ въ Исторіи вѣки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей умѣть пить рѣки,....

Г. Р. Державинъ.

После небольшихъ прогулокъ, въ теченіе недѣли, Эдуардъ почувствовалъ совершенное возвращеніе своихъ силъ. Въ первое послѣ того воскресенье былъ онъ у обѣдни, въ церкви Св. Петра. Это онъ сдѣлалъ съ намѣреніемъ: день

тотъ былъ день рожденія Клингенау, кому онъ еще недавно поручалъ великую обязянность и съ кѣмъ онъ впервые сдружился въ училищѣ, находящемся при этой церкви. Вечеромъ того-же дня онъ обѣщалъ быть къ Клингенау.

У Клингенау ежегодно были двѣ, три вечеринки, которыхъ требовалъ, по принятому обычаю, его образъ жизни. Онъ жилъ по-холостому, одинъ, въ домѣ того-же конторщика, у котораго занимался дѣлами; любилъ бывать на веселыхъ вечерахъ — и потому необходимо долженъ былъ знакомиться съ молодыми людьми тѣхъ семействъ, гдѣ любилъ проводить время танцами, играми и т. п. Разумѣется, что онъ не могъ имъ платить тѣмъ-же; но отъ такого человѣка никто многаго не требуетъ: молодые люди довольны, если имъ дадутъ трубокъ, сигаръ; если найдется какой-нибудь весельчакъ съ десяткомъ-другимъ анекдо-

товъ; если они щегольнутъ какими-нибудь изъ своихъ шалостей или предпріятій, поиграютъ въ карты или осушатъ нѣсколько бутылокъ хорошаго вина: они разстанутся, вѣрно, очень довольные. Въ другихъ мѣстахъ дѣлается иначе; — но, что городъ, то норовъ — давнишняя истина....

Четверо молодыхъ людей курили уже табакъ и довольно скромно разговаривали съ Клингенау, когда, вмѣстѣ съ другимъ молодымъ человѣкомъ, явился Аркадій Винцевичь и разсыпался въ поздравленіяхъ передъ Клингенау. Клингенау, сухо принявъ Винцевича, шепнулъ пришедшему съ нимъ: «Напрасно ты привелъ Винцевича.»

— «Нечего было дѣлать: онъ встрѣтилъ меня на дорогѣ и насильно навязался итти къ тебѣ!»

— «Я его терпѣть не могу!.... Ну да ужъ-коли пришелъ...»

— «Такъ пусть гость будетъ! Ха, ха, ха!....»

— «Ура! Vivat! Карлъ Фридерикусъ Клингенау!...» закричалъ вошедшій въ переднюю молодой, веселый и полный жизни человѣкъ. Съ нимъ прибыли еще двое.

— «Бостонъ! скорѣе бостонъ!» продолжалъ горланить молодой весельчакъ.

— «Нѣтъ, Крамеръ, погоди; можетъ быть Alte * еще придетъ сюда....»

— «Пусть придетъ: мы подведемъ итогъ его карманному капиталу!.... Да, фу, помилуй! неужто боишься его, какъ Турокъ своего Паши?....»

— «Нѣтъ; я такъ пошутилъ только,» сказалъ принужденно Клингенау. «Сейчасъ-же расцвѣтетъ твое зеленое поле!....»

— «Послушай, Клингенау,» закричалъ

* Der Alte — Старшина, содержатель конторы.

одинъ изъ молодыхъ людей, «что твоего Вольфганга не видать сегодня?!....»

— «Онъ далъ мнѣ слово — быть. Вѣдь онъ сегодня дѣлаетъ первый визитъ послѣ трехмѣсячной своей болѣзни....»

— «Три мѣсяца!! Poß Tausend noch ein Mal!» закричалъ съ изумленіемъ Крамеръ.

— «Да, онъ помучился!» сказалъ вздохнувъ молодой человѣкъ, пришедшій съ Винцевичемъ.

—«А отчего онъ былъ боленъ?.... Га, вѣрно, того-съ?!....» съ глупою усмѣшкою и кривляньемъ сказалъ Винцевичь.

Клингенау, не обращая вниманія на слова Винцевича, сказалъ: «Причина его болѣзни въ наше время просто — рѣдкость! Я бы никакъ не повѣрилъ, еслибъ менѣе зналъ Эдуарда!....»

— «А какая причина?» всѣ спросили съ любопытствомъ.

— «Несчастная любовь!....» сказалъ Клингенау.

Приэтомъ нѣкоторые озадумались; Винцевичь закусилъ недовѣрчиво губу и напрасно ждалъ чьего нибудь съ нимъ согласія; а Крамеръ, обхвативъ себя руками, принялся хохотать, приговаривая: «Отъ любви три мѣсяца хворать!.... Ein kurioser Kerl!....» *

— «Но, господа» сказалъ Клингенау «прошу васъ, будьте при Эдуардѣ скромны объ этомъ предметѣ!....»

— «Но три мѣсяца хворать отъ любви!....» сказалъ Крамеръ. »Да послѣ этого я каждый день буду пѣть:

«Ehret die Frauen: sie flechten und weben
Himmlische Rosen ins irdische Leben!....»

Приэтомъ онъ сѣлъ за карточный столъ; съ нимъ соединились Винцевичь

* Ахъ, онъ проказникъ!

и еще двое комми. Прочіе продолжали свои разговоры. Чрезъ полчаса пришелъ Эдуардъ. Молодые люди, привѣтствуя его, старались умѣрять свое любопытство о его здоровьѣ.

—«Давно мы васъ и не видали и не слыхали» сказалъ Крамеръ, подавая ему руку.

— «И какъ вы похудѣли, поблѣднѣли!» замѣтилъ Винцевичь.

— «Я былъ боленъ,» отвѣчалъ Эдуардъ и отошелъ отъ карточнаго стола вмѣстѣ съ Клингенау, который нарочно отвелъ его. А Винцевичь, сдавая карты и льстиво глядя на Крамера, сказалъ изломаннымъ произношеніемъ: «эретъ ди фрауэнъ, зи флехтенъ ундъ вебенъ.... ги, ги, ги!....»

Но Крамеръ очень доволенъ былъ, что къ этому случаю пришлось ему бросить карту и сказать: «bête, т. е. скотъ!» Онъ сказалъ это громко и взглянулъ на противосидящаго Винцевича.

— «Да, Клемме, такъ что-жъ?» сказалъ Клингенау молодому человѣку, котораго начатой разсказъ объ охотѣ прерванъ былъ приходомъ Эдуарда.

— «Да, такъ я сказалъ, что это было на прошедшей недѣлѣ. Я, братъ, дядя и еще одинъ гвардейскій капитанъ — славный малый, неустрашимъ, какъ чортъ!— отправились на охоту за Коломеку.... Какія у насъ чудесныя ружья были! Мое ружье хватаетъ на сто шаговъ!.... И что-жъ? въ цѣлый день попались только куликъ да тетеревъ. А все-же превесело бродить съ ружьемъ и собакою по-лѣсу!»

— «Нѣтъ, я такъ не нахожу въ этомъ удовольствія,» сказалъ одинъ недавно прибывшій изъ Данцига, комми Ротъ.

— «Вамъ скученъ мой разсказъ объ охотѣ? — Это не музыка,» сказалъ Клемме Эдуарду, который сидѣлъ въ числѣ слушателей и разсѣянно курилъ трубку.

— «Нѣтъ, ничего; я люблю слушать разсказы. Мнѣ жаль только, что я самъ никогда не бывалъ на охотѣ.»

— «Да, она имѣетъ большую пріятность!» сказалъ съ восторгомъ Клемме; «ходишь все съ какимъ-то пріятнымъ ожиданіемъ; вдругъ — хлопъ! и къ вашимъ ногамъ упадаетъ жертва, или ее принесетъ собака. И все это дѣлается такъ живо! такъ быстро! весело!....»

— «*Хлопъ, да хлопъ*, да день изъ жизни и *прохлопаешь!*» негромко проворчалъ Крамеръ, и довольный своею остротою, *хлопнулъ* изъ всей силы картою по столу.

— «Ну, а какъ-же вы проводили время въ Данцигѣ?» спросилъ Клингенау Рота.

— «Большею частію мы занимались музыкою....»

— «Вы на чемъ играете?» спросилъ Эдуардъ.

— «На фортепіано. Я очень много учился, но не имѣю большой охоты къ этому занятію: меня отецъ все принуждалъ. Въ Данцигѣ мы имѣли музыкальные вечера. Мы играли квартеты, квинтеты, даже иногда октеты!....»

— «Такихъ вечеровъ здѣсь, въ Петербургѣ, къ сожалѣнію, еще очень мало!» сказалъ одинъ Русскій. Это былъ старшій изъ тѣхъ Славеновыхъ, о которыхъ читатели, можетъ быть, помнятъ по словамъ Эвфаліи. «Да и тѣ» продолжалъ Славеновъ, «составляются болѣе изъ артистовъ. Объ одномъ музыкальномъ вечерѣ слышалъ я, что онъ составляется изъ лицъ разнаго званія и съ особенными условіями: каждый изъ этихъ членовъ платитъ по-рублю, что употребляютъ на угощеніе....»

— «Да, это такъ-же и у насъ,» сказалъ Ротъ; «каждый долженъ былъ издержать на этотъ вечеръ около тридца-

ти копеекъ на здѣшнія деньги. На нихъ-то мы получали по-рюмкѣ или по-двѣ вина и кусокъ буттерброту; а на остатки отъ этихъ денегъ мы покупали ноты.»

— «За немногое многое: вотъ расчетливость-то!» замѣтилъ Славеновъ.

— «Да еще вотъ какое условіе было у насъ: кто опоздаетъ притти въ назначенный часъ, тотъ за каждыя пропущенныя пять минутъ платитъ по-тридцати-же копѣекъ. Такъ мнѣ однажды пришлось заплатить почти за цѣлый часъ.»

— «У насъ, видите,» сказалъ Славеновъ, «дорого пріобрѣтать это искуство, хоть и охотниковъ много; а у васъ оно очень распространилось....»

— «Да,» сказалъ Ротъ «тамъ этакіе вечера очень во многихъ домахъ, и составляются изъ лицъ всякаго сословія, безъ разбора. Наши вечера составлялись

только изъ конторскихъ комми. Нѣкоторые театральные музыканты хотѣли-было къ намъ присоединиться, но мы не согласились: потому-что имъ надобно....»

— «Хорошенько выпить!....» закричалъ Крамеръ. «Это — поэтически!

«Wer liebt kein Wein, kein Mädchen und Gesang,
Der bleibt ein Narr sein Lebenlang!»

сказалъ великій Мартинъ Лютеръ!»

— «Дась-исъ-гутъ!» замѣтилъ Винцевичь, бросая карту.

Эта выходка на музыкантовъ не понравилась Эдуарду, и хотя онъ думалъ-было насмѣшливо сказать, что господа любители музыки не надѣялись, чтобы служители Аполлона были аккуратными комми, но онъ не чувствовалъ въ себѣ прежней готовности мстить въ подобныхъ случаяхъ.

Вечеръ оканчивался весело. Содержатель конторы не нарушилъ удовольствія

молодыхъ людей своимъ посѣщеніемъ. Только за карточнымъ столомъ произошелъ маленькій шумъ. Винцевичь обѣщалъ горячему Крамеру заплатить въ слѣдующій разъ проигранныя пятьдесятъ рублей....

— «Ужъ если хотите надувать, господинъ Винцевичь,» сказалъ разгоряченный виномъ и досадою Крамеръ, «такъ не меня: мы съ вами въ первый разъ видимся, да и надѣюсь — въ послѣдній!...»

— «Да что-же такое, помилуйте!....»

— «Я васъ милую!» отрывисто сказалъ Крамеръ, «а то бы!» тихо замѣтилъ онъ Клемме, показывая кулаки.

— «Ну, полноте, господа,» сказалъ Клингенау, «господинъ Винцевичь заплатитъ тебѣ чрезъ меня, Крамеръ....»

— «Безъ сомнѣнія!» сказалъ Винцевичь.

— «Да не въ уплатѣ дѣло, а въ томъ что онъ вздумалъ меня морочить!....»

— «Ну, Крамеръ, вотъ винà!» сказалъ Клингенау.

Винцевичь запѣлъ было: «*Веръ либтъ кейнъ вейнъ,...*» но всѣ отъ него отвернулись и подошли къ столу съ закускою. Эдуарду запрещено было кушать вечеромъ; потому-то онъ, стоя одинъ у карточнаго стола, разбиралъ безъ вниманія карты. Винцевичь подошелъ къ нему.

— «Какъ-же это можно, господинъ Вольфгангъ, вы насъ совсѣмъ забыли! Нестыдно-ли забывать людей, которые васъ такъ любятъ, которые желали-бы безпрестанно васъ видѣть!....»

Эдуардъ хотя и не любилъ Винцевича, но теперь ему жаль было, что всѣ такъ сурово его оставили. А потому и вся ласка, съ которою приблизился Винцевичь, тронула Эдуарда и онъ съ участіемъ сказалъ: «Я былъ боленъ!»

— «Ахъ, да; какъ это жаль!.... Такъ

вы, я думаю все позабыли теперь на фортепіано?... А чѣмъ вы хворали?....»

— «Горячкою.»

— «Скажите! какою ужасною болѣзнію! Хорошо, что выздоровѣли!.... А отчего вы ею захворали?»

— «Простудился.»

Наконецъ Винцевичь, послѣ еще нѣсколькихъ разспросовъ о болѣзни, о докторѣ и прочемъ, на что получалъ короткіе отвѣты, сказалъ вдругъ и очень живымъ голосомъ: «Ну, когда-же вы къ намъ-то, господинъ Вольфгангъ?.... Право, маменька и сестрицы мои спрашиваютъ меня объ васъ безпрестанно! каждый день!....»

Эти слова, проникнутыя самымъ гибкимъ произношеніемъ, подкрѣпленныя самыми дружескими пожатіями руки и душевными ласками, обольстили Эдуарда такъ, что хотя онъ и чувствовалъ непрочность приглашеній, хотя и пости-

галъ, что они происходили болѣе отъ желанія Винцевича — уничтожить покрайней мѣрѣ въ одномъ человѣкѣ то дурное о себѣ мнѣніе, которому подвергся на вечерѣ, но не могъ презрѣть молодаго хитреца: жалость въ немъ преодолѣла все — и онъ обѣщался исполнить его просьбу въ скоромъ времени.

— «Нѣтъ, нельзя-ли завтра-же?» продолжалъ Винцевичь съ усиленными ласками.

— «Нѣтъ.»

— «Ну, послѣ завтра?»

— «Нѣтъ. Я чрезъ недѣлю стану выходить на уроки, такъ....»

— «Хорошо; тогда въ первый-же день мы васъ ждемъ — непремѣнно! либеръ герръ Вольфгангъ!....»

— «Очень благодарю.»

При разставаньѣ, всѣ или обѣгали прощанія съ Винцевичемъ или неохотно подавали ему руку. Все-таки онъ ска-

залъ Клингенау, что надѣется увидѣть его скоро у себя и навязался Эдуарду въ спутники.

Дорогою онъ разсказалъ Эдуарду о нѣкоторыхъ изъ своихъ шалостей, о нѣкоторыхъ веселыхъ домахъ и интригахъ. Эдуардъ слушалъ эти разсказы гораздо съ большимъ вниманіемъ, нежели съ какимъ онъ былъ на вечерѣ; да и Винцевичь мастерски разсказывалъ. Хотя во весь вечеръ Эдуардъ выпилъ только три рюмки вина; но чувствовалъ его дѣйствія. Разставшись съ путникомъ, онъ встрѣтилъ какую-то, второпяхъ бѣжавшую, служанку: онъ ее ущипнулъ, сдѣлалъ нѣсколько нескромныхъ вопросовъ, но получилъ только грубый отвѣтъ. Онъ дошелъ до своего дома ни веселый, ни скучный, безъ всякой думы, въ дремотномъ расположеніи; часто зѣвалъ. Былъ уже первый часъ Мартовской ночи.

На другой день утромъ, послѣ хоро-

шаго сна, онъ почувствовалъ въ себѣ еще болѣе крѣпости силъ, и, по особенному влеченію, сѣлъ за фортепіано. Отвыкшіе пальцы не дали ему долго заняться музыкою. Послѣ фриштика, закуривъ сигару, помѣстился онъ на любимомъ своемъ мѣстѣ у окна. Лица, сцены и разсказы вчерашняго вечера мелькомъ проходили въ его памяти и воображеніи. Онъ то-улыбался какой-нибудь пылкой выходкѣ Крамера, то-задумывался надъ разсказомъ объ охотѣ со всѣми ея приключеніями; и, представляя самодовольнаго Клемме, завидовалъ даже, что онъ такъ безпечно можетъ имѣть самое привольное удовольствіе и еще дѣлить его съ своими родными и знакомыми....

Мудрено-ль было злому духу воспользоваться такимъ расположеніемъ Эдуарда?!....

Вспоминая Винцевича, Эдуардъ жалѣлъ, что онъ, въ такой молодости, сдѣлался

уже такъ безхарактеренъ: слабъ, не твердъ, шатокъ. Но Эдуарда огорчала суровость, съ которою молодые люди обошлись съ Винцевичемъ. Желая вовсе не раздѣлять этой суровости, онъ далъ себѣ слово исполнить въ скоромъ времени приглашеніе Аркадія, считая его поступокъ только заблужденіемъ возраста.

Всю эту недѣлю Эдуардъ провелъ въ прогулкахъ и занятіяхъ музыкою. Силы его возстановлялись. Однажды на дорогѣ встрѣтилъ онъ горничную Крупникова, Аннушку, но гордо прошелъ мимо, хотя и взмутилась душа его. Нѣкоторые изъ его учениковъ и ученицъ, встрѣчаясь съ нимъ, просили поскорѣе опять быть ихъ учителемъ.

Послѣ долгой болѣзни, какъ послѣ долгаго отшельничества, пріятно встрѣчать знакомыхъ: это такъ наполняетъ душу надеждами на жизнь, отрадами, такъ

ободряетъ ее! Каждый поклонъ вамъ возвращаетъ знакомаго, каждая улыбка — друга! Самый воздухъ кажется тогда еще пріятнѣе!.... Странно, что тогда, встрѣчая и врага, мы думаемъ встрѣтиться съ нимъ какъ съ примиреннымъ! Жаль, что взгляды непріятелей скоро напомнятъ намъ опять наше земное странствіе и сократятъ это счастливое время послѣ болѣзни!....

Въ теченіе недѣли Эдуардъ повторилъ нѣсколько піесъ на фортепіано, и особенно готовился къ урокамъ: тщательно припомнилъ кого и въ какомъ положеніи онъ оставилъ; разузналъ ихъ новые успѣхи отъ занимавшихъ его мѣстà во время его болѣзни; закупилъ множество новыхъ произведеній музыки, и назначилъ кому и что изъ нихъ задать. Къ такому усердію онъ побуждался теперь долгами матери, сдѣланными во время его болѣзни.

На первомъ урокѣ его встрѣтили ласково. Мать ученицы, супруга одного богатаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника, просто — обрадовалась его приходу. «Ахъ, Эдуардъ Богдановичъ,» воскликнула она, «изъ мертвыхъ воскресли!...»

— «Да изъ живыхъ, maman, не воскресаютъ!» замѣтилъ стоявшій возлѣ нея съ розовымъ личикомъ сынокъ.

— «Хе, хе, хе! Молчи; не твое дѣло!» сказала дѣйствительная статская совѣтница. «А намъ, Эдуардъ Богдановичъ, такъ много наговорили ужасовъ о вашей болѣзни! Мы думали, что вы умрете!...»

— «Quelle philosophie!...» хохоча, сказалъ сынъ.

— «Замолчишь-ли ты шалунъ?....» сказала маменька.

Тутъ вбѣжала, махая хвостомъ, огромная лягавая, и шалунъ нашелъ для себя новую забаву.

— «Но, теперь я надѣюсь,» сказала дѣйствительная статская совѣтница, «что вы опять станете насъ посѣщать аккуратно: а то — моя Лизета никакъ не можетъ учиться у другихъ, кромѣ васъ!... А вы такъ долго-долго хворали!.... Ахъ, мой Богъ!...!»

— «Да-съ, что дѣлать; очень скучно хворать! Скучнѣе, нежели давать уроки,» сказалъ Эдуардъ.

— «Нѣтъ ужъ, Эдуардъ Богдановичъ, хоть и скучно учить, а все-таки вы насъ не забывайте!.... Нѣтъ ужъ, хе, хе, хе! мы васъ не отпустимъ!» сказала дѣйствительная статская совѣтница.

Приэтомъ шалунъ, ея сынокъ, поглаживая и приголубивая улегшуюся на диванѣ собаку, говорилъ про-себя: «Trésor, mon cher trésor, я тебя тоже никакъ не отпущу: ты мой....»

Послѣ этого радушнаго пріема Эдуардъ весело пришелъ въ другой домъ,

къ зажиточному маіору. Но здѣсь выслали сказать черезъ лакея, что уже рѣшились найти другаго учителя: потому-что отчаяли его увидѣть.

Не столько оскорбила Эдуарда грубость отказа, сколько опечалила потеря трехъ часовъ въ недѣлю, по семи рублей за каждый; и особенно теперь, когда ему деньги такъ были надобны. «Но одно мѣсто — не бѣда!» подумалъ онъ съ досадою и отправился въ третье. Здѣсь съ премногими извиненіями и сожалѣніями объявили ему, что все семейство черезъ двѣ недѣли ѣдетъ въ деревню, и что, по возвращеніи уже, будутъ его опять покорнѣйше просить. Потеря двухъ уроковъ усилила непріятность Эдуарда.

Объ этихъ потеряхъ онъ не сказалъ матери. Хотя его безмолвіе и не утаило грусти отъ чувства матери, но она благоразумно старалась не тревожить его любопытствомъ.

Послѣ обѣда Эдуардъ былъ радостно встрѣченъ на урокахъ въ домѣ одного художника. Это его ободрило тѣмъ болѣе, что здѣсь за каждый урокъ двумъ способнымъ дѣтямъ получалъ онъ пятнадцать рублей.

Въ вечеру этого дня онъ хотѣлъ немного развлечься — и отправился въ семейство Винцевичъ.

Кому не случалось удивляться радушному пріему въ томъ домѣ, который мы, за какія-нибудь нанесенныя намъ оскорбленія, рѣшились покинуть, и куда опять черезъ долгое время попадаемъ случайно, вотъ хоть такъ, какъ Эдуардъ. Неопытный человѣкъ даже увлекается этимъ радушіемъ: видя бывшихъ своихъ враговъ опять своими друзьями, онъ даже совѣстится, что могъ о нихъ дурно думать. Почти подобное случилось и съ Эдуардомъ. Онъ не былъ въ семействѣ Винцевичъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ.

Въ это время случился у нихъ большой переворотъ. Одинъ корнетъ, долго изъявлявшій неравнодушіе къ нѣжностямъ младшей дочери, Евгеніи, которому г-жа Винцевичь выхлопотала покровительство и который почитался уже открыто — домашнимъ другомъ, а втайнѣ — женихомъ и непремѣннымъ мужемъ Евгеніи, соскучивъ цѣпями любви, тянувшими его къ брачному ложу, вздумалъ сбросить цѣпи. Подъ предлогомъ свиданія съ родными и пріобрѣтенія служебныхъ отличій, онъ отправился на Кавказъ. Чрезъ мѣсяцъ онъ писалъ къ г-жѣ Винцевичь, что, по волѣ своихъ родителей, онъ не можетъ вступить въ бракъ съ Евгеніею и что поэтому, съ отчаянія, предпочелъ встрѣтить смерть въ битвахъ съ горцами. Эта вѣсть подняла въ г-жѣ Винцевичь бѣшенство, въ старшей дочери — злость и мщеніе, а въ Евгеніи — печаль и слезы, болѣе отъ боязни, что о

ней будутъ теперь всѣ заключать дурно: и она останется въ беззамужествѣ. — А что-жъ дѣлалъ Аркадій? — Онъ очень любилъ своихъ сестрицъ и особенно маменьку, безъ помощи которой не́ могъ бы и существовать. Онъ не мѣшалъ своимъ сестрицамъ любезничать съ кавалерами и даже заводить интриги, длятого чтобъ и онѣ ему не мѣшали погулять и покутить лишній разъ: поэтому-то онъ, хотя и сердился теперь вмѣстѣ съ ними на корнета, но втайнѣ сознавалъ и ихъ неправыми. Такъ зло зломъ и погибаетъ.

И вотъ ровно черезъ мѣсяцъ, послѣ письма отъ корнета, пришелъ къ нимъ Эдуардъ.

Аркадій обѣими руками схватилъ руку Эдуарда и чуть не раздавилъ ее дружескимъ пожатіемъ; глаза́ его увлажились отъ сильнаго желанія радоваться гостю. Мать и сестры привѣтствовали Эдуарда, какъ стараго знакомаго, — безъ обык-

новенныхъ упрековъ за долгое непосѣщеніе и безъ особенныхъ удивленій и состраданій къ его сильной болѣзни. Въ этотъ вечеръ у Винцевичей никого изъ постороннихъ не было. Эдуарда просили играть; но онъ отговорился тѣмъ, что послѣ болѣзни еще мало упражнялся и что иногда чувствуетъ даже скуку за фортепіано, которой до болѣзни вовсе не зналъ. Къ слову *скука* всѣ привязались: и разговоръ оживился, потому-что скука, дитя праздности, была знакомая гостья каждаго изъ собесѣдниковъ. Потомъ говорили о чаѣ, о болѣзняхъ и докторахъ, о домовыхъ, о ворожеяхъ и т. п. Но вообще замѣтна была скромность: мать говорила мало; ее замѣняла старшая дочь; а Евгенія была очень сентиментальна и миловидно ласкова. По ея просьбѣ, Эдуардъ сыгралъ небольшую минорную піесу. Евгенія просила его даже одобрить ей какія-ни-

будь нетрудныя піески для фортепіано: она говорила, что опять имѣетъ большую страсть къ музыкѣ. Ея нѣкоторыя уловки такъ были милы, такъ граціозны, что даже плѣняли Эдуарда. Наконецъ все это семейство, привыкшее къ болѣе живому и разнообразному обмѣну рѣчей, скоро утомилось своею принужденною и хитрою скромностію. Въ одиннадцатомъ часу подали закуску. Евгенія очень рисовалась за столикомъ, на который поставили хлѣбъ, масло, сыръ и вино. Она съ какою-то нѣгою рѣзала хлѣбъ, легко покрывала его масломъ, тонкими ломтиками сыра, и изъ полненькой ручки небрежно выпускала его на фарфоровую тарелку. Между-тѣмъ Аркадій неотвязно подчивалъ Эдуарда мадерою.

Ласковый по-видимому пріемъ, хорошая закуска, три рюмки огневой мадеры и пріятная Мартовская ночь окрѣпили члены и ободрили духъ Эдуарда. По-до-

рогѣ онъ встрѣтилъ знакомую даму, проводилъ ее до дому и черезъ два часа возвратился къ себѣ. Совершенно утомленный какою-то нѣгою, онъ легъ спать первый разъ въ жизни своей такъ, какъ ложится почти ежедневно иной молодой человѣкъ, который утромъ съ лѣнью пополамъ трудится для денегъ, или для чина, а послѣ обѣда идетъ играть въ вистъ, или курить трубку, или хоть поболтать; а потомъ заходитъ еще въ тотъ или другой знакомый и всегда гостепріимный ему домъ, а потомъ ложится спать съ тѣми-же надеждами и мыслями на-завтра.

На другой день, припоминая вечеръ, проведенный у Винцевичей, Эдуардъ находилъ въ немъ много пріятнаго, забавнаго — и даже упрекалъ себя, что для напрасной любви избѣгалъ такихъ удовольствій. На третій день онъ опять почувствовалъ какую-то боль отъ про-

студы-ли, отъ пищи, или отъ чего другаго. Ксчастію при этой новой болѣзни онъ могъ ходить на уроки и въ двѣ недѣли, съ помощію доктора, совершенно изцѣлѣлъ.

Странно, что съ этого времени онъ началъ жаждать чувственныхъ удовольствій. Както послѣ новаго своего выздоровленія шелъ онъ по одной изъ улицъ Петербурга. У подъѣзда великолѣпнаго дома, гдѣ онъ проходилъ, остановился вдругъ молодой, статный и здоровый всадникъ въ богатомъ бекешѣ. Гордо преслѣдуя глазами какую-то даму, всадникъ кликнулъ стоявшаго у воротъ конюшаго: отдавая ему коня, онъ прихотливо ударилъ его хлыстикомъ и сказалъ: «Ты, каналья, вѣчно зѣваешь!... не подбѣжишь во время!» Краснолицый конюшій, усмѣхаясь, повелъ коня; всадникъ, смотря на коня, хлыстнулъ опять конюшаго и, видя, что тотъ не отгадалъ

его желанія, вскрикнулъ: «На, возьми!» и отдалъ ему хлыстъ.... Въ продолженіе этой сцены Эдуардъ дожидался, пока баричъ войдетъ въ домъ и очиститъ дорогу, которую заслонялъ собою и размахомъ своего хлыстика. Но баричъ, увидѣвъ Эдуарда, недавняго своего учителя, тотчасъ отъ прихотливаго гнѣва перешелъ къ восторгамъ встрѣчи, какъ съ любезнымъ для него знакомымъ. Эдуардъ согласился провесть съ нимъ нѣсколько минутъ.

Въ красивомъ кабинетѣ нашъ баричъ, или какъ онъ назывался, графъ Трухинъ, развалился, на отдыхъ, въ богатыхъ вольтеровскихъ креслахъ. Чрезъ минуту явился его пріятель, молодой гвардеецъ Таринъ. Задымились сигары; развернулись разговоры. Эдуарда спрашивали о томъ, о семъ; — онъ или отвѣчалъ медленно или не успѣвалъ и отвѣчать. Разговоры были недолги; веселые

баловни счастія то-милыми, то-плоскими каламбурами усадили Эдуарда за рояль. Они живо чувствовали музыку, плѣнялись красотами играемыхъ произведеній; но варіяціи Герца восхищали ихъ тѣмъ болѣе, что напоминали имъ знакомыхъ дѣвицъ, которыя, по ихъ выраженію, *чертовски-прелестно играютъ эти непостижимые скачки!*

— «Нѣтъ!» воскликнулъ наконецъ восторженный графъ Трухинъ, — «да будетъ

Благословенное вино....
На столъ тотчасъ принесено!

Эй!....» И шампанское явилось и зашумѣло въ бокалахъ; и первый бокалъ графъ-энтузіастъ подалъ Эдуарду. Самолюбіе молодаго музыканта вскипѣло, какъ рьяная влага въ бокалѣ. Опорожненная въ нѣсколько минутъ бутылка замѣнилось другою; табачный дымъ

отуманилъ воздухъ комнаты; молодые люди, казалось, совершенно были безъчиновъ.

— «Ну что, Эдуардъ Богдановичъ, вы все еще прежній дѣвственникъ?» спросилъ графъ, съ улыбкою разваливаясь на диванѣ.

— «Нѣтъ, я узналъ, что это вздоръ!» сказалъ Эдуардъ, отяжелѣнный виномъ и душною атмосферою комнаты.

Графъ и офицеръ перемигнулись. Не мысль ихъ удивила, а то, что Эдуардъ простодушно называлъ прекрасное качество вздорамъ.

— «А каковы успѣхи?» спросилъ графъ.

— «Неудачные! чортъ возьми!» отвѣчалъ, смѣясь Эдуардъ.

Графъ и офицеръ захохотали. Вино опять заиграло въ бокалахъ и головахъ. Разговоръ сдѣлался воленъ и шуменъ. Множество соблазнительныхъ анекдотовъ воз-

буждали безпрерывный хохотъ. Эдуардъ, отуманенный виномъ, безпечно разсказалъ нѣкоторыя невинныя вольности изъ своей любви; — это очень позабавило слушателей.

Черезъ часъ Эдуардъ уже не могъ держаться на ногахъ: и Таринъ добровольно взялся отвезти его домой. При чемъ онъ замѣтилъ графу: «Ну, mon cher, нашъ Эдуардъ ужъ не прежній дикарь; — вполнѣ просвѣтился!»

— «Ничего,» сказалъ графъ, «вѣдь прежде онъ былъ настоящая дѣвчонка...»

Г-жа Вольфгангъ утаила свои слезы отъ глазъ сына. На другой день — онъ чувствовалъ большую тягость; но не упрекалъ себя за вчерашній вечеръ; а легкомысленнаго разсказа о своей любви не припомнилъ.

Послѣдующіе дни Эдуарда потянулись между уроками, небольшими занятіями

музыкою и тѣми удовольствіями, среди которыхъ мы его недавно встрѣтили.

IX.

«Sint ut sunt, aut non sint!»

Слова Лаврентія Ригги, Генерала Іезуитскаго Ордена.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

X.

Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ?....

А. С. Грибоѣдовъ.

О немъ Спасителю молитва!....
Но эта страсть, но эта битва,
Но муки сердца моего —
Пусть будутъ тайной для него!....

Изъ стихотворенія дѣвицы.

Ни, мамо, неможно нелюба любить;
Несчастная доля и зъ нелюбомъ жить;
Охъ, тяжко, охъ, важко зъ нимъ ричь размолвляты:
Хай, лучше я буду весь викъ дивоваты!

Е. П. Гребенко.

Добрый читатель, подождемъ минуты, въ которую Эдуардъ, можетъ быть, обратится опять на путь своего назна-

ченія; а дотолѣ поглядимъ кое-на-что, до него относящееся.

Въ первомъ отдѣленіи одного изъ департаментовъ министерства финансовъ, рано утромъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, сидѣли двое чиновниковъ и разговаривали; отъ важныхъ разсказовъ о вистѣ и дороговизнѣ содержанія они скоро перешли къ осторожной бесѣдѣ о предстоявшихъ наградахъ. Эти чиновники, среднихъ лѣтъ, оба женатые, съ лицами какихъ-то неопредѣленныхъ призраковъ, при разговорѣ о наградахъ, находили своего начальника отдѣленія даже очень умнымъ и добрымъ. За другимъ столомъ въ это время сидѣлъ и занимался перепискою молодой человѣкъ, недавно выпущенный изъ университета. Слыша разговоръ бѣдныхъ сослуживцевъ, онъ то-кипѣлъ негодованіемъ, когда говорили о какомъ-нибудь несправедливомъ поступкѣ начальниковъ, то-усмѣхался надъ нелѣпыми

выраженіями и сужденіями, то-досадовалъ на ихъ болтовню, то-скорбѣлъ, чувствуя разность своего новаго положенія отъ проведеннаго въ учебныхъ заведеніяхъ. Особенно страннымъ казалось ему то, что въ департаментѣ все дѣлалось какъ-то именемъ и для имени директора, министра или другихъ начальниковъ, какъ будто они, а не долгъ и обязанность побуждали всѣхъ къ дѣйствію. Мимоходомъ можно сказать, что это былъ Славеновъ.

Скоро въ этотъ-же столъ прибыли еще двое: одинъ молодой и чахоточнаго сложенія; другой среднихъ лѣтъ здоровый и полный, кажется, питающійся только пивомъ; о пивѣ онъ и началъ говорить; его гнѣвило, что хлѣбъ дешевле, а пиво дороже. Они, услыхавъ разговоръ о наградахъ, начали оцѣнивать заслуги и достоинства всѣхъ чиновниковъ вообще и каждаго порознь: болѣе всѣхъ

досталось начальнику отдѣленія; онъ былъ разжалованъ въ лису, въ бестію, и заклейменъ такими еще названіями, которыя, не только въ критикѣ, даже и въ водевиляхъ не употребляются. Но еще болѣе ругали они Крестьяна Крестьяныча Земхама; они говорили, что «*это такой пролазъ-шельма, что ужасть! просто!*» — Что онъ, ужъ вѣрно, во всѣхъ отдѣленіяхъ успѣлъ говорить о своихъ нуждахъ и претерпѣнныхъ обидахъ по службѣ и т. п.

Между-тѣмъ собирались остальные чиновники *сего* отдѣленія.

—«Видѣлъ ты,» сказалъ чиновникъ, старикъ, съ Станиславомъ на шеѣ, одному изъ первыхъ, упомянутыхъ нами, сослуживцевъ, «какой домѝно купилъ себѣ Земхамъ?»

— «Нѣтъ.»

— «А я такъ видѣлъ. Знать, стряпческія-то дѣла у него идутъ хорошо. Вчера я проходилъ мимо его дома....»

продолжалъ съ разстановками голоса старикъ, взялъ щепотку табаку и, понюхавъ, обтеръ пальцы не очень деликатно. «На Пескахъ; знаешь Матрешкину-то улицу?»

— «Знаю.»

— «Ну, ну, вотъ въ этой улицѣ!... Да что, впрочемъ, старый домишко; я этакъ смотрю, съ одного угла доска оторвалась....»

— «А, деревянный?»

— «Деревянный. Вотъ я посмотрѣлъ; вижу, что никого въ окнахъ нѣтъ; я взялъ доску-то немного такъ, да и отодвинулъ, — анъ бревна-то гнилыя!... Ну чортъ-ли!...»

— «Ха, ха, ха! гнилыя?!...»

— «Да; надули его: гнилехоньки!...»

— «Что это такое, гнилое? Герасимъ Герасимычъ?» спросилъ пришедшій на ту пору начальникъ отдѣленія, плотный, высокій, съ Владиміромъ на шеѣ.

— «Домъ нашего Земхама.»

— «Ну что, большой?»

— «Вице-Директоръ проситъ васъ,» сказалъ курьеръ начальнику отдѣленія: и кавалерственный начальникъ отдѣленія бросился со всѣхъ ногъ.

Наконецъ явился и Крестьянъ Крестьянычъ Земхамъ. Отъ самыхъ дверей отдѣленія до своего стула онъ составилъ своею длинною фигурою несгибаемо движущійся по одному направленію перпендикуляръ. Плеча его были сдавлены, голова немного нагнута впередъ, какъ будто приготовлена къ поклону. Разложивъ порядочно свои бумаги на столѣ, онъ пошелъ, поздоровался съ нѣкоторыми сослуживцами, и именно: съ столоначальникомъ, бывшимъ въ большой милости у начальства; съ помощникомъ другаго столоначальника, — вышерѣченнымъ любителемъ пива; да еще Крестьянъ Крестьянычъ привѣтливо поклонился мо-

лодому университетскому. Потомъ сѣлъ онъ за свои занятія. Книги и бумаги его, надо замѣтить, были въ большомъ порядкѣ и чистотѣ; и въ его одеждѣ и даже въ лицѣ была большая аккуратность: на бумагахъ его не было пятнышка, на лицѣ не нашли бы слѣдовъ безъ сна проведенной ночи или чего-нибудь небезвиннаго. Хотя онъ былъ не болѣе какъ помощникъ столоначальника, но своею осѣдлостію въ департаментѣ, своимъ форменнымъ поведеніемъ, своимъ знакомствомъ съ нѣкоторыми изъ начальниковъ, своимъ пролазствомъ умѣлъ держать себя на завидной у сослуживцевъ ступени.....

Крестьянъ Крестьянычъ всталъ и очень почтительно поклонился возвратившемуся начальнику отдѣленія, который, подходя къ нему, спросилъ: «Что Крестьянъ Крестьянычъ, вы довольны вашимъ домикомъ?»

— «Да-а-съ, я имъ доволенъ; ну что дѣлать—небогатый, каковъ есть: и тѣмъ надо быть довольну-съ, хе, хе, хе!...»

— «Вы что заплатили-то-съ за него? Тридцать тысячъ?....»

— «Да-а-съ; нѣтъ-съ, всего съ купчею и другими издержками онъ мнѣ обошелся только двадцать девять тысячъ семь сотъ восемьдесять семь рублей съ полтиной-съ, хе, хе, хе!....»

Во все это время начальникъ отдѣленія стоялъ съ непицепріятіемъ; казалось, онъ что-то обдумывалъ и наконецъ сказалъ полугромко: «Я вамъ долженъ откровенно сказать, что нашъ вицедиректоръ, Харлампій Федотычъ, очень недоволенъ, что вы домъ купили.....»

Земхамъ вспыхнулъ отъ негодованія.

— «Онъ говоритъ,» продолжалъ начальникъ отдѣленія, «что вы всегда жалуетесь на ваше недостаточное состоя-

ніе, всегда просите о пособіяхъ, да о прибавкахъ.... Ужъ послѣ этого пеняйте на себя, если при нынѣшнихъ наградахъ....»

— «Помилуйте, Василій Василичъ!» говорилъ съ жаромъ Земхамъ, «я домъ купилъ на мои благопріобрѣтенныя деньги!.. И притомъ, великое-ль это имущество, и кому его не позволено имѣть?.... Да и то-съ, позвольте вамъ сказать, сегодня я купилъ, а завтра его огонь сожралъ!.... Но таковыя ваши слова, позвольте думать-съ, кажется, клонились къ тому, чтобы обидѣть меня!...»

Приэтомъ начальникъ отдѣленія сѣлъ къ своимъ занятіямъ, а Земхамъ, оттолкнувъ свои дѣла и стулъ, началъ ходить у стѣны весьма разгоряченный. «Послѣ этого,» ворчалъ онъ, «я вижу, что меня хотятъ здѣсь обижать!... Я не могу послѣ этого здѣсь служить!.... Двѣнадцать лѣтъ былъ я здѣсь усерднѣйшій чинов-

никъ — и всегда только однѣми обидами награждаютъ меня!....»

— «Тутъ шумѣть нечего, Крестьянъ Крестьянычъ,» сказалъ негромко начальникъ отдѣленія, сидя за занятіемъ; «я вамъ сказалъ, кажется, только то, что надлежало сказать.»

— «Нѣтъ-съ, такія замѣчанія,» ворчалъ, ходя взадъ и впередъ Земхамъ, «я неиначе могу принять, какъ за обиду, за явную обиду-съ! Послѣ этого я подамъ просьбу-съ объ увольненіи меня, какъ обиженнаго, въ отставку..... Я не могу служить съ такими людьми-съ!... Съ такими низкими людьми!» тихо прибавилъ онъ, проходя мимо Славенова, и ушелъ изъ отдѣленія.

— «Ха, ха, ха, чортъ возьми!» сказалъ Василій Василичъ, подойдя къ любимому своему столоначальнику, «ну что, какъ онъ сдуру-то, Илья Иванычъ, въ самомъ дѣлѣ подастъ въ отставку?...»

— «Нѣтъ-съ; онъ вѣдь только горячъ,» сказалъ Илья Иванычъ.

— «Да нельзя было не сказать того ему: вѣдь я все это выдумалъ нарочно, чтобъ поменьше дать ему нынче награды, а другимъ удѣлить побольше.... Ахъ, чортъ его возьми, какъ онъ взбѣсился, ха, ха, ха! Экой вѣдь горячій Нѣмецъ!...»

— «Нѣтъ-съ, ничего,» сказалъ Илья Иванычъ, «онъ прогуляется, такъ и опять — попрежнему-съ....»

Этимъ минутное возмущеніе говорливаго ручейка перваго отдѣленія и кончилось — и ручеекъ опять зажурчалъ. Журчаніе, т. е., ропотъ неудовольствія, дѣловыя справки, разсказы о всякомъ вздорѣ, безпрестанное подскабливанье бумагъ и т. п., также необходимо въ иныхъ присутственныхъ мѣстахъ, какъ и невольное бряканье иныхъ бѣгающихъ сабель и шпоръ, не на полѣ сраженія, а такъ, напр. у развода, или въ концертномъ залѣ.

Между-тѣмъ Крестьянъ Крестьянычъ съ лукавою лестью и злобнымъ мщеніемъ успѣлъ во всѣхъ отдѣленіяхъ возбудить большее или меньшее негодованіе на поступокъ Василія Васильевича; и успокоенный этимъ немного, онъ, молча, возвратился къ своимъ занятіямъ.

Черезъ минуту подошелъ къ нему департаменскій экзекуторъ со словами: «Чѣмъ ссориться-то, Крестьянъ Крестьянычъ, за такіе пустяки, о которыхъ и говорить не стóитъ, сдѣлайте-ка лучше доброе дѣло. Вотъ пришелъ коллежскій регистраторъ Усачовъ, что у насъ былъ курьеромъ, знаете; сдѣлался теперь, дуракъ, офицеромъ, — да и ѣсть нечего; вамъ здѣсь сослуживцы-то все старые знакомые: сдѣлайте-ка складчину! Съ міру по-ниткѣ, нищему рубаха! Вы человѣкъ добрый, и на это дѣло мастеръ!....»

Крестьянъ Крестьянычъ охотно взялся за это, и черезъ полчаса, собравъ,

по подпискѣ, шестьдесятъ рублей, возвратился съ довольнымъ и благочестивымъ видомъ въ первое отдѣленіе.

— «У васъ, кажется, есть вострый ножичекъ, Крестьянъ Крестьянычъ!» сказалъ, подошедъ къ нему начальникъ отдѣленія, Василій Василичъ.

Крестьянъ Крестьянычъ торопливо вынулъ изъ кармана красивый, обдѣланный перламутромъ и серебромъ, ножичекъ и подалъ его съ поклономъ.

— «А что это у васъ?» спросилъ Василій Василичъ, взглянувъ на подписку чиновниковъ для подаянія.

— «Вотъ-съ, неугодно-ли и вамъ пожертвовать-сь!... бывшему нашему курьеру Усачеву!...»

— «Вотъ дуракъ,» сказалъ Василій Василичъ, «какой чортъ понесъ его въ офицеры? Что за-честь, коли нечего ѣсть.... Ну, да ужъ дать ему; чортъ съ нимъ!» Съ этими словами Василій Ва-

силичъ вывелъ на подписномъ листѣ имя свое, жены, двухъ дочерей и сына, заключилъ ихъ скобкою, а на полѣ написалъ 10 руб. асс. Прописывая это, Василій Василичъ говорилъ: «Вотъ вѣдь вы, Крестьянъ Крестьянычъ, человѣкъ добрый, а какъ разгорячитесь, такъ наговорите, и Богъ знаетъ, что!...»

Крестьянъ Крестьянычъ съ осклабленнымъ лицемъ, на которомъ было замѣтно сознаніе виноватаго, потирая рука-объ-руку, сказалъ довольно растянуто: «Ну, что-жъ дѣлать-сь, кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ!... Не все то дѣлается, что говорится!....»

Такимъ образомъ Крестьянъ Крестьянычъ въ нѣсколько минутъ перечувствовалъ огорченіе, гнѣвъ, злобу, мщеніе, удовольствіе благотворительности, какое-то торжество надъ начальникомъ отдѣленія, удовольствіе примиренія съ нимъ и наконецъ заслуженный упрекъ за свою

горячность. Хотя послѣ всего этого, какъ и послѣ какой-то еще непріятности, рано утромъ съ своимъ дворникомъ и городовымъ, онъ наружно и успокоился, но внутренно мучился. «Нѣтъ, чортъ возьми!» подумалъ онъ, углубясь въ свои занятія; «непремѣнно надо жениться!» Крестьянъ Крестьянычъ видѣлъ, что ему надо нѣкоторую часть домашества поручить благонадежному человѣку; а чтобы для этого расходы были не безъ вознагражденія, то онъ счелъ за лучшее, сдѣлать это порученіе женѣ. Разумѣется, онъ имѣлъ и другія побужденія оставить одиночное состояніе, но я говорю только о главномъ. Не хорошъ такой расчетъ, конечно, но что-жъ дѣлать, если уже Крестьянъ Крестьянычъ былъ человѣкъ расчетливый. Впрочемъ онъ былъ невсегда только корыстолюбивый расчетчикъ: нѣтъ, онъ хотѣлъ жениться на дѣвушкѣ съ истиннымъ достоинствомъ,

будь она богата или бѣдна. Это доказывается тѣмъ, что онъ, выбирая изъ круга своихъ знакомыхъ супругу себѣ, давно уже останавливалъ вниманіе на племянницѣ вдовы Гиммельтраумъ, на Эмиліи.

Увѣренный, что Эмилія не будетъ отказываться отъ счастія быть супругою человѣка достаточнаго, съ чиномъ титулярнаго совѣтника и съ Анненскимъ орденомъ въ петлицѣ, Земхамъ вечеромъ, послѣ утреннихъ тревогъ, пришелъ къ г-жѣ Гиммельтраумъ. Пасмурный и холодный Апрѣльскій день заставилъ аккуратнаго Земхама одѣться въ бекешъ съ хорошимъ бобровымъ воротникомъ, хотя въ департаментъ онъ ходилъ въ старой ватной шинелѣ; надѣть калоши Нѣмецкой работы, а ужъ не изъ Гостинаго Двора, которыя употреблялись повседневно, и наконецъ вооружиться шелковымъ зонтикомъ, который большею частію за-

мѣнялся каленкоровымъ. Вообще Земхамъ былъ сегодня одѣтъ изысканнѣе противъ обыкновеннаго.

Знакомство его съ г-жею Гиммельтраумъ началось лѣтъ десять назадъ, когда еще жила при немъ его сестра, которая наконецъ, соскучивъ его капризами, пріискала себѣ мѣсто компаньонки.

Самолюбіе мѣшало Земхаму знакомиться съ кѣмъ-либо по чувству общежитія: онъ не находилъ другаго блага въ знакомствѣ, кромѣ мелочныхъ выгодъ. Потому-то онъ зналъ нѣсколькихъ чиновниковъ, годныхъ ему для стряпческихъ дѣлъ и хлопотъ; зналъ еще два, три семейства, гдѣ могъ встрѣчаться съ высшими лицами своего департамента, проиграть въ карты неболѣе пяти или десяти рублей, а выиграть,.... по объ этомъ что и говорить. Нечасто собирались у него нѣкоторые изъ его дѣловыхъ знакомыхъ; но когда приходили, то играли

въ карты, пили пуншъ — и уходили. Земхамъ не любилъ шумныхъ бесѣдъ, *каковыя* иногда бываютъ между *таковыми* гостями. Если *оныхъ* гостей собиралось болѣе четырехъ, — но ужъ никогда болѣе семи, — то однихъ онъ усаживалъ за карты, а съ остальными велъ мирную бесѣду; или садился возлѣ играющихъ и гикалъ при неудачахъ кого-либо; или же заботился, чтобы пуншъ былъ приготовляемъ по вкусу каждаго. И надо сказать, пуншъ его былъ важная приманка для знатоковъ *сего* напитка: въ восторгѣ упоенія, они часто восклицали: «Ужъ если за что похвалить Крестьяна Крестьяныча, такъ — за пуншъ! Отличный пуншъ!» «Неужто» говорилъ на это иногда, улыбаясь и поглядывая на свой крестикъ, Крестьянъ Крестьянычъ, «неужто у меня только и достоинствъ?....» «Эхъ, батюшка,» возражали ему, «достоинства ваши передъ вами; мы гово-

римъ о пуншѣ-съ!» По привычкѣ уже къ подобнымъ отвѣтамъ и рѣчамъ и по уваженію къ необходимымъ на случай людямъ, Крестьянъ Крестьянычъ недолго этимъ оскорблялся и даже съ самодовольствіемъ расхваливалъ тотъ погребъ, гдѣ покупалъ ромъ.

Рѣдко бывалъ Земхамъ у вдовы Гиммельтраумъ, но всегда былъ ею принятъ очень радушно: ей нравились его скромность и умѣнье жить. Предметъ ихъ разговоровъ бывали городскія новости и цѣна общежитейскихъ вещей. Земхамъ всегда соблюдалъ важность какъ въ разсказѣ, хотя-бы о ничтожномъ городскомъ приключеніи, такъ и въ своей физіономіи и въ положеніи тѣла. Эмилія во время этихъ посѣщеній показывалась только тогда, когда разливала чай; а прочее время оставалась въ своей комнатѣ съ книгою или рукодѣльемъ: она не любила ни его комплиментовъ, ни

преувеличенныхъ разсказовъ, ни мелочныхъ городскихъ новостей.

Земхамъ въ повѣтствуемый нами вечеръ, явясь въ домъ г-жи Гиммельтраумъ, заботливо установилъ свой зонтикъ и калоши въ уголъ прихожей, а бекешъ повѣсилъ на дверь: онъ зналъ, что такая заботливость нравится вдовѣ Гиммельтраумъ; потомъ съ лицепріятіемъ вошелъ въ гостиную. Эмилія, бывшая на ту пору безъ шейнаго платочка, поклонясь, ушла. Разговоръ между Земхамомъ и г-жею Гиммельтраумъ начался о непріятной и очень непостоянной погодѣ въ Петербургѣ.

— «Право,» сказала г-жа Гиммельтраумъ, «зачѣмъ Петръ Великій построилъ Петербургъ такъ близко моря.»

— «Нѣтъ-съ, позвольте не согласиться, мадамъ Гиммельтраумъ: все, что дѣлалъ Петръ Великій, все велико!....»

— «Но, я думаю, что и великіе люди могутъ ошибаться....»

— «О, я ни слова про это; но я смотрю на долгое ненастье, какъ на казнь Божію! Иначе бы оно никогда не прерывалось, еслибъ море было виновато. Нѣтъ-съ, вѣрно, наши грѣхи....»

— «О, съ этимъ я совершенно согласна!....»

— «На примѣръ, возьмите вы учрежденіе самыхъ присутственныхъ мѣстъ;— все это было дѣломъ Великаго Петра!...»

Г-жа Гиммельтраумъ, желая прекратить разговоръ о предметѣ, который считала выше силъ своихъ, спросила вдругъ: «Что нельзя-ли васъ поздравить съ наградою?....»

— «Покорнѣйше васъ благодарю; нѣтъ еще; но я надѣюсь скоро получить, и думаю нынче мнѣ достанется порядочный кушъ: еще сегодня мнѣ очень ласково объявилъ о томъ нашъ начальникъ

отдѣленія; — и самъ вице-директоръ говорилъ такъ-же....»

За этимъ слѣдовало недолгое молчаніе, которое Земхамъ прервалъ вопросомъ: «А ваша любезная племянница, вѣрно, ушла, или не хочетъ насъ порадовать своимъ присутствіемъ?....»

— «Нѣтъ-съ, она тамъ чѣмъ-нибудь занимается.»

— «Какъ она любитъ заниматься! Она очень достойная дѣвица!....»

— «По крайней мѣрѣ занятіе лучше праздности.»

Этою правоучительною мыслію Земхамъ былъ на время остановленъ. Потóмъ онъ подошелъ поближе къ г-жѣ Гиммельтраумъ и, усаживаясь возлѣ нея, началъ: «Я сегодня, добрая мадамъ Гиммельтраумъ, пришелъ къ вамъ и посовѣтоваться и еще кое-зачѣмъ....»

— «Ахъ, что я съ моимъ небольшимъ умомъ могу вамъ совѣтовать?....»

— «Ну, этого не говорите;.... нѣтъ, я всегда васъ отличаю отъ всѣхъ женщинъ.... Я, вотъ видите, думаю приискать себѣ добрую подругу.»

— «Это нехудо.... Мнѣ кажется, этого только и не доставало вамъ при теперешнемъ вашемъ положеніи.»

— «Видите, не правъ-ли я, что избираю васъ моимъ совѣтникомъ?....»

Г-жа Гиммельтраумъ улыбнулась; Земхамъ продолжалъ: «Вы не повѣрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ мнѣ стало скучно одиночество. Знакомые у меня есть, но, между нами будь сказано, все это народъ такой себялюбивый! не съ кѣмъ слова отъ души молвить!.... Я теперь обзавелся домикомъ: безъ меня и за хозяйствомъ посмотрѣть не-кому. Я искалъ давно уже достойную себѣ хозяйку; я не требую и не прошу за нею ни какого приданаго.... Мой выборъ палъ на

одну, знакомую вамъ особу; даже отъ васъ именно зависитъ мое счастіе....»

— «Отъ меня?!» сказала съ удерживаемою радостію г-жа Гиммельтраумъ.

— «Если вы не поскупитесь вашею дорогою племянницею?....» сказалъ Земхамъ, привыкшій къ торговымъ выраженіямъ.

— «Я должна васъ благодарить за честь, которую вы дѣлаете моей доброй Эмиліи!....»

— «О, мадамъ Гиммельтраумъ, ваша добрая Эмилія сдѣлаетъ мнѣ честь, если удостоитъ меня назвать ее моею супругою и доброю хозяйкою....»

— «Я надѣюсь, что моя Эмилія не откажется отъ такого жениха; — но позвольте васъ предупредить, г-нъ Земхамъ;.... хотя вамъ и извѣстно уже наше состояніе;.... но.... можетъ быть.... приданое....»

— «О, мадамъ Гиммельтраумъ, вы

хотите меня обижать!.... Нѣтъ, нѣтъ, оставьте это! Я васъ всегда уважалъ какъ умную, прекрасную женщину и видѣлъ, что ваши качества всѣ перешли въ вашу милую племянницу: только потому и желаю на ней жениться. У меня хоть небольшее имѣніе, но покаместъ станетъ; а тамъ Богъ дастъ побольше.»

— «Послѣ всего этого я надѣюсь, что моя Эмилія.... Но ужъ позвольте мнѣ переговорить прежде съ нею. Завтра я вамъ дамъ отвѣтъ; или, какъ угодно....»

— «Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше: когда я на что рѣшусь, то не люблю медлить. Ктому-же и дѣла мои не терпятъ отлагательства: безъ хозяйки у меня теперь и хозяйства нѣтъ....»

Скоро подали чай, который, по обыкновенію, разливала Эмилія. Признаки слезъ были на глазахъ ея, но ихъ ни-

кто не замѣтилъ. Земхамъ съ умягченнымъ и сладенькимъ голосомъ проговорилъ: «Вы, мадемоазель Эмилія, совершенно не удостоиваете насъ своимъ благосклоннымъ присутствіемъ....»

— «Я очень рада, что моя тетинька имѣла съ кѣмъ побесѣдовать кромѣ меня: это нечасто случается.»

— «А еслибъ вамъ пришлось навсегда покинуть вашу тетиньку?...»

— «Я не могу быть столько неблагодарна, чтобы покинуть мою вторую мать.»

— «Нѣтъ, не покинуть, хотѣлъ я сказать, а разстаться?....»

— «На то воля Провидѣнія: вѣдь смерть заставляетъ-же насъ разстаться съ цѣлымъ міромъ..... Ахъ, извините, кажется, я забыла положить сахару въ вашу чашку?...»

— «Какъ ты разсѣянна, Эмилія!» замѣтила тетка.

— «Ничего-съ, ничего-съ! Я люблю лучше въ прикуску!» сказалъ Земхамъ и, при *сей оказіи*, заговорилъ съ г-жею Гиммельтраумъ о цѣнѣ сахара и другихъ колоніальныхъ произведеній. Эмилія поспѣшила раздѣлаться съ чаемъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ чаю Земхамъ ушелъ съ сладкими надеждами на-завтра.

Еслибы въ ту минуту, когда Земхамъ началъ объявлять свое доброе намѣреніе, жениться на Эмиліи и такимъ *манеромъ обзавестись хорошею хозяйкою*, еслибы въ ту минуту могли мы подсмотрѣть, что дѣлалось съ Эмиліею?! Какъ она, измочивъ слезами все шитье, которымъ занималась, и опустившись въ изнеможеніи на колѣна предъ Распятіемъ, страдала отъ представленія своей безцвѣтной, грустной жизни и ужасной будущности, которая готовится ей въ замужествѣ за Земхамомъ! «Боже всемогущій!» молила она. «Отецъ мой и мать моя, спаси

дочь твою! Ребенкомъ уже не знала я моихъ родителей и была твоимъ послушнымъ дитятей! Спаси меня! Я терпѣла бѣдную участь мою: не дай судьбѣ послать мнѣ въ спутники жизни человѣка, который никогда не можетъ быть моимъ другомъ! Отецъ мой, спаси меня! Освѣти разсудокъ благодѣтельной тетки моей; вложи нѣжное чувство въ сердце ея — или меня укрѣпи!.... Въ безпрерывныхъ, тяжкихъ трудахъ и молитвѣ проведу я жизнь до моей, можетъ быть, близкой уже могилы! Отецъ небесный, прости земную, грѣшную дочь твою! Спаси ее! Ты одна надежда у нея!»

Слезы и молитва облегчили сердце Эмиліи и возвратили ей силы. Она дала себѣ слово — рѣшительно воспротивиться предложенію тетки.

Г-жа Гиммельтраумъ, проводивъ Земхама противъ обыкновенія даже до крыльца, радостно прибѣжала къ племянницѣ

и начала говорить: «Ну, Эмилія! Богъ тебѣ посылаетъ счастіе!...»

— «Что отъ Бога, то все хорошо; но не все то отъ Бога, что насъ восхищаетъ! Это я узнала уже и своими ошибками!» сказала порывисто Эмилія.

— «Выслушай прежде, что я тебѣ скажу,» усмѣхаясь, продолжала радостная тетка; «выслушай, такъ ужъ и сама увидишь, что хорошо!... Г-нъ Земхамъ проситъ руки твоей!....»

— «Этого никогда не можетъ быть, чтобы онъ былъ моимъ мужемъ!» дрожащими губами проговорила Эмилія.

— «Въ умѣ ты, Эмилія?!...» спросила изумленная тетка. «Это не мужъ?! Да могли-ль мы думать когда о подобномъ счастіи?!... Статный молодой человѣкъ, имѣетъ домъ въ тридцать тысячъ, и вѣрно ужъ кромѣ того еще какія деньги; по службѣ любимъ начальниками; всегда умѣренный во всѣхъ по-

ступкахъ и во всемъ образѣ жизни своей; скромный и солидный мужчина!... Чего-жъ тебѣ еще?!...»

— «Но, тетинька, ему не достаетъ одного только, что равняется всѣмъ его достоинствамъ, и именно, что я не могу его любить; а безъ этого можно-ли намъ жить съ нимъ согласно?»

— «Оставь свои мечтанія-то, пожалуста! Они ужъ несносны! Какъ не полюбить человѣка, который всегда желаетъ и достигаетъ одного хорошаго?!»

— «Тетинька, и убійца не желаетъ себѣ худаго, когда умерщвляетъ ближняго: этимъ онъ хочетъ поддержать свое состояніе; но хорошо-ли онъ достигаетъ своего благосостоянія?....»

— «Ну вотъ, кто тебѣ говоритъ о убійцахъ?....»

— «Я не знаю, какъ господинъ Земхамъ пріобрѣлъ себѣ домъ; по крайней мѣрѣ, когда онъ начнетъ говорить о сво-

ихъ стряпческихъ дѣлахъ, то всегда однихъ людей такъ бранитъ, а другихъ такъ превозноситъ, что я никакъ не могу видѣть въ немъ добросовѣстнаго стряпчаго!»

— «И, моя милая Эмилія, объ этомъ ужъ не намъ судить.....»

— «Право, мнѣ всегда кажется, что онъ похожъ на Шиллерова Вурма!....»*

— «Тебѣ — все книги да Шиллеръ, на яву и во снѣ.... Но, послушай, мы отступили отъ предмета; дѣло вѣдь важное: я обѣщала ему завтра отвѣтъ. Что-жъ, ты хочешь его обидѣть?»

— «Нѣтъ; скажите ему.... Но развѣ нельзя чѣмъ-нибудь отказать?....»

— «Ахъ, мой Богъ!....

— «Такъ скажите просто, что я совсѣмъ не намѣрена выходить замужъ никогда и ни-за-кого!....»

* Дѣйствующее лице въ трагедіи: — *Коварство и Любовь.*

— «Послушай, Эмилія,» сказала тетка съ умѣряемымъ волненіемъ души, «надобно-же когда нибудь бросить мечтанія. Я знаю, я еще помню, какъ трудно разставаться съ своими милыми, небесными созданіями; но что-же дѣлать? Не намъ уже водворить рай на землѣ?....»

— «Вотъ послѣднія ваши слова,» сказала Эмилія, блестя радостными глазами, «произошли прямо изъ вашего добраго сердца; а всѣ прочія сказала не моя тетинька.»

Тетка, пользуясь доброю минутою, продолжала: «Я тебя никогда слишкомъ сурово не бранила за твои грезы: они свойственны твоему возрасту и тѣмъ болѣе извинительны, что не мѣшали твоимъ занятіямъ, не вредили твоей доброй нравственности. Но теперь ты сама видишь, что только грезы твои были прелестны; а человѣкъ, о которомъ

ты столько.... Да впрочемъ нечего и говорить: ты сама видѣла, каковъ Эдуардъ недавно возвратился домой? Хуже всякаго мастероваго, котораго безъ чувствъ привозятъ съ Крестовскаго!...»

Приэтомъ Эмилія закрыла лице платкомъ.

— «Плакать не-о-чемъ. Онъ имѣлъ глаза, разсудокъ и волю; ему говорили, что эта невѣста ему не пара.... Вотъ теперь что изъ него будетъ? Погубитъ себя, да и эту несчастную, эту достойнѣйшую женщину, мать свою!.... Теперь еще онъ кое-какъ занимается музыкою, даетъ уроки, пріобрѣтаетъ деньги; а потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ жизнь ему будетъ скучнѣе; и, чтобъ отогнать скуку, онъ наконецъ совершенно сопьется!.... Теперь ему ужъ едва-ли можно пособить: я не перваго такого видѣла на моемъ вѣку.»

— «Я спасу его! Я!» вскричала въ

какомъ-то иступленіи Эмилія. «Нѣтъ, кто имѣлъ такую прекрасную душу, какъ онъ, тотъ хотя и можетъ заблудиться, но развратиться — не можетъ!.... И наше дѣло не осуждать, а спасать его! *Нѣтъ большей любви, какъ положить душу свою за друзей своихъ!* — Это ужъ не мои слова!....»

— «Но, помилуй, ужели ты думаешь еще....»

— «Я ничего не думаю!» продолжала въ жару Эмилія. «Я не таила отъ васъ любви моей. Это была моя первая и послѣдняя любовь. Я ничего не употребляла, чтобы привлечь Эдуарда къ себѣ. Богъ знаетъ, почему я такъ привязана къ нему! И этой привязанности Богъ не осудитъ. Случись, что Эдуардъ изберетъ меня своею женою: я готова для него рѣшиться на все! Я буду помогать ему въ трудахъ; я удержу его отъ всего дурнаго; я доставлю ему то блаженство,

котораго онъ желалъ! Я буду трудиться день и ночь, чтобы только онъ имѣлъ нѣсколько свободныхъ минутъ для своихъ музыкальныхъ созданій. Я ужъ не буду тогда мечтать: моя мечта тогда уже сбылась!... О, да чего не можетъ сдѣлать другъ для своего друга?!....»

— «Ужъ это говоришь ты нѣсколько лѣтъ.... Ну, чѣмъ хуже Земхамъ? Хорошій хозяинъ, усердный чиновникъ, порядочный общественный человѣкъ....»

— «Тетинька, *не быть хуже всѣхъ — все еще достоинство!* * Это мы съ вами недавно читали; и вотъ все, что могу сказать въ пользу Земхама.»

— «Театральная философія!.... Такъ ты рѣшительно отказываешься отъ Земхама?» спросила тетка сурово.

— «Нетолько отъ Земхама, я отказываюсь навсегда отъ замужества!»

* Слова короля Лира въ Шекспировой трагедіи.

— «Но скажи, пожалуй, развѣ ты думаешь, что я никогда не умру; что ты можешь жить одна?...»

— «Вы меня принуждаете на весьма непріятный отвѣтъ, тетинька. Я своими трудами платила вамъ за мое содержаніе; а если я вамъ наскучила, то завтра-же пойду искать себѣ мѣста, чтобы не быть вамъ въ тягость!»

Тетка быстро вышла изъ комнаты, хлопнувъ за собою дверью; а сердцу Эмиліи стало тяжело: ей было жаль, что такъ рѣзко отвѣчала теткѣ и не можетъ удовлетворить ея желанію; и что о Земхамѣ говорила такъ жестоко.

Въ слѣдующее утро г-жа Гиммельтраумъ, съ письмомъ въ рукѣ, пришла къ племянницѣ. «Я посылаю отказъ къ г-ну Земхаму!» сказала она, стоя въ дверяхъ. «Мнѣ стыдно теперь и показаться ему!... Подумай, Эмилія, ты отказываешься отъ своего счастія!.... Еще покуда можно....»

Эмилія подошла къ теткѣ и сказала рѣшительно: «Тетинька, хотите вы на мнѣ повторить одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ браковъ, о которыхъ вы мнѣ сами столько разсказывали? Если хотите....»

Г-жа Гиммельтраумъ, хлопнувъ дверью, ушла полная досады.

Письмо не застало Земхама дома. Любуясь въ то утро своимъ домикомъ и придумывая, какую-бы еще завести мебель и другую домашнюю скарбь, Земхамъ совершенно былъ убѣжденъ, что Эмилія признаетъ его достойнымъ своимъ супругомъ. Въ департаментѣ онъ секретно сообщилъ свое намѣреніе двумъ или тремъ изъ тѣхъ лицъ, черезъ которыхъ надѣялся получить, такъ именуемое, *пособіе на бракосочетаніе.* Секретъ трехъ въ то же время сдѣлался секретомъ цѣлаго департамента: каждый разсказывалъ за-тайну о женитьбѣ Кресть-

яна Крестьяныча. «Вотъ бестія-то!» говорили въ первомъ отдѣленіи, «купилъ домъ въ тридцать тысячъ; теперь женится, вѣрно ужъ на дочери какого-нибудь статскаго совѣтника, а, можетъ быть, еще и дѣйствительнаго; да какъ еще съ деньгами, — такъ и пошелъ въ люди.... А вѣдь ужò непремѣнно станетъ просить *пособія!*»

Радуясь пріобрѣтенію доброй хозяйки, неменѣе какъ и покупкѣ дома, блаженный Крестьянъ Крестьянычъ возвратился изъ департамента и съ любопытствомъ сталъ читать письмо. Оно состояло изъ самыхъ учтивыхъ извиненій; причина отказа заключалась въ томъ, что Эмилія, по молодости, отлагаетъ на нѣкоторое время свое замужество.

— «Hol euch der Teufel!» * сказалъ раздраженный Крестьянъ Крестьянычъ

* Чортъ васъ возьми!

и растерзалъ письмо. «Капризная дѣвчонка — и больше ничего!» думалъ онъ, садясь за обѣдъ. «Ужъ не намѣрена-ли она подцѣпить какого-нибудь военнаго, чтобъ съ голоду умереть?!... Да, до этого, голубушка, еще долго; а между тѣмъ живи-ка себѣ въ лачугѣ, если не смыслишь, что значитъ, быть хозяйкою дома въ тридцать тысячъ и жить припѣваючи!...»

Послѣ обѣда Крестьянъ Крестьянычъ легъ, по обыкновенію, спать; и сонъ его былъ подобенъ сну безпечнаго ребенка. Къ числу его удивительныхъ достоинствъ надобно отнести и то, что онъ вовсе не курилъ табаку.

На другое утро въ упомянутомъ департаментѣ одинъ молодой канцелярскій чиновникъ разсказывалъ своему столоначальнику: «Петръ Тимоѳеичъ, ужъ у Земхама дѣло-то совсѣмъ кончилось!»

— «Какъ, кончилось?» спросилъ, важно покрякивая, столоначальникъ.

— «Да такъ; ему носъ натянули! хи, хи, хи!... Вотъ штуку-то удралъ!...»

— «Да вы почему знаете?»

— «Онъ ходилъ къ однимъ въ тотъже домъ, гдѣ живетъ моя бабушка; такъ кухарка бабушкина узнала отъ кухарки тѣхъ, къ которымъ онъ ходилъ.... Я не знаю, это какая-то Нѣмка вдова съ племянницею. Такъ за племянницу онъ и посватался; только та и слышать объ этомъ не хочетъ! хи, хи, хи!»

— «Да чортъ-ли пойдетъ за такого эгоиста!... А что, она богата?»

— «Нѣтъ, куда?! Дѣтей обучаетъ; только тѣмъ и живетъ. А ужъ никакъ не соглашается итти за него! Гм, видно, молодецъ?

— «Ну, такъ глупа-же она, если такъ. Что-жъ такое; ну женится, перемѣнится. Да, впрочемъ, надо сознаться, господа,

нашъ Крестьянъ Крестьянычъ очень препорядочный человѣкъ; а ужъ для бѣдной-то дѣвушки онъ, просто, находка!... Напрасно, напрасно!... А кто она такая?... Да, или вы не знаете? А почему она не согласилась выдти за него? Не знаете?..

— «Вишь она узнала, что онъ очень золъ дома....»

Любопытный начальникъ отдѣленія также вмѣшался въ разговоръ канцелярскаго чиновника съ столоначальникомъ, и съ своей стороны нашелъ, что Эмилія глупо сдѣлала: потому-что, и по его мнѣнію, Крестьянъ Крестьянычъ *оказался*, при всѣхъ недостаткахъ, все-таки порядочный человѣкъ и еще съ состояніемъ.

Вѣсть *о натянутомъ Земхаму носѣ*, въ минуту разнеслась по всему департаменту. «Постойте,» сказалъ смѣтливо одинъ столоначальникъ съ серебряною медалью, «я его спрошу тихонько. А что,

Крестьянъ Крестьянычъ, говорятъ, вы жениться задумали?...»

— «Да-съ, думаю.»

— «Скоро и свадьба?»

— «О, нѣтъ; я еще не имѣю и невѣсты. Я только думаю, гдѣ бы найти добрую хозяюшку.»

— «Гм; а ужъ мы думали, что вы....»

— «Э, батюшка, вишь какой! Скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается.....»

Прочіе чиновники перемигнулись, и потомъ опять все пошло обыкновеннымъ чередомъ.

Г-жа Гиммельтраумъ, послѣ двухъ дней безмолвія, опять начала мало-по-малу разговаривать съ племянницею; и какъ природа властнѣе всего, то совершенный миръ между родными скоро возстановился.

* * *

Черезъ недѣлю, послѣ этого приключенія, Эмилія заходила къ г-жѣ Вольфгангъ. Дурная перемѣна съ Эдуардомъ, дѣлавшаяся день-ото-дня разительнѣе, очень крушила несчастную мать: она была теперь рада каждому посѣтителю, чтобъ только утишить хоть на минуту свое горе; посѣщеніе Эмиліи, молодой ея любимицы, было для нея теперь явленіемъ друга. Немногіе и очень скромные вопросы Эмиліи объ Эдуардѣ и слова, сказанныя для успокоенія грустной матери, очень ободрили добрую Вольфгангъ. Эмилія старалась, хотя вопрѐки голосу своего сердца, называть перемѣну въ Эдуардѣ временнымъ заблужденіемъ молодаго человѣка, и убѣждала, что время и внушенная родителями добрая нравственность истребляютъ это заблужденіе и приводятъ опять на истинный путь.

Успокоивъ немного г-жу Вольфгангъ, Эмилія стала показывать ей гравирован-

ныя картинки, которыя получила отъ своей пріятельницы, Лиды. Этими картинками Эмилія хотѣла одарить своихъ учениковъ. Г-жѣ Вольфгангъ, сохранившей свое эстетически - чувствительное сердце, особенно понравилась между гравюрами одна съ подписью: Die unglückliche Familie. *

Вотъ очеркъ этой гравюры. — Въ бѣдномъ жилищѣ сидитъ, возлѣ полуразвалившейся кровати, на простомъ деревянномъ стулѣ, терзаемый предсмертною мукою, человѣкъ лѣтъ тридцати пяти. Ротъ его раскрытъ, лице истомлено, выкатившіеся глаза воспалены болѣзненнымъ жаромъ; обвязанная голова его скатилась на полную алебастровую грудь красивой женщины, которая, стоя позади стула, поддерживаетъ страдальца обѣими руками, а слезящій взоръ свой устре-

* Несчастное семейство.

мила на двухъ мальчиковъ. Эти мальчики, у той же кровати, сидятъ на скамеечкѣ, противъ отца; одинъ изъ нихъ, кажется, равнодушенъ и потому только не веселъ, что всѣ плачутъ; другой, схвативъ руку умирающаго, палъ на нее лицемъ и обливаетъ ее слезами. Подлѣ мальчиковъ стоитъ дѣвушка и передничкомъ закрыла плачущее лице свое. Всѣ фигуры въ бѣдныхъ одеждахъ и босикомъ, только у умирающаго на ногахъ тяжелые грубые башмаки.

— «Что-то будетъ съ несчастною матерью, если умретъ бѣдный отецъ?» сказала г-жа Вольфгангъ; «натерпится она въ жизни! А какъ этотъ сынъ исходитъ слезами! Ему едва-ли не хуже всѣхъ будетъ на бѣломъ свѣтѣ!....»

— «Отчего-же?» спросила Эмилія.

— «Ахъ, для чувствительнаго человѣка тропинка жизни усѣяна терпіемъ!.... Вотъ другой мальчикъ: ему все будетъ

трынъ-трава; вишь онъ какъ спокоенъ!.... А эта дѣвушка плачетъ, кажется, до тѣхъ поръ, покуда всѣ плачутъ.... Несчастно семейство, когда оно такъ рано должно выйти на трудную дорогу жизни, безъ всякаго путеводителя! Что сдѣлаетъ одна мать?....

Эмилія, втайнѣ изумляясь необыкновенной мрачности мыслей Эдуардовой матери, сказала очень ласково: «На этой картинкѣ, г-жа Вольфгангъ, изображено только то, что происходило на землѣ; а вѣдь вы, вѣрно, согласитесь, что въ эту же минуту, надъ этимъ жилищемъ, тамъ, на небѣ происходило....»

— «Святой Промыслъ надъ всѣми!» вздохнувъ, сказала г-жа Вольфгангъ. «Жаль, что мой Эдуардъ не видалъ этой картинки!....»

— «О, если угодно, г-жа Вольфгангъ, оставьте ее у себя совсѣмъ! У меня еще довольно есть другихъ....»

Черезъ нѣсколько минутъ Эмилія ушла. Вскорѣ прибылъ Эдуардъ. Онъ очень неравнодушно посмотрѣлъ на картинку, Die unglückliche Familie, и смущенно сказалъ: «Это изображеніе очень трогательно!....»

— «Что-то будетъ съ бѣдною матерью?!» сказала г-жа Вольфгангъ, вперивъ въ картинку задумчивые глаза.

Эти слова, голосъ и видъ матери встрѣвожили еще болѣе Эдуарда. Желая успокоиться хоть ласкою къ матери, онъ спросилъ: «Что ты читаешь, маменька?...»

— «Притчу о лѣнивомъ рабѣ, зарывшемъ талантъ свой въ землю!...» и мать прочитала вслухъ нѣсколько словъ.

Эдуардъ, въ какомъ-то страхѣ, старался перемѣнить разговоръ и опять-таки обратился къ гравюрѣ: «Откуда эта картинка у тебя, маменька?» спросилъ онъ.

— «Ахъ, добрая Эмилія принесла.» Эдуардъ промолчалъ.

— «Мнѣ бы хотѣлось обдѣлать эту картинку, подъ стекло, на папку,» сказала мать.

— «Хорошо, маменька, положи ее тамъ, у меня на столѣ: завтра я отнесу ее къ переплетчику.»

— «Ты сегодня идешь къ кому?»

— «Я хотѣлъ-было итти къ Беру: тамъ сегодня квартетъ....»

— «А, ну это хорошо.... Но послушай, Эдуардъ,» сказала мать, обнявъ сына и взявъ его за подбородокъ, «послушай, будь благоразуменъ, не пей тамъ ничего; по крайней мѣрѣ немного! А то ты....»

— «Ну, ну, не буду! не буду!...»

— «Гдѣ живетъ Беръ?»

— «На Пескахъ, въ домѣ Земхама.»

— «А, Земхама!...»

— «Ты знаешь его?»

— «Онъ сватался за Эмилію; но она никакъ не хотѣла за него....»

— «Я постараюсь сегодня пораньше возвратиться, маменька!» Эдуардъ поцѣловалъ мать и ушелъ на квартетъ.

* *
*

Какъ произошло прекраснѣйшее между прекрасными искуствами? Что произвело музыку?... Она необходима въ минуту веселья и въ часы грусти; въ минуты сладкаго отдыха и во время бурнаго волненія души; въ минуты нѣжной, осчастливленной страсти и въ минуты отчаянной осады неприступной крѣпости. И какъ хорошо музыка выражаетъ всѣ эти состоянія!... Но въ минуты веселія она, кажется, есть только средство, помогающее удвоить блаженство души; а въ прочія минуты, въ минуты печали и горя, она есть цѣль, которую человѣкъ напрасно ищетъ на землѣ. Пораженная нестройностію міра вещественнаго и нравственнаго, благородная душа, томясь гру-

стію, жаждетъ забыться. Для чтенія она не имѣетъ довольнаго спокойствія; живопись недолго можетъ ее увлекать; въ одной музыкѣ найдетъ она опять міръ полный, стройный, съ его радостями, надеждами, заблужденіями, борьбою, отчаяніемъ, гибелью, раскаяніемъ, молитвами.... Творецъ, создавая такой міръ, упояется имъ; слушатель, входя въ этотъ міръ, раздѣляетъ одинакое положеніе съ творцемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если не это, что-жъ иное можетъ доставить намъ упоительное удовольствіе въ музыкѣ; что можетъ побудить насъ пробыть нѣсколько часовъ за инструментомъ?...

По крайней мѣрѣ трое молодыхъ людей и четвертый пожилой, которые разыгрываютъ теперь въ квартирѣ музыканта, Бера, симфонію Бетговена, собрались только для этой цѣли. Посмотрите, вотъ этотъ, пожилой, — за віолон-

челью: ему тягостны нетерпѣніе и излишнія требованія жены и всего семейства; а долгъ мужа и отца онъ чтитъ свято. Одинъ изъ прочихъ молодой, полный надеждъ, — но надежды его безпрестанно блѣднѣютъ. Другому всѣ милыя надежды измѣнили: онъ трудится для куска хлѣба, но душѣ его чужды униженіе и корысть. Третій, самъ хозяинъ, одинокій, на чужбинѣ: родные и лелеявшіе его дѣтство — далеко отъ него.... Видите, окружающій ихъ міръ несовершенъ: имъ грустно — и они ищутъ совершенства въ области звуковъ.

Вотъ Крестьянъ Крестьянычъ — дѣло другое: онъ сидитъ тутъ-же, смотритъ то-на музыкантовъ, то-на движеніе ихъ смычковъ, то-на два портрета родителей Бера. Болѣе замѣчательнаго ничего не было: подержанные стулья, диванъ и столъ уже не новость для Крестьяна Крестьяныча; по нимъ онъ заключаетъ

только, что музыкантъ Беръ человѣкъ небогатый. А между тѣмъ симфонія Бетговена разыгрывается. Въ воображеніи Крестьяна Крестьяныча то-его домикъ, то-департаментскія и другія лица; но сердце его болитъ отъ досады, что Эмилія отказала ему по напрасной любви къ Эдуарду. Крестьянъ Крестьянычъ ждетъ Эдуарда, чтобы на немъ отомстить свою досаду. Крестьянъ Крестьянычъ зашелъ къ Беру по какимъ-то домовымъ надобностямъ, и изъ разговоровъ музыкантовъ узналъ о несчастной любви Эдуарда, о вредныхъ послѣдствіяхъ ея, и о пламенной любви къ нему Эмиліи.

Явился Эдуардъ. Весело и ласково обошлись съ нимъ музыканты-собраты. Когда Крестьянъ Крестьянычъ, прививаясь къ нему, вздумалъ между льстивыми вопросами лукаво поразить его замѣчаніемъ, что его нынчѣ совсѣмъ *не слышно* и даже *не видно* въ концертахъ, то Эдуардъ

сначала немного смѣшался, сказалъ, что не имѣетъ времени; потóмъ отвернулся отъ Земхама и обратился къ собратамъ. Недолго оставался онъ на этомъ вечерѣ; сыгралъ одну піесу съ акомпаниментомъ — и ушелъ. Въ воображеніи его безпрестанно мелькало женское лице, которое онъ видѣлъ въ какомъ-то окнѣ дорòгою къ Беру и которое также привѣтно улыбнулось ему, какъ баядерка владыкѣ земли, Магадею.

Вскорѣ за нимъ ушелъ и Крестьянъ Крестьянычъ. Музыканты удивлялись перемѣнѣ въ игрѣ Эдуарда, даже указали на нѣсколько ошибокъ, сдѣланныхъ имъ въ игранной піесѣ. Ихъ изумленіе кончилось какимъ-то всеобщимъ печальнымъ безмолвіемъ; потóмъ они медленно взяли свои инструменты и стали играть трогательную симфонію.

Между тѣмъ Эдуардъ отправился прямо туда, куда влекло его воображеніе.

Волнуемый сладкою нѣгою, влетѣлъ онъ въ вожделенный домъ, въ комнаты озолоченной гибели — и смѣшался: трое молодыхъ людей — два военные и одинъ статскій — протянули къ нему руки, кто съ торжественнымъ барскимъ припѣвомъ, кто съ крикомъ буйнаго веселья. Ихъ ободрительное обхожденіе заставило Эдуарда забыть, что они родственники тѣхъ богатыхъ и знатныхъ семействъ, гдѣ онъ обучаетъ музыкѣ....

Вакхическій пиръ продолжался за глубокую полночь. Шампанское разливалось; молодые баричи искусно изобрѣтали разныя шалости; упоенный Эдуардъ раздѣлялъ все съ ними, какъ съ братьями: онъ высыпалъ весь свой кошелекъ; наполнялъ бокалы шампанскимъ, а комнату удалыми звуками фортепіано. Молодежъ прыгала, стучала и хохотала; Эдуардъ не отставалъ отъ нихъ. Баричи громко кричали: «Каковъ нашъ Эдуардъ Богда-

нычъ!.... Наконецъ-то и онъ сдѣлался человѣкомъ!....» Эдуардъ смѣялся и подчивалъ ихъ шампанскимъ.

Было два часа ночи, когда Эдуарда привезли почти обезчувственнаго домой. Мать едва удержалась отъ обморока, увидѣвъ сына въ такомъ положеніи, залитаго виномъ.

XI.

Но для чего души разувѣренье
Свершилось не вполнѣ?
Зачѣмъ же въ ней слѣпое сожалѣнье
Живетъ о старинѣ?

Е. А. Баратынскій.

Въ слѣдующее утро мать нѣсколько разъ хотѣла будить Эдуарда къ занятіямъ, но не рѣшалась, по чувству жалости, что сынъ мало спалъ, а болѣе потому-что онъ избѣгалъ уже ея участія. Эдуардъ проснулся поздно. Отяжелѣлый послѣ вчерашняго вечера, съ больною го-

ловою, подошелъ онъ къ зеркалу: блѣдное, обезображенное лице сдѣлало его угрюмымъ. На столѣ лежала та гравюра, которая вчера его такъ поразила. Онъ сѣлъ, держа ее въ рукѣ; мрачныя мысли начали бродить въ головѣ его. Одно изъ свойствъ несильнаго характера есть то, что онъ можетъ предаться величайшему безумству и на другой же день, опамятовавшись, терзаться печалію. Такъ одна крайность замѣняетъ другую.

Вчера безпечно веселый, сегодня мрачный, Эдуардъ, куря угрюмо сигару, смотрѣлъ на изображеніе несчастнаго семейства; слова матери: «Что-то будетъ съ бѣдною матерью!» и читанная ею притча *о лѣнивомъ рабѣ, зарывшемъ талантъ свой въ землю*, подымали бурю въ груди его. Разгульныя веселья представлялись ему теперь въ самомъ отвратительномъ видѣ; и, можетъ быть, Ангелъ-Хранитель нашелъ теперь доступъ къ его

сердцу, въ которомъ небесныя искры не могли еще потухнуть. Всѣ отступленія отъ пути всего истиннаго, благаго и прекраснаго являлись воображенію Эдуарда въ самомъ рѣзкомъ и въ самомъ дурномъ положеніи. Они сильно дѣйствовали и на его организмъ: то-болѣзненный жаръ жегъ все его тѣло, то-холодный, электрическій потъ выступалъ на лицѣ его. Напрасно старался онъ оправдаться измѣною любви, недостаточнымъ воспитаніемъ, безпорядочною нравственностію отца, раннимъ предоставленіемъ собственному произволу, своимъ небогатымъ состояніемъ, даже неблагопріятною судьбою, — силы его таланта и внутренній голосъ говорили ему, что онъ могъ и еще можетъ итти по пути долга и призванія своего. Эта борьба заблудшаго разсудка съ голосомъ истины терзала Эдуарда тѣмъ болѣе, что ему стыдно было теперь показаться и матери....

— «Эдуардъ Богданычъ, пятна съ вашего фрака, что вчера надѣвали-съ, не счищаются,» сказалъ слуга.

— «Ну, подай другой!» закричалъ Эдуардъ. «Не видала-ли маменька этого фрака?»

Слуга медленно проговорилъ: «Кажется, онѣ вчерась.... видѣли-съ.... на васъ....»

Эдуардъ взглянулъ на часы, стеръ холодный потъ со лба, схватилъ картину и ушелъ изъ дома сперва къ переплетчику, потомъ на уроки.

Нѣкоторые ученики, особенно-же ученицы замѣчали большія и частыя перемѣны на лицѣ Эдуарда; отъ лица переходили къ игрѣ и обращенію его и слѣдствіемъ бывало то, что нѣкоторые родители полагали, при случаѣ, отказать Эдуарду.

Въ этотъ день Эдуардъ ограничилъ свой обѣдъ порціею бифштекса въ кан-

дитерской: онъ не имѣлъ ни времени возвратиться домой къ обѣду, ни особеннаго аппетита. Впрочемъ, такой обѣдъ былъ для него не новость. Но во весь этотъ день, на урокахъ, при встрѣчѣ съ знакомыми, за кускомъ бифштексу, вездѣ былъ онъ страненъ отъ унынія и тоски, которыя томили его, то-безъ всякой мысли отравляя его душу и сердце, то-рѣзко представляя ему уклоненіе отъ славы. Но еще тяжелѣе стало ему, когда онъ вечеромъ возвратился домой: безмолвіе и ничѣмъ ненарушимая тишина встрѣтили его. Онъ закурилъ и бросилъ сигару; сѣлъ облокотясь у окна, потомъ сталъ ходить по комнатѣ. Цѣлый день не видалъ онъ матери, и она, противъ обыкновенія своего, не показывалась ему: она съ сердечною болью рѣшилась принять новое обращеніе съ сыномъ — казаться ему вполнѣ равнодушною и не упрекать его ни въ чемъ.

Эта рѣшимость разрывала сердце несчастной матери; только упованіе на Промыслъ утѣшало ее. Эдуардъ, послѣ нѣкоторой борьбы съ самимъ собою, пришелъ къ матери и сѣлъ возлѣ нея. Она встрѣтила его такимъ взглядомъ, какъ будто видѣлась съ нимъ только за минуту передъ тѣмъ, и безмолвно продолжала чтеніе. Первый разъ въ жизни два нѣжные друга, мать и сынъ, сидѣли вмѣстѣ безъ словъ и тѣмъ только удвоивали свои муки. Наконецъ Эдуардъ сказалъ: «Я отдалъ, маменька, твою картину обдѣлать въ рамку....»

— «Заэто я тебѣ очень благодарна,» сказала мать, перевертывая листъ въ книгѣ.

Мѣра со стороны доброй матери была прекрасная для исправленія сына, но какою показалась она бѣдному страдальцу?.... Единственное, послѣднее убѣжище, сердце матери для него закрылось!....

Что можетъ быть ужаснѣе?... Эдуардъ поникъ головою и, закрывъ свое лице, залился слезами. Тутъ весь замыселъ матери разрушился; она обомлѣла и съ испугомъ спрашивала: «Что съ тобою, Эдуардъ? Что съ тобою?»

— «Мать, я погибъ!» съ этими словами, Эдуардъ палъ головою на плечо матери и рыдалъ, какъ при разставаніи на вѣки.

— «Боже мой! что опять, что ты сдѣлалъ?!... О какой погибели говоришь ты?!...»

— «О! я ничего не сдѣлалъ!... Я погибъ, что уже ничего не могу сдѣлать!... Я погибъ! погибъ!..» кричалъ Эдуардъ, какъ отчаянный.

— «Успокойся, Эдуардъ,» сказала мать, оправясь отъ напраснаго испуга. «Ты меня ужаснулъ твоими воплями.... Кто тебѣ сказалъ, что ты погибъ?!... Но успокойся-же; будь благоразуменъ!....

Поговоримъ съ тобою; мы ужъ давно не говорили. Скажи, чего тебѣ не достаетъ?»

— «Я лишенъ всего!»

— «Не будь-же такъ скоръ, горячъ! Подумай....»

Но Эдуардъ рыдалъ и не могъ удержаться отъ рыданій.

— «Эдуардъ! Эдуардъ! Не будь-же малодушенъ; одумайся!.... Вотъ спиртъ....»

— «Постой, маменька;... ты мнѣ возвращаешь большую часть моей потери... Ты снова мать моя!...» И Эдуардъ жаркими поцѣлуями, весь въ слезахъ, лобызалъ своего утѣшителя.

— «Но, Боже мой, ты добровольно лишаешь себя многаго!» сказала мать очень умягченнымъ голосомъ, такимъ, отъ котораго сынъ дѣлается покорнымъ ягненкомъ и сердце не можетъ удержать въ себѣ ни одной тайны. «Я мало говорила съ тобою послѣднее время, пра-

вда; но ты, — не сердись, — ты всегда уклонялся отъ словъ моихъ то-порывистымъ отвѣтомъ, то-угрюмостью.....»

— «Ахъ, не оскорбляйся пожалусто этимъ!...»

— «Да Богъ съ тобою!...»

— «Видишь, въ сердцѣ моемъ образовалась какая-то пустота послѣ моей болѣзни. Я ничѣмъ не могу наполнить этой пустоты. Во мнѣ нѣтъ прежняго чувства; во мнѣ дѣйствуетъ только умъ, который все оправдываетъ, а на повѣрку — я же виноватъ.... Твои слова были мнѣ несносны!...»

— «Но, любезный, ужели тѣмъ, чего ты въ это время такъ алкалъ, можно напитать сердце и душу и лелѣять небесные дары?!...»

— «Вотъ это-то меня и мучаетъ, что я рѣшительно не могу заняться ничѣмъ.... Я съ трудомъ, по необходимости, занимаюсь фортепіано: я бы и это занятіе

бросилъ.... Да, если подумаю и теперь: къ чему послужило мнѣ страстное занятіе музыкою? Что мнѣ прибыли отъ моей извѣстности? Что пользы было бы, еслибъ я написалъ оперу?... Но когда я посмотрю, какъ все это меня занимало и какъ я былъ тогда лучше, маменька, тогда....»

— «Тогда ты опять горишь желаніемъ — быть тѣмъ-же, чѣмъ ты былъ; неправда-ли?...»

— «Правда....»

— «Видишь-ли, вся бѣда въ томъ, что ты слишкомъ огорчился твоимъ несчастіемъ!... Правда, это великое несчастіе для молодаго человѣка; но и то правда, что безъ горя никто не прожилъ на землѣ; разница въ томъ только, что однихъ несчастіе разрушаетъ, другихъ окрѣпляетъ и образуетъ, а для иныхъ оно ужасно только до тѣхъ поръ, пока ихъ кто-нибудь призритъ. Этимъ по-

слѣднимъ, конечно, ты не будешь; но берегись, чтобы не попасть въ число тѣхъ, которыхъ несчастіе разрушаетъ!... Избавить отъ этого, думаю, можетъ только постоянный трудъ.....»

— «Но силъ нѣтъ приняться за что-нибудь съ постоянствомъ; сейчасъ родится мысль: кчему все это? Лучше наслаждаться жизнію!...»

— «И послѣ каждаго наслажденія ты только опечаленъ....»

— «Ахъ!... растерзанъ!...»

— «Это еще счастіе; это заставляетъ думать, что Эдуардъ еще меня любитъ!...»

— «О, что за мысль, маменька!»

— «Да, еслибъ ты безъ раскаянія предавался твоимъ наслажденіямъ, то сердце твое лишилось бы всякаго побужденія къ добру: а тогда бы легко и я была удалена отъ твоего сердца....»

— «Да развѣ это возможно?!» спросилъ Эдуардъ съ какимъ-то оцѣпененіемъ.

— «На моемъ вѣку случилось мнѣ видѣть и слышать многое: и я тебѣ говорю это по-опыту. Да, зачѣмъ далеко, — хоть и больно вспоминать, — но посмотри, подобное увидишь и въ нашемъ семействѣ....»

— «Но, маменька, ты говоришь о какомъ-то злодѣѣ; а въ нашемъ сетействѣ злодѣя нѣтъ.»

— «Я говорю только, что есть подобное: они желаютъ добра, но это желаніе ограничивается одною самостію; имѣть доброе только для себя. Нѣтъ, истинно добрый человѣкъ старается принесть пользу или удовольствіе не одному себѣ, но и другимъ. *Любите другихъ, какъ самихъ себя!* — вотъ что намъ сказано!»

— «А если другіе не хотятъ и смотрѣть на то, что̀ мы для нихъ дѣлаемъ?...»

— «Этого нельзя сказать о всѣхъ;

да еслибъ это и такъ было: должны-ли мы сдѣлаться дурными, когда прочіе дурны?...»

— «Да вотъ ужъ сколько мнѣ случалось играть при людяхъ; ну что-жъ: поахаютъ иногда, повосхищаются, похлопаютъ въ ладоши; а смотришь: ужъ они говорятъ объ экипажѣ, или о балѣ, или о крестьянахъ, о чинахъ.....»

— «А ты забылъ нашего добраго Бека?»

— «Да, Бекъ!....

— «А еще цѣлое семейство Зоммера въ Ригѣ? А здѣсь генеральша Лентова, да и мужъ ея? А княжна Лелева; госпожа Оварова. А припомни, еще найдутся.....»

— «Съ тобою не сговоришь, маменька!» сказалъ Эдуардъ съ веселою улыбкою и съ облегченнымъ сердцемъ.

— «Судьба дала мнѣ испытать многое въ жизни; а опытъ научилъ мыс-

лить,» сказала со вздохомъ мать. «Видишь, Эдуардъ, немногіе слушаютъ, когда и я *заиграю;* но еслибъ я этимъ оскорбилась, пренебрегла внушенія разсудка, могла-ль бы я теперь быть полезною тебѣ?...»

Эдуардъ обнялъ и крѣпко поцѣловалъ мать: ихъ слезы смѣшались. Они рыдали; но это рыданіе было слѣдствіемъ сердецъ успокоенныхъ. Сквозь слезы и плачъ Эдуардъ едва могъ пролепетать: «Я исправлюсь, маменька! Я буду лучше!» и опять цѣловалъ ее въ губы, въ глаза, въ лобъ, какъ ребенокъ.

— «О, Эдуардъ, исправься!» говорила мать, «исправься! Можетъ статься, недолго уже мнѣ быть твоимъ руководителемъ: я чувствую себя гораздо слабѣе противъ прежняго!... Еслибъ ты избралъ достойную, добродѣтельную спутницу въ жизни: я бы умерла спокойно!...»

— «О, маменька, что за мысль?...»

сказалъ Эдуардъ, совершенно удаленный отъ представленія смертнаго часа.

Вообще этотъ разговоръ съ матерью пробудилъ его какъ-то къ лучшей жизни: сердце билось въ упоеніи; душа просилась вонъ изъ груди, какъ изъ темницы. То не была радость, то была сладкая грусть, происходящая въ насъ отъ сознанія своихъ проступковъ, полной надежды уничтожить ихъ и поэтическаго направленія ко всему благому, истинному и прекрасному.....

Эта спасительная грусть не разлучалась съ Эдуардомъ теперь въ теченіе нѣсколькихъ дней; побуждала его избѣгать разгульныхъ, даже веселыхъ обществъ: онъ искалъ уединенія. Прелестная Майская погода манила его къ наслажденіямъ природою. Онъ сталъ приходить въ загородныя мѣста, въ окрестностяхъ Петербурга, на берега Невы, на лѣсистые острова. Чувствованія, мысли и впе-

чатленія, которыя онъ питалъ на этихъ прогулкахъ, лучше всего изображены въ его письмѣ, въ отвѣтъ на письмо къ Тренену, одному изъ его друзей въ Ригѣ.

*С. Петербургъ 3-го Іюля 18** г.*

Мой добрый братъ!

Мнѣ жаль, что не умѣю такъ хорошо сочинять, какъ нашъ безсмертный Шиллеръ: я бы тебѣ охотно разсказалъ тѣ чудеса, которыя сбылись съ моимъ сердцемъ, при чтеніи твоего письма. Я ужъ давно ничего не читалъ; съ самой болѣзни, которая была финаломъ моей странной любви. И правда, до этой любви, и во время любви, нерѣдко искалъ я чистыхъ наслажденій въ изящныхъ предметахъ; чтеніе нашихъ поэтовъ, хотя недолгое, — я не любилъ долгихъ чтеній, — было мнѣ необходимо: зато часы, дни, недѣли пролетали чудно!....

Но, послѣ моей любви, я проводилъ время.... Но въ эту минуту мнѣ страшно и сказать, какъ я проводилъ мое время!.... Наконецъ мучительная скука и недавній разговоръ съ моею доброю матерью образумили меня; а теперь еще.... О, сколько я обязанъ твоему письму!... Когда я читалъ его, душѣ моей все дѣлалось пріятнѣе и пріятнѣе: она переходила въ такое-же состояніе, въ какомъ бывала прежде, когда я любилъ только музыку, чтеніе и когда я любилъ.... какъ бы выразиться! да просто, любилъ! Теперь ужъ это вздоръ, я знаю!.... Когда я кончилъ чтеніе твоего письма, то всѣ мои настоящіе поступки такъ показались мнѣ нехороши! гадки! что я далъ себѣ слово — никогда болѣе не унижаться до нихъ. Я увѣренъ, что сдержу слово! Право, ты волшебникъ!.... Я долго держалъ письмтвое въ рукахъ; былъ въ какомъ-то не-

опредѣлимомъ положеніи; потомъ почувствовалъ желаніе фантазировать. Я сѣлъ къ роялю, хотѣлъ-было сочинить фантазію: — «Несчастная любовь,» — но нѣкоторые неудачные аккорды и звуки дотого раздосадовали меня, что я почти лишился прекраснаго расположенія, которымъ обязанъ былъ твоему письму. Тутъ только я опять живо почувствовалъ, какъ я перемѣнился! какъ недолго горитъ во мнѣ вдохновеніе!....

На этомъ мѣстѣ Эдуардъ остановилъ письмо свое до другаго дня; остальное время до ночи провелъ за роялемъ пополамъ съ грустію. На другой день, отдохнувъ отъ уроковъ, послѣ обѣда, онъ продолжалъ письмо.

Ахъ, братъ! братъ! какъ я перемѣнился! какъ я упалъ! Бывало, во время моей презрѣнной любви, дни, мѣсяцы летѣли, какъ минуты; а теперь, мнѣ кажется, что отъ минуты моего рож-

денія я прожилъ цѣлые вѣки. Все мнѣ неново, все скучно! Особенно скучно!.... Что я ни начну: играть-ли, читать или компонировать — все идетъ такъ вяло, все ненадолго; вниманіе меня оставляетъ, я разсѣясаюсь: и за прекраснѣйшимъ концертомъ Гуммеля скучаю, какъ лѣнивый школьникъ за урокомъ.... Твое письмо много преобразило меня; не знаю, надолго-ли?.... Представь себѣ: бывало, въ моей проклятой любви, каждую минуту скуки было чѣмъ наполнить; а чѣмъ? Только мыслію «о ней!...» Все прочее: заботы о супружеской жизни, о благосостояніи дома, объ удовольствіяхъ — было дѣло постороннее; а главная, пленительнѣйшая мысль была: «она! она!» и опять «она!».... Теперь у меня нѣтъ ничего главнаго, ничего посторонняго: все смѣшалось въ одно. Жизнь моя — какъ мутный потокъ!... къ чему ни прибѣгну, ничто не можетъ

наполнить пустоты въ сердцѣ!.... Недавно затянули меня насильно на одну веселую пирушку молодыхъ людей; но меня такая обхватила тоска, что всѣ старались поскорѣе разстаться со мною... Притомъ-же, какъ предательствуютъ на этихъ пирушкахъ, ужасно! Бывало, послѣ моихъ любовныхъ мечтаній, я могъ быть дѣятеленъ; а послѣ этихъ веселій меня всегда постигаетъ мучительная скука, какъ наказаніе.... Мнѣ случалось даже замѣчать, какъ богатые молодые люди любили погулять со мною, на мой-же счетъ! и надо-мной-же смѣялись!.... Я бы хотѣлъ куда-нибудь ѣхать, но куда? вездѣ найдутся несносные люди!.... И какъ ѣхать безъ капитала?!.... Вотъ такъ-то, что ни вздумаю, — сейчасъ родятся невозможности!....

На этомъ мѣстѣ Эдуардъ опять прекратилъ письмо свое и черезъ два дня,

свободные часы которыхъ были пожертвованы прогулкамъ, онъ продолжалъ:

Послѣ твоего письма, на другой день, мнѣ хотѣлось провесть нѣсколько часовъ одиноко, гдѣ-нибудь, на здѣшнихъ островахъ: я отправился водою къ Крестовскому. Меня привезли прямо къ тому мѣсту, гдѣ наши разсчетливо-веселые Нѣмцы любятъ попраздничать въ семейномъ кругу. Братъ, сердце мое разрывалось, когда я смотрѣлъ на этихъ счастливцевъ!.... Имя мое извѣстно во многихъ знатныхъ домахъ Петербурга; меня знаетъ публика;.... а этихъ людей никто не знаетъ;.... и что-жъ предъ ними я съ моею извѣстностію, которой я жаждалъ?.... Да пусть бы я теперь достигъ даже славы, — но съ кѣмъ бы я ее раздѣлилъ?! А они, счастливцы, можетъ быть, послѣдній ничтожный грошъ свой дѣлятъ, блаженствуя, въ семьѣ своей!.... О, братъ, братъ! хоро-

шо, что никто не видалъ, какъ я заливался слезами, подъ сосной, въ лѣсу!.... При переходѣ съ Крестовскаго на Елагинъ, пронеслись мимо меня три двуконныя телѣжки; да вѣдь какъ неслись! какъ звенѣли колькольчики, чудо! На первой телѣжкѣ сидѣли двѣ крестьянки, — одна очень хорошенькая; съ ними молодой Русскій мужикъ; на прочихъ телѣжкахъ сидѣли по-нѣсколько крестьянъ и крестьянокъ. Они всѣ скоро скрылись за деревьями, по дорогѣ въ Старую-Деревню. Проходящіе, смотря на нихъ съ любопытствомъ, говорили, — «это свадьба; — они ѣдутъ въ церковь!....» Свадьба! И этотъ веселый поѣздъ! И хорошенькая невѣста! И веселые мужички!.... Веселитесь! веселитесь! вамъ легко! васъ много! у васъ свадьба!... Я — одинъ! Я никогда не женюсь!.... О, хоть разорваться груди моей!.... И какъ они умѣютъ безпечно веселиться,

эти Русскіе мужики!.... Вотъ еще идетъ толпа съ сѣнокоса: сколько пѣсенъ заунывныхъ, разгульныхъ, плавныхъ, удалыхъ!.... Какъ хохочутъ купающіеся! И птицы, кажется, помогаютъ имъ веселиться!.... А мнѣ кто поможетъ перенесть тоску мою?.... Съ этою мыслію, по уединенной прирѣчной дорожкѣ я приблизился незамѣтно къ взморью. Тутъ сидѣла, смотря на западавшее солнце, Эмилія Гиммельтраумъ; въ опущенныхъ рукахъ ея была книга, а возлѣ рѣзвились трое дѣтей. Я ушелъ незамѣченный ею. Не знаю, почему я ее не могу любить; а она имѣетъ много достоинствъ. Правда, я теперь женщинъ почти ненавижу, исключая немногихъ, между которыми надо упомянуть и семейство Винцевичь, къ которымъ я чѣмъ-чаще хожу, тѣмъ-болѣе становятся они для меня любезными!....

Этимъ кончилъ Эдуардъ письмо и сѣлъ

за рояль. Прочитавъ письмо, когда ложился спать, онъ прибавилъ:

Ухъ, сколько я тебѣ написалъ! Во всю жизнь я не написалъ болѣе. Откуда взялось столько мыслей? Право, чудное дѣло письмо твое!.... Но, прощай, братъ! Будь веселъ; а на твоего Эдуарда опять тоска нападаетъ. Посмотримъ, не отдѣлаюсь-ли отъ нея сномъ!

Твой Эдуардъ Вольфгангъ.

Это письмо на другой день попалось въ руки г-жи Вольфгангъ: она съ радостію читала его: тоска сына восхищала ее, потому-что въ ней видѣла она раскаяніе и возрожденіе таланта. Замѣчаніе объ Эмиліи подало ей поводъ думать, что отвращеніе Эдуарда къ достойной Эмиліи ослабѣваетъ; а привязанность его къ семейству Винцевичь считала она обыкновенною привязанностію къ доб-

рымъ знакомымъ, и хорошимъ признакомъ, что онъ не бѣгаетъ удовольствій въ семейномъ кругу.

XII.

«Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ!»
Вздохнувъ я самъ себѣ сказалъ.

Н. М. Карамзинъ.

Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородные
Переселенцы съ вышины,
Что вамъ, какъ и ему, свободные
И крылья и душа даны:
Но вы къ землѣ цвѣты прикованы;
Вамъ на землѣ и умереть;
Глаза лишь вами очарованы,
А сердца вамъ не разогрѣть.
Не рождены вы для вниманія;
Вамъ не понятенъ чувства гласъ;
Стремишься къ вамъ безъ упованія;
Безъ горя забываешь васъ.

В. А. Жуковскій.

Въ тотъ годъ семейство Винцевичь еще съ Мая мѣсяца поселилось на одной изъ неочень замѣтныхъ дачъ Крестов-

скаго-Острова. Непріятности, причиненныя имъ собственнымъ неблагоразуміемъ и легкомысліемъ корнета, принудили ихъ нѣсколько удаляться отъ людей, т. е., хоть не жить на дачѣ, открытой для всѣхъ глазъ.

Эдуардъ былъ ими принятъ очень ласково: а ласковый пріемъ манилъ его къ нимъ, да и меньшая дочь, Евгенія, начала его пленять хотя еще очень осторожными чарами. Вскорѣ Аркадію мать поручила сблизиться съ Эдуардомъ: узнать покороче его образъ жизни, характеръ его матери, число родныхъ и тому подобное. А для этого мать и старшая дочь, Полина, придумали, чтобы Аркадій взялъ нѣсколько уроковъ на фортепіано у Эдуарда. Эдуардъ никогда бы на это не согласился, потому-что Аркадій мало занимался музыкою и не имѣлъ постояннаго трудолюбія, но Евгенія такъ мило, такъ очаровательно умѣла

предложить этотъ трудъ Эдуарду, что онъ не нашелъ словъ къ отговоркѣ....

Правда, что-то тайное отравляло теперь въ Эдуардѣ жажду любви: иногда онъ летѣлъ на Крестовскій островъ, на дачу Винцевичей; въ воображеніи его только и былъ образъ Евгеніи — и вдругъ, то двусмысленная рѣчь Полины, то разсужденія г-жи Винцевичь о вредѣ холостой жизни или о неуваженіи, которое оказываютъ зятья своимъ новымъ родственникамъ, — заставляли его думать; а дума, особенно непріятная, огорчала его. Только образъ Евгеніи, мелькавшій его воображенію, ея нѣжный голосъ, ея скромныя рѣчи, безъ всякихъ колкостей, опять ободряли пылкаго мечтателя, и онъ торопилъ извощика на дачу Винцевичей. А здѣсь дружескій, по видимому, пріемъ обольщалъ его — и онъ блаженствовалъ.

Цѣль занятій Аркадія на фортепіано

уже даетъ поводъ думать: каковы были занятія? Но пленепный Эдуардъ былъ терпѣливъ. Уроки составлялись такъ, что Аркадій старался какъ можно чаще быть у Эдуарда, то-для наблюденій за нимъ, то-длятого только, чтобъ не слышать дóма безпрестанныхъ толковъ о замужствѣ сестеръ своихъ; а Эдуардъ, съ своей стороны, старался какъ можно чаще быть въ домѣ Винцевичь, по весьма естественной причинѣ. Аркадій на урокахъ часто занимался только разсказомъ о своихъ родныхъ: онъ хитро умѣлъ подшутить или даже посмѣяться надъ одними, чтобы тѣмъ лучше выставить достоинства Евгеніи; вообще тутъ много входило лжи и хвастовства, но пылкій влюбленный Эдуардъ — одному вѣрилъ, другое пропускалъ мимо ушей. Онъ любилъ теперь еще безъ цѣли; любилъ, потому-что не могъ не любить: сердце его созданное для любви,

изсохло бы безъ нея, какъ цвѣтокъ безъ влаги и безъ лучей солнечныхъ.

Вскорѣ Эдуардъ былъ объявленъ въ семействѣ Винцевичь домашнимъ другомъ, но только для глазъ знакомыхъ; а втайнѣ, между матерью и дѣтьми, онъ былъ назначенъ непремѣннымъ женихомъ Евгеніи. Для уменьшенія свадебныхъ расходовъ и особенно говоровъ, что дочь полковника выходитъ за мужъ за фортепіаннаго учителя, положено было — уѣхать передъ свадьбою въ деревню, а потомъ поселиться въ Черниговѣ. Всѣ эти и подобные объявленія, назначенія, планы дѣлались безъ-вѣдома Эдуарда....

Оканчивался уже Іюль мѣсяцъ. Прелестные вечера съ тысячецвѣтными зарями и пріятныя Петербургскія ночи съ мракомъ, луною и звѣздами между разорванныхъ серебряныхъ облаковъ, покровительствовали мечтателямъ и тѣмъ, которые ставятъ сѣти для мечтателей. Та-

кіе вечера и ночи, какъ Меркурій, покровительствуютъ равно поэтамъ и ворамъ. Въ такой вечеръ Эдуардъ былъ у Винцевичей. Послѣ чаю, часу въ десятомъ, г-жа Винцевичь вздумала недалеко проводить бывшую у нихъ гостью. «А ты, Жени, не пойдешь съ нами?» спросила она съ лукавою улыбкою у дочери, занимавшейся музыкою съ Эдуардомъ.

— «Нѣтъ, маменька, мнѣ не хочется; очень сыро!»

— «Слышите, Эдуардъ Богданычъ,» сказалъ полугромко Аркадій, «сестрица, Евгенія, говоритъ, что сыро; а ужъ съ мѣсяцъ дождя не было! ги, ги, ги!...»

Эдуардъ улыбнулся, немного смѣшался и продолжалъ играть на фортепіано.

— «Конечно сыро; теперь роса!» сказала Евгенія съ тою дѣтскою простотою, которая иногда такъ прелестна, и

которая очень легко изучается опытными дѣвицами.

Черезъ нѣсколько минутъ Эдуардъ остался наединѣ съ Евгеніею. Отъ фортепіано они перешли въ небольшой садъ и сѣли на скамейкѣ подъ растворенным окномъ.

— «Хоть ваша дача очень уединенна,» сказалъ Эдуардъ, «но она мнѣ болѣе нравится, нежели всѣ тѣ тамъ по берегу, противъ Элагина: тѣ слишкомъ открыты для любопытныхъ и для пыли.»

— «Да, маменька, такъ выбрала,» сказала уныло Евгенія.

— «А развѣ вамъ не нравится этотъ выборъ?»

— «Здѣсь слишкомъ мало проходитъ людей....»

— «А мнѣ здѣсь нравится....»

— «Такъ зачѣмъ-же вы такъ рѣдко бываете у насъ, если вамъ здѣсь нравится?...»

— «Что-жъ дѣлать, если невсегда возможно то, чего желаешь.»

— «Разумѣется, что вы говорите о благородномъ желаніи: такъ почему-жъ не удовлетворять своему желанію?...»

— «Ахъ! Евгенія Станиславовна, я не умѣю выразить, какъ мнѣ въ вашемъ домѣ всегда пріятно! Какъ восхищаетъ меня эта свобода и простота обращенія! Я бы хотѣлъ у васъ быть безвыходно!...»

— «Такъ что-жъ вамъ мѣшаетъ?...»

— «Я не знаю, что меня удерживаетъ: приличіе-ли, или боязнь, чтобы удовольствіе не уменьшилось, когда часто имъ станешь наслаждаться!....

— «Вотъ прекрасно! Я люблю персики: готова ихъ кушать всегда! безпрестанно!....»

— «Едва-ли безпрестанно, когда и лучшая музыкальная піеса можетъ прискучить, если часто ее слушаешь.»

— «Ну, да конечно двадцати перси-

ковъ я не могу скушать вдругъ.... Но, впрочемъ, мы уже заговорили о фруктахъ и о музыкѣ, а начали, кажется, о вашихъ визитахъ.... Ахъ! ахъ! посмотрите! ахъ, какъ мило! ахъ, прелесть!...»

Прямо противъ нихъ сверкнула змѣею въ вышинѣ ракета, разсыпалась свѣтлыми искрами въ видѣ кисти виноградной и, хлопнувъ, погасла. Чрезъ минуту поднялась другая.

— «Чтожъ вы не смотрите, Эдуардъ Богдановичъ! Развѣ это васъ не интересуетъ?!...»

— «Я смотрю на васъ!» сказалъ Эдуардъ полный упоенія.

— «Да на мнѣ нѣтъ ракетокъ,» сказала, простодушно улыбаясь, Евгенія.

— «Я жду, какъ вы опять прелестно затрепещете отъ удовольствія!...»

Эти слова, сказанныя въ чистомъ пламени мечтателя, были поняты Евгенію иначе: она была довольна и продолжала

глядѣть на ракету. «Нѣтъ, опять обманъ!» сказала она и въ досадѣ сѣла, когда ракета, хлопнувъ, погасла. «И что не обманъ на землѣ?» продолжала она, «Все блеснетъ да и погаснетъ. Есть-ли хоть одинъ вздохъ, который бы можно было принять за искренній?!...»

— «Неужели вы думаете, что нѣтъ на всей землѣ ни одного сердца, которому бы можно было довѣриться?!....»

— «На всей землѣ и ни одного сердца!» сказала Евгенія съ тою милою горячностію, которая еще болѣе чаруетъ и привлекаетъ, нежели отталкиваетъ.

— «Но, какъ бы мнѣ не хотѣлось, Евгенія Станиславовна!» сказалъ Эдуардъ, съ сильнымъ движеніемъ сердца схвативъ ея руку; «какъ бы мнѣ не хотѣлось, чтобы вы обо всѣхъ такъ думали!....»

— «Пойдемъ-те въ покои; здѣсь ста-

новится холодно.» И Евгенія встала съ мѣста.

— «Постойте!» сказалъ Эдуардъ въ сладкомъ самозабвеніи, въ полголоса: «Одно слово!... Евгенія!...»

Приэтомъ надъ скамьею у окна кто-то слегка кашлянулъ: Эдуардъ очнулся и послѣдовалъ за Евгеніею въ комнаты.

Надобно сказать, что почти въ то-же время, какъ Эдуардъ и Евгенія вышли въ садъ, г-жа Винцевичь съ дѣтьми возвратились домой, не замѣченныя нашимъ героемъ. Они у растворенпаго окна слышали весь разговоръ Евгеніи съ Эдуардомъ: и Полина наконецъ кашлянула съ намѣреніемъ, дать Эдуарду замѣтить, что онъ подслушанъ.

— «Вѣдь ты, Жени,» сказала мать, «говорила, что погода сыра, а сидишь такъ долго въ саду?....»

— «Мы фейерверкъ смотрѣли,» сказала, улыбаясь Евгенія.

— «Что, Евгенія, удачно сгорѣлъ твой фейерверкъ?» спросила Полина лукаво.

— «Удачно.»

— «И сырая погода не помѣшала?....»

— «Нѣтъ....»

Между тѣмъ Эдуардъ, видя, что уже дѣло идетъ къ покою, взялъ шляпу и сталъ откланиваться.

— «Пожалуста, не замедлите опять къ намъ, Эдуардъ Богдановичъ,» сказала г-жа Винцевичь.

— «А то Евгеніи не съ кѣмъ будетъ фейерверкъ смотрѣть,» прибавила Полина.

Эдуардъ, щекотимый чувствомъ признательности за приглашеніе и вольнымъ замѣчаніемъ Полины, откланивался.

— «Да что ему наши слова,» сказала мать: «ему надо приказаніе тѣхъ, которые ужъ, видно, во всю жизнь будутъ его повелителями: Евгенія, проси

Эдуарда Богдановича пожаловать завтра къ намъ обѣдать....»

— «Завтра я весь день на урокахъ.»

— «Ну, такъ вечеромъ,» сказала скромно Евгенія.

— «Благодарю васъ очень; если можно будетъ, непремѣнно приду!....»

Былъ одиннадцатый часъ въ исходѣ, когда Эдуардъ, подъ градомъ приглашеній, желаній добраго пути и милыхъ словъ, — вышелъ изъ дома Винцевичъ. На ту пору ночь была облачная, темная; воздухъ отъ близости воды сырѣлъ; глубокая тишина распространилась далеко по окрестностямъ острова. Эдуардъ, волнуемый различными чувствованіями, пріятными отъ впечатлѣній, произведенныхъ Евгеніею и оскорбительныхъ отъ намековъ ея матери и словъ Полины, шелъ уже около десяти минутъ. Вдругъ на берегу Невы онъ услышалъ плачъ и заэтимъ слова плачущей дѣвушки: «Да

вотъ, все этотъ, Вольфгангъ-то проклятый!...»

Эдуардъ остановился вблизи за кустарникомъ. По голосу онъ узналъ въ плачущей горничную семейства Винцевичъ. Она что-то полоскала въ рѣкѣ и омывала ноги.

— «Такъ о чемъ-же ты плачешь?» спрашивала ее какая-то женщина.

— «Да какъ-же: я пошла чрезъ лѣсокъ, вонъ что тамъ, въ концѣ аллеи, хотѣла перепрыгнуть черезъ канаву, да прямо въ нее и попала: вся перепачкалась въ распроклятой этой канавѣ!... Ноги всѣ себѣ перколола! Чуть-было руки не вывихнула!....»

— «И что имъ ужъ такъ далось это: какъ будто не могутъ видѣть человѣка? Ну, хорошъ, такъ видно; а худъ, — такъ вѣдь шила въ мѣшкѣ не утаишь....»

— «Да, ты говори. Корнетъ-то ихъ надулъ: вотъ и стали теперь засылать

узнавать о карахтерѣ, да каково живетъ? Ну, а что я узнала? Кто во что гораздъ: кто говоритъ, что онъ ангелъ во плоти; кто — что у него ромъ со стола не сходитъ.... Ахъ, Ивановна, какъ больно я наколола ногу-то, не знаю, чѣмъ: вся въ крови! Ужасть!...»

— «Да ты хорошенько водою-то мой: можетъ, нѣтъ-ли тамъ стекла?...»

— «Ужъ, право, на зло вотъ паскажу имъ, чортъ знаетъ, какую гадость объ этомъ Вольфгангѣ: такъ и пройдетъ охота свататься!...»

— «Да, дѣвушка, а какъ узнаютъ, что ты налгала?...»

— «Такъ что-жъ, вѣдь я скажу, что мнѣ такъ самой сказали. А то похвалика, да онъ нехорошъ, такъ ты послѣ и деньки-то отживи. Да что, правду сказать, такъ ихъ вовсе непара: онъ, кажется, человѣкъ тихій, добрый; а вѣдь барышня-то наша, Евгенія, что? ни хо-

зяйка, ни барыня; иголки въ руки взять не умѣетъ; сидитъ-себѣ, либо ходитъ цѣлый день безъ всякаго занятія. Со мною иной разъ такія глупости заведетъ: была-ли я влюблена; или еще хуже что; приличное-ли, нѣтъ-ли — не разбираетъ. Вотъ и сегодня, какъ посылали меня узнать-то, такъ она мнѣ такую вещицу тихонько поручила, что чудо!... Откуда она это знаетъ?!...»

— «А что?»

— «Да, видишь, нѣтъ-ли у него ужъ какой красавицы подъ покровительствомъ?....»

Приэтомъ обѣ женщины отошли отъ рѣки и скрылись, разговаривая тихо, по дорогѣ къ дому Винцевичь. А между тѣмъ въ этомъ домѣ происходилъ другой разговоръ. Мать сидѣла на диванѣ, а дѣти около стола подлѣ нея.

— «Ну, такъ, Жени, поздравляемъ съ совершенною побѣдою! Недолго ты оста-

валась безъ войны, а побѣду одержала еще скорѣе!» сказала мать. «Но, я думаю, — что этотъ ужъ не откажется послѣ того, что онъ теперь обнаружилъ: онъ слишкомъ деликатенъ и благороденъ.»

— «Досадно только,» сказала Полина, «что онъ вовсе не служитъ; хоть бы какой-нибудь имѣлъ чинъ, все бы лучше.»

— «Ну, это можно будетъ сдѣлать черезъ нашего Книгина,» сказала спокойно мать.

— «Право, я думала,» сказала, смѣясь, Евгенія, «что онъ съ ума сошелъ, когда онъ, почти задыхаясь, говорилъ: — Евгенія! постойте! не уходите еще! — Одно слово, Евгенія!...»

— «Давеча, какъ ты разсказывала, Евгенія,» сказала Полина, «такъ онъ тебѣ совсѣмъ нестолько наговорилъ, какъ теперь ты насказала....»

— «Ну, оставь ее,» сказала мать;

«вѣдь она скоро сама разсыпится отъ восхищенія, какъ давешнія ракетки.»

— «Да ужъ не назрала-ли намъ Анна Михайловна,» сказала Полина, «что онъ былъ влюбленъ въ какую-то Крупникову?...»

— «Что-жъ, невозможнаго тутъ нѣтъ,» сказала мать; «онъ молодой человѣкъ и сердце у него не деревянное. А не состоялось у нихъ вѣрно по капризамъ этого нелюдимаго, суроваго отца, а не потому чтобъ она измѣнила ему. Впрочемъ что скажетъ объ этомъ Евгенія; я увѣрена, что она рада....»

— «Вы, мама, сегодня надъ мною безпрестанно смѣетесь....»

— «Жаль, что онъ не военный!» воскликнула Полина.

— «Ужъ твои ненавистные военные! Я ихъ теперь всѣхъ презираю!» сказала раздраженная Евгенія.

— «Ну, ну, успокойся,» сказала По-

лина; «твой Эдуардъ конечно нерѣшится на такой низкій поступокъ, какъ нашъ мосье корнетъ.»

— «Я сама тоже думаю,» сказала мать; «онъ слишкомъ скроменъ и благороденъ, чтобы такъ поступить.... Только теперь, Жени, надо тебѣ быть осторожнѣе съ Вольфгангомъ, чтобы онъ не подумалъ, что мы ему навязываемся.... Не узналъ бы онъ, что мы посылали разузнать о немъ.»

— «Катерина наша нетакъ глупа,» сказала Полина.

— «Да что-это ея долго нѣтъ?!....» спросила мать.

Въ эту минуту вошла въ комнату Катерина, та самая дѣвушка, которой плачъ и жалобы слышалъ Эдуардъ на берегу рѣки.

— «Помилуй, помилуй, Катерина!» сказала г-жа Винцевичь, «что ты это? въ какомъ видѣ? Растрепанная, въ гря-

зи! Да, на тебя ужасъ взглянуть!....»

— «Что-жъ мнѣ дѣлать?» сказала довольно грубо служанка; «я вонъ тамъ въ аллеѣ попала въ канаву и чуть руки не вывихнула!....»

— «Ну, а еще что ты добраго принесла?» спросила съ гордымъ взглядомъ Полина.

— «Да что-съ добраго-то: всѣ говорятъ, что мусье Вольфгангъ самый развратный человѣкъ! Что его нигдѣ не принимаютъ-съ: только что явится, такъ его отовсюду гонятъ, какъ мошенника!....»

Приэтомъ Евгенія начала хохотать; г-жа Винцевичь махнула рукою и взглянула съ усмѣшкою на Полину.

— «Кто тебѣ это разсказалъ?» спросила Полина.

— «Моя сестра; она слышала отъ одной дѣвушки, которая ходитъ къ кухаркѣ г-жи Вольфгангъ.»

— «Но вѣдь ты говорила, что имѣешь самый близкій случай распросить о немъ....»

— «Да, вотъ-съ, ближе этого ужъ я не знаю.»

— «Ну, поди, теперь убирайся отсюда!» сказала Полина повелительно; «и впередъ не приноси грязи ни на платьѣ, ни на языкѣ твоемъ.»

Служанка вышла изъ комнаты, ворча про-себя: «Впередъ я вамъ и черное буду называть бѣлымъ, пожалуй, если сами того хотите!....»

Скоро, счастливо убѣжденныя въ своемъ блаженствѣ, мать и двѣ дочери отправились въ спальню, и, послѣ очень немногихъ словъ и премногихъ зѣваній, заснули преспокойно. Сынъ былъ еще счастливѣе: онъ давно уже спалъ.

Но мы и забыли объ Эдуардѣ, который за деревьями прислушивался къ разговору служанокъ. Когда во мракѣ

затихъ и голосъ удалившихся отъ берега женщинъ, то онъ вышелъ изъ своей засады опять на дорогу. «Правда,» думалъ онъ, «хотя и служанки, но слова ихъ имѣютъ вѣроятіе.... *Ему надо приказаніе тѣхъ, которые ужъ; видно, во всю жизнь будутъ его повелителями,* — сказала давеча мать; гм, и еще что-то острила эта сестрица и этотъ повѣса братецъ.... Такъ вотъ почему меня такъ ласкали, такъ принимали, какъ роднаго, и всѣмъ рекомендовали, какъ домашняго друга.... Ахъ, какой я глупецъ! А все моя слѣпая довѣрчивость!.... Да, вѣдь, чортъ-же знаетъ, какъ съ людьми обращаться! Винцевичи открывали мнѣ малѣйшія подробности своей жизни: какъ-же мнѣ было обходиться съ ними, какъ не по-родному?!.... Да, можетъ быть, я и сдѣлался бы ихъ роднымъ;.... но теперь, слава Богу, что этого не случилось!.... Правда, въ Ев-

геніи я ничего не замѣчалъ отталкивающаго, а если что и было, такъ это принадлежало не ей: оно было внушено родными. Но съ этой минуты я могу ей только извинять; быть ей роднымъ — никогда не могу: она родная не родныхъ мнѣ!.... Поручить — и кому еще поручить узнать: нѣтъ-ли у меня метресы? гм! Это значитъ: поручить узнать, не мошенникъ-ли я?.... Иначе я не могу себѣ объяснить этого: какъ? любить меня и думать, не обманщикъ-ли я!.... Но любовь была тутъ одною ловушкою: изъ меня хотѣли только зятя!.... Нѣтъ, Евгенія, я любилъ тебя зато, что ты казалась мнѣ достойною любви; теперь.... Ахъ, люди, люди! Ахъ, вы Винцевичи, Винцевичи!.... Посмотримъ, долго-ли еще будутъ они считать меня своимъ зятемъ? Теперь и нога моя не будетъ въ ихъ домѣ!» Потомъ, оборотясь въ сторону къ дому Винцевичь, онъ

закричалъ, смѣясь: «Hol euch der Teufel!...» И, продолжая путь, съ новымъ презрѣніемъ къ жизни, онъ думалъ: «А я пойду туда, гдѣ за всѣ подобныя вашимъ ласки и угощенія я заплачу только моими деньгами, а не моимъ спокойствіемъ, которое хотѣли вы у меня отнять за ваши дьявольскія нѣжности!....»

Вдругъ передъ нимъ явилась женщина: онъ оробѣлъ.... «Батюшка, отецъ родной! не оставьте несчастную; васъ Богъ не оставитъ!....» сказала она разбитымъ но не грубымъ голосомъ. Въ эту минуту межъ облаковъ глянулъ на землю свѣтлый мѣсяцъ. Эдуардъ едва узналъ въ разслабленной нищей одну изъ тѣхъ несчастныхъ, которую онъ видѣлъ мѣсяца четыре назадъ во всей роскоши праздной нѣги.

— «Да какъ-же ты просишь милостыню такъ поздно?!» спросилъ онъ.

— «Ахъ, господинъ, я еще не ѣла сегодня, такъ, видно, непоздно!....»

— «А гдѣ-жъ ты будешь ночевать?»

— «Пора еще теплая;.... гдѣ-нибудь мѣсто найду....»

Эдуардъ далъ ей поспѣшно нѣсколько серебряныхъ монетъ, сѣлъ на извощика и велѣлъ ѣхать прямо домой. «Въ нѣсколько минутъ какія двѣ встрѣчи!» подумалъ онъ. «И какъ самъ я разстроенъ!....» И онъ торопилъ извощика и, какъ бы желая развѣять свою кручину, свисталъ изъ всей силы, — и свистъ его разсыпался по затихшимъ рощамъ Крестовскаго-Острова. А между-тѣмъ онъ думалъ: «Кчему употребляли они хитрость? Евгенія такъ была мила, такъ привлекательна!.... Но и она!.... Въ такомъ прелестномъ созданіи и такія отвратительныя наклонности!...»

Когда душа поэта, послѣ сильнаго волненія, переходитъ къ мышленію, то

это ясный признакъ, что творческая сила въ ней возникаетъ. Душа Эдуарда къ чему-то настроивалась, ее что-то звало отъ земли; но мало-по-малу на мягкой дорогѣ Крестовскаго-Острова онъ сталъ приходить въ забывчивость, или, лучше сказать, въ дремоту: голова его поникла; душевныя силы переставали дѣйствовать. Происки семейства Винцевичь не повергли его въ бѣшенство; они подкрѣпили въ немъ только дурное мнѣніе о людяхъ и ожесточеніе къ нимъ; притомъ-же подобные случаи были ему нѣсколько знакомы по разсказамъ; а любовь, какъ испуганная пташка, слетѣла съ его сердца: и тѣмъ легче, что уже была вторая, послѣ измѣнчивой первой, и не могла еще укорениться. И-такъ Эдуардъ ѣхалъ и безпечно дремалъ на дрожкахъ. Ночь сняла облака съ звѣздной темной лазури и плескала полнымъ свѣтомъ луны на землю. Гдѣ-то далеко

унылый колоколъ простонала одиннадцать часовъ; еще гдѣ-то сторожевой пробилъ въ деревянную доску вѣсть о минувшемъ часѣ; потомъ опять все замолкло, какъ въ могилѣ. Вдругъ среди этой могильной тишины, по струямъ прохладнаго воздуха, послышался гулкій ударъ церковнаго колокола, черезъ минуту другой ясный, и наконецъ относимый вѣтромъ — третій. Старикъ извощикъ снялъ шляпу и, крестясь, проговорилъ: «*Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего!*»

— «Что значитъ этотъ колоколъ?» спросилъ Эдуардъ.

— «Видно, батюшка, гдѣ-нибудь священникъ умеръ,» отвѣчалъ извощикъ.

Эта нежданная вѣсть съ церковной колокольни о смерти, просто но краснорѣчиво объясненная простолюдиномъ, проникла Эдуарда. Сонъ оставилъ его, и воспоминанія прошедшаго, бѣдные об-

разы настоящаго и неизвѣстное будущее навели на душу его грусть поэтическую. Невольно началъ онъ создавать планъ симфоніи, этой музыкальной повѣсти. Въ сегодняшнемъ вечерѣ были длятого всѣ элементы: чистая любовь Эдуарда, происки семейства Винцевичъ, жертва страстей, встрѣтившаяся въ лѣсу, и мрачный ко всему этому финалъ — вѣсть колокола о смерти. На этихъ началахъ онъ спѣшилъ коснуться клавишей....

Но флигель показался ему слишкомъ разстроеннымъ; сонъ и заботы о будущемъ днѣ одолѣли его — и онъ бросился на ложе. Бѣднякъ! Лира въ груди его разбита, а онъ думаетъ, что рояль разстроенъ!....

На другой день, послѣ утреннихъ уроковъ, вечеромъ онъ не пошелъ къ Винцевичамъ и занялся сочиненіемъ симфоніи; но вчерашнія впечатленія были въ немъ теперь слабы, и сочетаніе звуковъ

безцвѣтно. Вскорѣ, къ неудовольствію его, явился Аркадій. Эдуардъ принялъ его не съ прежними восторгами, но както обдуманно и холодно: это изумило Аркадія — и онъ сдѣлался привѣтливѣе и унизительнѣе.

Надобно сказать, что семейство Винцевичь ожидало Эдуарда непремѣнно къ обѣду; но когда онъ не явился и вечеромъ, то нетерпѣливое любопытство ихъ и даже опасеніе — не проникъ-ли онъ въ нѣкоторыя ихъ тайны, побудило ихъ отправить Аркадія къ Эдуарду, подъ предлогомъ: узнать не случилось-ли съ нимъ чего? здоровъ-ли онъ? Впрочемъ это семейство успокоивалось немного гордою мыслію, что Эдуардъ-музыкантъ не откажется отъ руки дочери полковника и съ приданымъ на пятнадцать тысячъ.

Всѣ попытки Аркадія развеселить Эдуарда, узнать причину его угрюмости и

почему онъ сегодня не обрадовалъ ихъ своимъ посѣщеніемъ, остались тщетны. Эдуардъ сухо жаловался на головную боль, вообще былъ коротокъ на слова, и по природѣ своей, не могъ скрыть тайнаго желанія разстаться поскорѣе съ ненавистнымъ лицемъ.

— «По крайней мѣрѣ на будущій урокъ, то есть, послѣзавтра вы будете непремѣнно у насъ?» сказалъ съ просительнымъ видомъ Аркадій.

— «Знаете что?» сказалъ Эдуардъ, улыбаясь, «у васъ гораздо болѣе времени, нежели у меня; вы бываете на здѣшней сторонѣ каждый день, а у меня въ вашихъ краяхъ прекратились всѣ уроки: такъ нелучше-ли будетъ, если ужъ вы ко мнѣ....»

— «Нѣтъ, ужъ Эдуардъ Богдановичъ.....»

— «Ну, хорошо, я постараюсь; а если не буду въ четыре часа къ вамъ,

то до шести часовъ, недалѣе, я буду дома, и — мы можемъ заняться....»

— «Нѣтъ, ужъ я надѣюсь, что у васъ время будетъ: я и своимъ скажу, что вы будете у насъ.... непремѣнно!.... Что вы обѣщались!....»

— «Я постараюсь,» сказалъ Эдуардъ, улыбаясь и беря Аркадія за руку на прощанье.

Послѣ этого происшествія, а еще болѣе, когда Эдуардъ и въ назначенный день не былъ на урокѣ у Аркадія, а имѣлъ съ нимъ подобную сцену у себя дома, — въ семействѣ Винцевичъ произошла рѣшительная перемѣна: положено было дѣйствовать противъ Эдуарда одними только учтивостями, отклонять каждый его нѣжный намекъ и прекратить Аркадію ученіе на фортепіано подъ предлогомъ большихъ занятій въ службѣ.

На послѣднемъ урокѣ Эдуардъ, по убѣжденіямъ Аркадія и по добродушному

чувству снисхожденія къ слабостямъ людей, хотя и ненавистныхъ уже ему, далъ слово быть у Винцевичей въ Воскресенье къ обѣду.

Обѣдъ былъ приготовленъ отличный; съ Эдуардомъ обошлись очень ласково; на свои легкіе упреки, за непосѣщеніе и за неисполненіе даннаго слова, не ждали и не требовали большихъ извиненій. Г-жа Винцевичь, по обычаю, занималась съ гостями на основаніи почетности лѣтъ и званія. Евгенія старалась уравнивать свои рѣчи и ласки между всѣми, начиная съ брата, переходя къ какому-то сослуживцу его и наконецъ до самаго Эдуарда. Полина занималась съ Эдуардомъ болѣе нежели съ кѣмъ-нибудь. Она, перебѣгая въ разговорѣ умно и ловко отъ предмета къ предмету, холодно коснулась любви и хитро намекнула на любовь Эдуарда къ Евфаліи.

Всѣ слова Полины были чужды серд-

цу Эдуарда: потому-что были плодомъ ума, а не чувства. Но, когда она заговорила о его любви, онъ вышелъ изъ разсѣянности, сдѣлался внимателенъ, и наконецъ спросилъ: «Но какъ-же вамъ все это извѣстно?...»

— «А! вы хотѣли отъ насъ утаить это? Нѣтъ, мы всегда видѣли, что вы были влюблены; и недавно узнали — въ кого?.... Все это намъ разсказала одна знакомая....»

Грустно-отрадное и вмѣстѣ болѣзненно-спасительное воспоминаніе прошло по душѣ Эдуарда: онъ задумчиво сказалъ: «Это все правда, я не запираюсь; но это ужъ давно миновало, или, лучше сказать, погибло безвозвратно и,» прибавилъ онъ съ улыбкою, «хорошо, что погибло! Я не могъ бы быть теперь такимъ свободнымъ человѣкомъ, еслибъ былъ женатъ....»

Но Полина не вѣрила равнодушію Эду-

арда и надѣялась еще на громъ своей мести за сестру и за цѣлое семейство; она съ намѣреніемъ начала разговоръ о любви и продолжала: «Но какъ-же вы кончили вашу любовь?...»

— «Все на свѣтѣ имѣетъ свое начало и конецъ.»

— «Ну, какой-же конецъ былъ вашей любви?»

— «Я знаю только, что она кончилась; а какъ? — этого я право не знаю.... Да кчему и знать теперь?!...»

— «А мы такъ знаемъ!» сказала значительно Полина. «Вамъ слѣдовало быть постояннѣе и тверже на дорогѣ къ близкой цѣли, и невдругъ въ отчаяніи покинуть ее. Знаете-ли, что раздѣлило васъ, что оторвало отъ васъ Эвфалію, которая прикована была къ вамъ самою пламенною любовью?... Вы, вѣрно, думали, что ей наскучило васъ любить, что вы не богачъ, не въ чинахъ, не въ ор-

денахъ?... Вы даже могли думать, что — она легкомысленна, вѣтрена?...»

— «Демонъ!» подумалъ Эдуардъ.

— «Вы ошибались, я вамъ говорю, ошибались ужасно! Вы были страстно любимы ею; она васъ любитъ даже и теперь!...»

— «Демонъ!» повторилъ мысленно Эдуардъ и улыбнулся.

Въ эту минуту слуга пришелъ съ подносомъ за чашками.

— «Вамъ угодно еще?» спросила Полина.

Эдуардъ благодарилъ.

— «Нѣтъ, нѣтъ; скажи Евгеніи,» приказала Полина слугѣ, «что Эдуардъ Богдановичъ желаетъ еще кофе.» Потомъ она продолжала: «Какой горести стоило Эвфаліи оставить васъ! Она чуть не умерла отъ печали, отъ отчаянія!...»

Эдуардъ смотрѣлъ прямо въ глаза Полинѣ: сердце его билось негодованіемъ;

на лицѣ не видно было ни грусти, ни изумленія. Это бѣсило мстящую Полину.

— «Такъ, знайте!» продолжала она выразительно, «виновникъ вашего несчастія, — га! мнѣ даже больно выговорить это! — человѣкъ, котораго вы такъ уважали, въ которомъ вы видѣли, кажется, величайшаго мудреца во всей Россіи, и который, какъ оказалось, есть только гордый, самолюбивый, безсмысленный старичишка!... Да вѣдь и всегда, впрочемъ, глупость есть причина всѣхъ бѣдствій на землѣ.»

— «Кто-жъ этотъ злодѣй?» спросилъ Эдуардъ. «Для меня вѣдь теперь это все равно. Мнѣ казалось, что ее никто не можетъ оторвать отъ меня; а если ужъ оторвали, такъ она и не принадлежала мнѣ.»

— «Едва-ли я могу вѣрить, что вы говорите это отъ души, откровенно....»

— «Совершенно отъ души!» сказалъ

съ безпечнымъ и легкимъ движеніемъ Эдуардъ. Это терзало озлобленное сердце Полины.

— «Хорошо,» сказала она, «положимъ-те, что такъ. Но развѣ быть презрѣну человѣкомъ, котораго мы уважали, развѣ это вы также легко можете перенести?...»

Щекотливый вопросъ смутилъ Эдуарда и помѣшалъ ему отвѣчать; онъ только могъ спросить: «Но кто-же онъ?»

— «Вы не повѣрите! а это правда, какъ то, что я съ вами теперь разговариваю; это — самъ отецъ Эвфаліи!» сказала Полина и вонзила свои глаза въ лице Эдуарда.

Онъ поникъ глазами въ землю и старался покрыть спокойствіемъ то презрѣніе, которое почувствовалъ въ себѣ къ Полинѣ; онъ думалъ: «Безумная правду сказала, что я этому не повѣрю.»

— «Знаете-ли, что онъ говорилъ Эв-

фаліи?» продолжала Полина, думая, что наконецъ достигла цѣли своихъ желаній. «Онъ ей представлялъ..... Извините, то, что я теперь скажу, для васъ можетъ быть очень оскорбительно, но оно будетъ полезно для будущности...»

— «Я въ этомъ совершенно увѣренъ!» сказалъ Эдуардъ, внутренно усмѣхаясь.

— «Онъ представлялъ Эвфаліи въ самомъ унизительномъ положеніи ваше званіе! Онъ, вѣдь вы знаете, самъ не музыкантъ и заводитъ у себя музыкальные вечера только отъ нечего дѣлать. Онъ даже сказалъ, что еслибъ она вышла за васъ, такъ онъ презрѣлъ бы обоихъ и особенно ее, какъ неблагодарную воспитанницу.....»

— «Ахъ, извините!» сказалъ вдругъ Эдуардъ, хватаясь за голову и ища своей шляпы; «у меня ужасно голова заболѣла!....»

— «Постойте, я вамъ сейчасъ спир-

ту дамъ: въ минуту вся боль уймется!...»

— «Нѣтъ, благодарю васъ; у меня одно для этого лекарство: мнѣ надо походить часа два, три на чистомъ воздухѣ.»

— «Какъ вамъ угодно,» сказала Полина, проникнувъ нѣсколько причину этой головной боли. «А потомъ вы опять къ намъ придете? Мы бы также пошли съ вами; да нельзя разстаться съ несносными гостями....»

И Эдуардъ вырвался изъ этого дома. На дворѣ онъ увидѣлъ Евгенію. Она, играя въ воланы съ братомъ и съ его сослуживцемъ, откланялась Эдуарду, какъ обыкновенному знакомому; какъ будто между ними ничего не было, или какъ будто они сегодня въ первый разъ видѣлись.

— «Вотъ сердца!» сказалъ самъ себѣ Эдуардъ, переходя на Элагинъ островъ и освобождаясь отъ того возму-

щеннаго состоянія, въ которомъ онъ вышелъ изъ дома Винцевичь....

Впрочемъ эти сердца какъ ни казались наружно спокойными, все-же мучились внутренно, каждое по своему, хотя и отъ одной причины. Мать скорбѣла, что дочери остаются въ беззамужествѣ; Полина злобствовала, что Эдуардъ не попался въ ихъ сѣти; но дѣвичья грусть Евгеніи облегчалась тѣмъ, что въ тотъ же день *вышеупомянутый* чиновникъ, молодой сослуживецъ Аркадія, очень ей понравился; да и она *таковымъ-же образомъ имѣла ему понравиться.*

По уходѣ Эдуарда, г-жа Винцевичь сказала своей собесѣдницѣ: «Прелюбезный молодой человѣкъ, этотъ мосье Вольфгангъ! Жаль только, слабъ здоровьемъ!»

— «Онъ, кажется, очень скромный молодой человѣкъ?» замѣтила гостья.

— «Очень скромный!... Вотъ, милая, ты всегда желаешь для своей дочери

только добраго, основательнаго молодаго человѣка: рекомендую нашего мосье Вольфганга; достойный молодой человѣкъ! Доходу онъ имѣетъ въ годъ тысячи четыре. Возьми его учителемъ для Сонички; а потóмъ веселымъ пиркомъ, да и за свадебку!....»

Дальнѣйшему разговору объ этомъ предметѣ помѣшалъ пришедшій вицедиректоръ Книгинъ.

По уходѣ гостей, Полина объявила, что теперь уже рѣшительно ничего нельзя надѣяться отъ Эдуарда. Она разсказала свой разговоръ съ нимъ, его недовѣрчивость, и какъ онъ вдругъ взялъ шляпу и, подъ предлогомъ головной боли, ушелъ.

— «Вотъ что значитъ низкая природа въ человѣкѣ!» сказала г-жа Винцевичь. «Будь онъ благороднаго званія — онъ никакъ бы не позволилъ себѣ поступить съ нами такъ низко послѣ

того, какъ мы съ нимъ обращались такъ дружно!...-»

— «Ужъ это не природа, а такое развратное сердце!» сказала Полина. «Нашъ мосьё корнетъ и хорошей фамиліи, да что-жъ?...»

— «Право, нынче свѣтъ что-день тохуже!...» сказала мать и, грустная, пошла въ спальню. Скоро въ ихъ домѣ все заснуло. Лишь глаза матери долго не смыкались; судьба семейства крушила ее: все настоящее такъ было слабо, вовсе не подавало надежды для хорошей будущности. Ее томило, что сынъ былъ очень недальнаго ума, и рѣдко и неохотно проводилъ время съ родными, а болѣе искалъ развлеченія въ кругу молодежи. Особенно-же ее печалило беззамужество дочерей....

Правда, многіе заблуждаются, думая, что выдти замужъ есть верхъ счастія и даже единственное счастіе женщины: а

потому-то безбрачіе для нихъ и есть величайшее несчастіе. Отъ самой колыбели дѣвушку готовятъ только въ невѣсты: воспитываютъ ее, рядятъ и лелѣютъ — все только длятого, чтобъ нашелся женихъ. И дѣвушка только о томъ и заботится, чтобы быть невѣстою: она не думаетъ быть женою, матерью; и вовсе не помышляетъ, чѣмъ ей быть тогда, когда судьба не благословитъ ее замужствомъ?!... Но, что дѣлать? Будемъ смотрѣть на людей, каковы они есть. Если ужъ они счастливы своимъ заблужденіемъ, то конечно будутъ несчастливы, если только выйдутъ изъ своего заблужденія и не обратятся къ истинѣ....

Въ самомъ дѣлѣ г-жа Винцевичь страдала. Она нѣсколько разъ покидала ложе свое; садилась у стола, на которомъ стоялъ тотъ самый туалетъ, подаренный покойнымъ мужемъ ея, еще женихомъ, тотъ самый туалетъ, передъ которымъ она убиралась къ вѣнцу. Она

еще живо представляла себѣ блаженныя минуты и неизъяснимые восторги— и съ горестію видѣла, что дочери ея лишены этого блаженства. Нестолько старшая, сколько младшая дочь озабочивала ее. Первая была уже въ лѣтахъ, опытна и проницательна; но за вторую она и горевала и боялась: красота и легкомысліе семнадцатилѣтней Евгеніи, безъ руководителя, казалось ей, были драгоцѣнности, не защищенныя ничѣмъ отъ хищниковъ. Ея материнская любовь, ея горесть и боязнь обременили ея воображеніе всѣми ужасами безбрачнаго житья.... «Сколько оскорбленій, сколько притѣсненій должны претерпѣть безкровныя сироты?!... Сколько насмѣшекъ бросятъ на васъ люди зато, что остались въ беззамужствѣ?!...» думала она. Неразъ холодный потъ выступалъ на тѣлѣ бѣдной матери; неразъ отирала она слезящіе глаза свои. И эта горесть тѣмъ

болѣе тяготила ее, что, по правиламъ приличія, она и дѣлить ее ни съ кѣмъ не могла. Только передъ утромъ забылась она сномъ....

Много безцѣнныхъ радостей у матери, правда! зато сколько и горестей?!.. Завидую только той матери, которая достойно выполняетъ всѣ свои обязанности, и во дни невзгоды всю себя и свое семейство умѣетъ предать единому Богу.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

У Книгопродавца Өедора Васильева Базунова, въ С. Петербургѣ, продаются нижеслѣдующія новыя книги:

СЕРДЦЕ ЖЕНЩИНЫ. Романъ *М. Н. Воскресенскаго.* 4 части М. 1842 г. цѣна 3 р. 50 к. серебромъ.

ПАРИЖСКАЯ КРАСАВИЦА. Романъ *К. Поль-де-кока.* 4 части С. П. Б. 1842 г. цѣна 2 руб. сереб.

НАСЛѢДСТВО КОМЕДІАНТА или Республика, Имперія и возстановленіе (l'homme aux trois culottes). Романъ *К. Поль-де-кока.* 2 части С. П. Б. 1842 г. цѣна 2 руб. сереб.

ПОВѢСТИ и ПРЕДАНІЯ НАРОДОВЪ славянскаго племени. Изданныя *И. Боричевскимъ.* 2 части С. П. Б. 1842 г. цѣна 2 руб. серебромъ.

ФИЗІОЛОГІЯ ВЛЮБЛЕННАГО. Съ 80-ю политипажными виньетками *П. Фурманна.* С. П. Б. 1842 г. цѣна 1 руб. сер.

ГЕНЕРАЛЪ КАЛОМЕРОСЪ. Романъ. Соч. *Вельтмана*, 2 части М. 1840 г. цѣна 1 руб. 50 коп. сереб.

АВТОМАТЪ. Соч *И. Калашникова* 3 части Спб. 1841 г. цѣна 1 руб. 50 коп. сер.

СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХЪ. Нѣкоторыя черты нравовъ и образа жизни семейной и одинокой Русскихъ дворянъ. 6 частей М. 1841 г. цѣна 6 руб. серебромъ.

ОЛЬГА. Бытъ Русскихъ дворянъ въ началѣ нынѣшняго Столѣтія. Соч. Автора *Семейства Холмскихъ* 4 части С. П. Б. 1840 г. цѣна 4 руб. сереб.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ СЦЕНЫ. Соч. Автора *Семейства Холмскихъ* С. П. Б. 1840 г. цѣна 1 руб. 43 коп. сереб.

ТОСКА ПО РОДИНѢ. Повѣсть Соч. *М. Н. Загоскина*. 2 части М. 1839 г. цѣна 2 руб. 85 коп. сереб.

ИСТОРІЯ НАПОЛЕОНА. Изданіе украшенное 500 рисунковъ *Горація Вернета*. С. П. Б. 1842 г. цѣна 10 руб. сереб.

СТО РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ съ Ихъ портретами и картинками, гравированными въ Лондонѣ. Изданіе *А. Смирдина* 2 тома Спб. 1841 г. цѣна 14 руб. 30 коп. сереб.

Гг. Иногородныя Особы благоволятъ съ требованіями своими относиться въ С. Петербургъ на имя Книгопродавца Ѳедора Васильева Базунова.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
PG3337
.I37
L58
1842
ch.2